

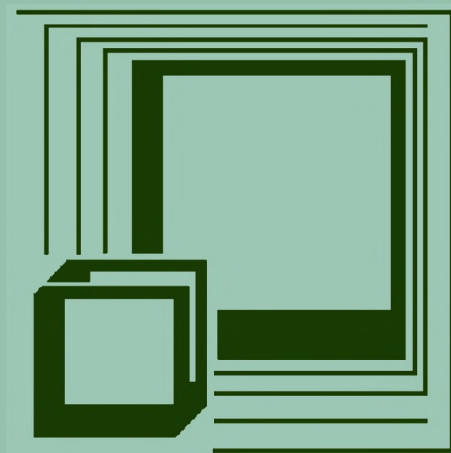
- ❖ Игорь Альмечитов. Рассказы
- ❖ Ольга Завадовская. Памяти поэта
- ❖ Степан Левин. Что делать? Эссе
- ❖ Полина Беспрозванная. Старая сказка. Стихи
- ❖ О. Мельникова, А. Мельников. Тяпи, Зося, як пришлось

28- 29

СТУДИЯ

Berlin * Москва

STUDIO

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
UNABHÄNGIGE RUSSISCH-DEUTSCHE LITERATURZEITSCHRIFT

СТУДИЯ

STUDIO

28-29

Berlin ✧ Москва

2019

Редактор журнала
Александр ЛАЙКО

Редакционная коллегия:
Марина НАУЙОКС, Ильзе ЧЁРТНЕР,
Вадим ФАДИН, Иосиф МАЛКИЕЛЬ

Художник Маргарита РЁШ

Redakteuren:
Alexander Laiko

Redaktion:
Marina Naujoks, Ilse Tschörtner,
Vadim Fadin, Josif Malkiel

Design:
Margarite Rösch

STUDIO - ZEITSCHRIFT BERLIN

Расположение журнала в интернете:
до 2014 г. в архиве Журнального зала.
С 2014 г. на сайте «Вторая литература»,
журнал «Студия» или
[http: /www.vtoraya-literatura.com/](http://www.vtoraya-literatura.com/)

Приём прозы и поэзии от авторов:
Studio.berlin@mail.ru

Содержание:

ПРОЗА – PROSA

Юлия Андреева Рассказ пожилой женщины. Сад потерянных детей. Рассказы	4
Галина Шестакова. Саня. Рассказ	8
Игорь Альмечитов Колыбельная для взрослых и другие рассказы	36
Сергей Петров Париж, Париж. Рассказ	83
Константин Июльский Загадочная женская душа и другие рассказы	102

ПОЭЗИЯ – POESIE

Полина Беспозванная Старая сказка. Стихи	14
Дмитрий Близнюк Стихотворения	31
Лев Мирошниченко «Предвесеннее» и другие стихи	90
Ольга Завадовская Памяти поэта	77

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ – GESTERN UND HEUTE

Степан Левин Что делать? Эссе	95
--------------------------------------	----

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ – SCHRIFTSTELLER UND DIE ZEIT

Леонид Аранов Латышские стрелки. Очерк	19
---	----

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ – ECKEN DER GESCHICHTE

Ольга Мельникова, Алексей Мельников Тярпи, Зося, як пришлось	110
--	-----

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ – KURZ ÜBER DIE AUTOREN

На четвёртой странице обложки картина
датской художницы Юдит Лайко-Мёлих
«Завтрак» (Масло)

Юлия Андреева

РАССКАЗ ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНЫ

Некоторое время меня начали будить непонятные звонки. А для уже немолодой женщины это чистое наказание. С мужем я развелась, у детей свои семьи, так что к дверям приходится бегать самой, и потом не спать уже до утра.

Сначала я думала, что это кто-нибудь из моих бывших поклонников или друзей, и каждый раз, услышав проклятый звонок, бросалась к зеркалу, надевала парик и красила губы, а это, сами понимаете, при моих-то средствах. Ну, так вот, через месяц закончилась помада, плюс постоянное недосыпание. Приезжала дочь, вот, думаю, хоть один человек попрыгает с мое, так нет, -- она спит как убитая, даже телефон под боком может надрываться хоть час. В звонки она не верит. Ну, и ладно. Уезжая, Лара подарила мне свою помаду и посоветовала, не затягивая, обратиться к врачу.

Визит к психиатру, как и следовало ожидать, ничего не дал, снотворное не помогало, я упорно вскакивала, одевалась, мазалась.

О странных совпадениях, связанных с этими звонками, я тогда еще не догадывалась. По природе своей я не слишком суеверна, ерунды всякой не читаю. Поэтому, когда после первой бессонной ночи в квартире подо мной умерла соседка, я не придала этому особого значения. Все мы когда-нибудь умрем.

Теперь уже, по истечении времени, я могу констатировать, что после каждого звонка я узнавала о смерти кого-то из знакомых.

Все мои родственники уже оставили этот мир, и я не могу сослаться только на преклонный их возраст. Кто же предупреждал меня эти годы? Остается одно: мне звонила смерть! Сейчас я совсем одна, и неожиданно звонки прекратились. Я почему-то не боюсь умирать, по правде сказать, я вообще не верю, что могу умереть, ведь говорят, что старые люди привязаны к этой жизни.

Сидя дома, часами смотрю на страницы календарей, воссоздавая прошлые годы. Неожиданно, это было как мгновенное пробуждение,

как солнечный диск из-под воды -- я вспомнила, что уже слышала эти звонки когда-то. Много лет назад, когда мы все жили за Дунаем.

Но что удивительно, никто в тот год не умер! Надо сказать, что давным-давно гадалка предсказала мне смерть от воды в тридцать лет, а тогда мне было именно столько. Отчасти наш отъезд и был связан с моим страхом смерти. Это был тяжелый год – наводнения, дожди и в довершение всего - звонки, звонки, звонки... Но никто не умер. Это я точно помню. Гадалка сказала, что я все равно утону в тридцать лет, как раз в день рождения. Именно так и выразилась.

Это был самый кошмарный день... Я заболела и пролежала в горячке и бреду, а к ночи измученная, бессильная провалилась в какой-то черный, пустой сон. Сон, длившийся вечность и один день. Я летела и летела в холодный омут ночи, и не было конца этому полету-падению. Какая-то часть меня не удержалась и с криком взлетела ввысь к размытому солнцу, а какая-то - продолжала погружаться в небытие. Бог знает, как я хотела тогда выжить. Хоть калекой, хоть тенью, но остаться в этом мире. Вдруг все оборвалось.

В не затворенное окно светило солнце, и по стенам струилась водяная рябь. С того дня я чувствовала себя новым человеком. Болеть я больше никогда не болела, выгляжу прекрасно, даже для своего возраста. Жизнь словно повернулась ко мне своим улыбающимся, сияющим счастьем ликом. И хотя через год меня и ждал развод, он не потряс меня, как было бы, случись это на год раньше. Вообще до болезни я психовала по каждому поводу, писала стихи, которые печатались в школьной стенгазете и заводской многотиражке и развешивались на ржавых гвоздях, всегда одних и тех же, похожих, сейчас уже не знаю чем, на распятия многоразового использования. После болезни всё это как рукой сняло, я стала спокойной, даже когда Сергей бросал мне в лицо свою пьяную чушь, что я будто бы больше не человек, а бездушная кукла...

Крича это, он брызгал слюной и был отвратителен. Все мои подруги согласились с моим решением развестись, до сих пор не понимаю, как мы могли жить с ним душа в душу.

Одно время я еще разделяла периоды - до болезни и после - и всегда находила, что именно после я и зажила настоящей, полнокровной жизнью, все мои мечты сделались реальностью. Да и как же по-другому, ведь после болезни я прекратила бесполезные поиски журавлей в небе, делая ставки на синиц. Отстрадала и отмучалась, – говорила я, бывало, друзьям.

Теперь я не жалею даже о смерти детей, зная, что все мы там будем.

Правда, думаю, что человек с моей энергией и сильной нервной системой не может устраивать окружающих, живущих в мире своих сомнений и страхов.

Да, теперь я понимаю, мне звонила смерть. Пока остается загадкой только одно, почему она выбрала именно меня, и почему звонки прекратились?

САД ПОТЕРЯННЫХ ДЕТЕЙ

В самом центре Петербурга, недалеко от Лавры и совсем близко к торговому центру «Эдем» расположен Сад потерянных детей, в котором установлена новенькая детская площадка с горками и качелями.

Странное такое место – пустынное. Кругом кипит жизнь, спешат по своим делам прохожие, ведут свою суетливую торговую жизнь магазины, время от времени мимо пустой площадки мамы ведут своих детей, а те смотрят на горки и песочницы, качели и карусели и не понимают, отчего им нельзя поиграть там, пока мамы покупают продукты? Тихо посидеть в широкой песочнице, спрятаться в расписном домике или просто постоять возле старых, точно явленных из чудесной немецкой сказки, деревьев в три обхвата?

Ан нельзя. Не случайно мамы тянут размечтавшихся малышей мимо, не позволяя даже пересчитать прутья черной ограды.

Отчего же спешат мамы, не слушая плаксивых просьб и не поддаваясь на уговоры?

Дело в том, что мамы знают, знают каким-то внутренним чувством, сходным с магией, ведают, что не все благополучно с этим детским садиком, таким спокойным с виду. Мамы знают, бабушки знают. На самом деле дети тоже догадываются, что садик отнюдь не пуст, а буквально набит развесёлой детворой. Только проходящие мимо мальчики и девочки не замечают опасности. Им хочется покрутиться на карусели рядом с девочкой с большими алыми бантами или пострелять из лука с мальчиком в коротеньких штанишках и бескозырке. Покрутиться на карусели рядом с исчезнувшими, невесть когда, детьми.

Детьми, пропавшими из своих колясок и дворов, из охраняемых школ, магазинов и закрытых квартир. С ушедшими навсегда и не обещающими когда-либо вернуться.

В старину поговаривали, что малыши отправляются в страну фей, где самозабвенно играют, не помня о времени, забыв своих безутешных родителей. Проходят годы, столетия, давно состарились и

умерли все, кто знал заигравшихся крох, а они все качаются на своих качелях, все строят башни из разноцветных кубиков, все роют замысловатые ходы в песочницах, постепенно научаясь строить из песка сказочные замки, островерхие католические соборы с цветными стеклышками-вitraжами, стройные прекрасные мечети.

За последние двести, возможно чуть меньше, лет ученые научились обнаруживать зачарованных детей, но те, занятые своей вечной игрой, не видят никого, в том числе и ученых.

И если пропавшие бог весть когда крохи безвозвратно потеряны для людей, то и недавно «заигравшихся» и теперь обнаруженных малышей также нельзя вернуть родителям или разобрать по семьям. Нельзя, потому что они все равно проходят сквозь стены, сбегая в свой зачарованный кукольный мир. Поэтому двести лет назад и был открыт этот первый в мире Сад потерянных детей.

Бегут по своим делам прохожие, торопятся мамы с малышами, но вот какая-то женщина решительно направляется прямо к зачарованному садику. Она останавливается, цепляясь обеими руками за решетку и хватая ртом воздух. Может показаться, что у нее приступ. И вдруг, нежно-нежно:

- Анечка! Солнышко. Иди скорее к мамочке, – шепчет она в пустоту, - вот так, молодчинка, иди сюда.

Присаживается на корточки, руки тянутся за ограду:

- Ты хорошо кушаешь? Тебя ни кто не обижает? Ну, куда же ты, девочка моя? Анечка...

Проходящие мимо люди отворачиваются от несчастной, переходят на другую сторону улицы, ускоряют шаг. А женщина все тянет руки в пустоту, в которой среди других потерянных крох бегают ее маленькое счастье.

Сад потерянных детей в таинственном неразгаданном Петербурге – достопримечательность, куда не водят праздных туристов, но к которой, точно паломники к святыне, спешат несчастные родители. Глаза молодые и старые смотрят в кажущуюся пустоту садика, выискивая своего, и только своего, малыша. Улыбки узнавания, слезы...

Годы проносятся, а родители эти все приходят и приходят, притаскивая кукол и сласти, прося вернуться домой или хотя бы сказать несколько слов. Родители стареют, умирают, исчезают, их место занимают другие. А ребяташки всё играют и играют в Саду потерянных детей, а прохожие всё бегут и бегут по своим делам.

Галина Шестакова

САНИЯ

Сания возвращалась с работы, уставшая и продрогшая. По дороге забрала из школы сына, взвалила на плечо его неподъёмный портфель, ругая школу, учебники, и своего первоклашку, который засматривался то ни птиц, то на собак и болтал без умолку про пацанов из класса. Все это вылетало у Сании из головы тут же. Она думала, чем его накормить, напился ли опять Вовка и донёс ли зарплату до дома. И свекровка наверняка начнёт бубнить, что Сания, кошка приبلудная, мало зарабатывает, дармоедка. Да и не свекровка, по сути, она Сании, она мать ее сожителя.

Целый день проработав лопатой на морозе, в Ледовом городке, Сания опухшими, негнущимися пальцами, пыталась выгрести из кармана мелочь и купить хлеба в ларьке. Монетки выскальзывали из красных, обмороженных пальцев и падали на снег. Сания наклонялась за ними, шапка сползала на глаза, портфель падал и больно стучал её по ноге. Она сдерживала слезы, чтобы не расплакаться перед продавщицей-узбечкой и сыном. Сын, не переставая, болтал, смеялся и рассказывал что-то смешное. Сания со злостью бросила портфель сына, встала на колени, выковыряла из снега все монетки и шлёпнула их в блюдце узбечке – «Булку дай».

Узбечка брезгливо поджала губы и осторожно, по монетке, вытянула деньги из блюдца чумазым пальцем с облупившимся красным лаком на широком и коротко обстриженном ногте. Сания с ненавистью посмотрела на неё, подумала, что косоглазая, а туда же, брезгует ею, русской. Продавщица-узбечка плюхнула хлеб и, как только Сания забрала ее, захлопнула окошко ларька, поставила табличку «закрыто» и отвернулась.

Когда добрались до дома, стало совсем темно. У подъезда снова вывернули лампочку, и Сания на ощупь тыкала в кодовый разбитый

замок. Кнопки опять заедало. Она разозлилась, слезы горячими обжигающими струйками потекли по щекам. Сания ожесточённо ткнула в двойку и сорвала ноготь. Замок противно пиликнул, и подъезд дышал душным теплом. «Да пошли уже!» – она не утерпела и дёрнула сына за воротник.

Поднялась на третий этаж, вставила ключ в скважину, пробормотав про себя «Даже не думай сломаться», пнула дверь. В квартире темно и тихо. Свекровка, то ли спит, то ли притаилась за дверью, дожидаясь Сании, чтобы высказать всё за оставленную невымытую посуду. Дверь в комнату, где она живёт с Вовкой и сыном, закрыта. И из-под двери не видно света. Видимо, дома нет. Пропивает зарплату, сволочь.

Сания сжала зубы и, не снимая разбитых и покрытых белой солевой коркой сапог, подошла к двери комнаты. Прислушалась. А сын, все говорил, говорил. Хоть бы заткнулся! Она толкнула дверь и нащупала выключатель.

Вовка висел на крюке от люстры, вывалив синий язык. Почему-то в мокрых штанах. Она не испугалась и ничего не почувствовала, подошла к нему, встала в лужу. На столе, рядом с болтающимися ногами Вовки лежала нацарапанная записка: «Никого не винить. Я сам».

– Мама! – в комнату вошёл сын и схватил Санию за руку. – Зачем он? – Вон! – завизжала Сания. – Иди вон! Не смотри!

– Чего разоралась, падла? – жмурясь с темноты, зашла свекровка и увидела сына. – Ой, сыночка! – завыла без перехода. – Ой, родненький! Это всё падла эта! Она тебя уморила! Привёл ее, да с нагулянным! А она тебяаааа...

Сания не слышала свекровку. Слово пузырь на голове, видно, как свекровь разевает рот, кричит, вся красная и в слезах, а звука нет. Пошла на кухню, по пути за воротник выволокла сына из комнаты и втолкнула его в спальню свекрови, взяла большой разделочный нож и вернулась в комнату. Отодвинула свекровь, так, как двигают стул, залезла в грязных сапогах на стол и стала пилить верёвку. Про себя ругая Вовку, что опять давно не точил ножи. Но потом подумала, зачем их точить, мяса-то давно не ели, так, чтобы куском большим, всё кости покупали на бульон и дешёвые сардельки, нож этот-то и не нужен вовсе.

Сознание раздвоилось. Сания наблюдала за собой со стороны, вот она стоит на столе в грязных сапогах и пилит верёвку. Вот нож срывается и пилит уже по ее пальцу. Ей не больно, но рука дёргается от ножа, и начинает капать кровь – Вовке на воротник.

Странно, почему она ничего не чувствует? Вовка кулём упал на пол. Весь воротник в каплях крови Сании. Теперь-то что надо делать?

Она стояла на столе, у болтающегося рядом обрезка верёвки, с ножом в руке, и смотрела на Вовку и свекровь, содрогающуюся в плаче. Смотрела сверху и не хотела спускаться. Вовка лежал в луже собственной мочи, и сейчас до Сании, наконец, дошёл запах, мертво-холодный, и резкий. Заболел порезанный палец. Она стояла и никак не решалась спуститься вниз. Смотришь сверху, и как бы это к тебе не относится. Там, внизу, смерть и слезы свекрови. И с этим надо что-то делать, а сил нет.

Свекровь, перестала завывать и ухватила Санию за штанину – «Слазь, падла! Надо милицию вызывать». Сания подчинилась, спустилась со стола на пол, к грязному сапогу прилипла записка Вовки. Сания села на стул, осторожно отлепила записку и прочитала еще раз – «Никого не винить. Я сам».

Ничего не изменилось. Только записка была вся в следах сапог Сании. «Я сам», – еще раз прочитала она. Сам. Зачем?

Сам залез в петлю. Зачем? Что плохо-то было? Ну, пил, помаленьку. Работа была. И Сания его любила. Любила ведь? Сания сидела и тупо смотрела на записку. Свекровь выла и тыкала в неё старой облезлой «Нокией».

Любила, наверное. Не сразу, правда, любовь эта пришла. Жить-то начали сразу после школы. Сания после восьмилетки пошла в ПТУ. А Вовка работал грузчиком. Но Сании все было тесно с ним. Чувств хотелось. Любви какой-то сильной, как в кино. А любви не было. Секс был. А любви...

Потом встретила Игоря и влюбилась. Без памяти. Все бросила. И Вовку, и ПТУ. Бегала за Игорем как собачка, в глаза заглядывала, все одобрения ждала. А как забеременела, он бросил.

И через неделю увидела его с новой бабой. Красивой блондинкой. Она все смеялась, смеялась. В ярком цветастом платье. Волосами встряхивала, губки яркие то сжимала кокетливо, то облизывала розовым языком. Игорь смотрел как замороженный на губы и язык. Ходил за ней, как привязанный, и искал одобрения. Руку ей подавал. Пиджак на плечи накидывал, а она его сбрасывала в пыль.

Сания не выдержала и бросилась на неё. Хотелось разбить ей лицо. Разодрать в кровь, чтобы не смеялась больше. Убить ее хотелось. Никогда не думала, что способна на такое. Еле оттащили. Не помнила она себя тогда. А Игорь даже разнимать не бросился. Стоял и кричал, что Сания дура истеричная.

После того, как сын родился и подрос немного, Вовка ее уговорил опять вместе жить. Любил он ее. Сания это только потом поняла. Разве

ж мужик возьмёт бабу с чужим ребёнком, да еще бросившую его ради другого? Точно любил.

А сейчас он лежит в луже мочи, и все что от него осталось – записка «Я сам». Зачем? – Да звони ты! – свекровь трясла Санию за плечи. Сания послушно взяла телефон и набрала номер. – Полиция, – ответили устало. – Умер... – больно выговаривать это слово, – Вовка умер. – Сания посмотрела на свекровь. – Лежит в моче весь.

В трубке помолчали немного и сказали:

– Скорую надо вызывать сначала.

– Чего ее вызывать-то. Повесился он. – Сания удивилась. – Не дышит. Синий весь. – Адрес. – сказали сухо. – Ничего не трогайте до приезда полиции.

Потом приехали три человека. Им было наплевать и на Санию, и на Вовку. Писали, спрашивали, фотографировали. А Сания все сидела с запиской, пока ее не отобрали. Сказали, в дело надо подшить. Дело-то уголовное, раз самоубился. И на завтра вызвали в двенадцатый кабинет.

Потом увезли Вовку в морг. Приказали из комнаты выйти, повозились и вынесли большой черный пакет. Сания зашла в комнату. Пусто и страшно. Весь пол в мокрых следах. То ли от снега с улицы, то ли лужу мочи растащили.

Сания вымыла всю квартиру с хлоркой, потом подъезд. Потом посуду. Потом сына. Сын засыпал уже в ванной, стоя под душем. И все разговаривал. Голенький и смешной. Похоже, так и не понял, что папы Вовы больше нет. Свекровь все время ходила за ней и бубнила: – Жерножопая, уморила сыночку моего.

– Русская я, сколько тебе говорить, – вяло отбивалась Сания. – Бабка моя да, азербайджанкой была. Все остальные русские. И я русская.

– Жерножопая падла.

Сания все делала автоматически, главное быть занятой и не думать. Не думать, где они теперь с сыном жить будут. С Вовкой не женаты. В квартире она не прописана. Своего жилья нет. Свекровка, как пить дать, выставит прямо завтра на улицу.

Не думать, на какие деньги Вовку хоронить. Денег нет. Перед Новым годом все получила на праздник. А Вовка, Вовка... где теперь его зарплату искать?

«Горе, какое горе», подумала Сания. Слово-то смешное какое-то, как два камня-голыща во рту перекатываются, стучаясь друг об друга.

Горе.

Горе ломает человека. Обрушивается, накрывает тяжёлым ватным

одеялом, не пропуская ни радости, ни солнца. Человек мечется, задыхаясь под этой свинцовой ватой, не веря, что в жизни может быть по-другому. Когда сын уснул, на Санию накатили все чувства разом. Она тихонечко завывала, кусая губы, чтобы не разбудить сына.

Утром побежала в контору, кланчить денег. Мастер Оксана, строгая хохлушка, сказала:– У тебя часов мало отработано, Саня. Я поговорю, конечно, но обещать не могу. Потом посмотрела жалостливо на неё, за ночь и без того худая Сания, вся заострилась, ломаные линии лица еще больше выступили и проявилось бабкино – азербайджанское – жёсткое и угловатое.– Держись, Саня, – Оксана похлопала ее по руке и через полчаса уехала к директору, просить за Санию. – Завтра выходи на работу, слышишь? Тебе ребёнка кормить надо.

Потом Сания поехала в двенадцатый кабинет. Молоденький следователь, которому еще все интересно, смотрел на Санию изучающее.

– Ну, гражданка Соболева, рассказывайте, что случилось.

Сания покорно рассказала следователю. Все подробно. Ответила на все вопросы. Но следователь не верил, видно было. Знал про грешок Сании.– Вы же, гражданка Соболева, не так давно освободились. И сидели по статье 115, часть 2. Два года.– Да, гражданин начальник. – Сания сторбилась. – Нанесение телесных повреждений с обстоятельствами. Освобождена досрочно. За хорошее поведение.– Опять, наверное, приревновали сожителя своего? – усмехнулся следователь. – С чего бы он в петлю полез? Если, как вы говорите, все у вас хорошо было?– Не знаю. Пришла, он висит. Я его любила, гражданин следователь.

Тут на Санию опять накатило. Придавило свинцом. Она завывала тоненько от бессилия.– Любила я его! Любила! – она захлёбывалась, комкая в руках белую в катышках акриловую шапочку. – Любила! Он же все знал про меня и замуж звал! И любил меня! И сына моего! А я, дура, все не верила ему...

– Ну-ну, Соболева! – следователь испугался, побежал к чайнику и, расплёскивая воду, наполнил чашку. – Выпейте. Все утрясётся. Вас же никто не обвиняет!

Сания пила, чашка била фаянсовым боком по зубам, вода выливалась на шапку и джинсы Сании.

После этого все прошло как в тумане: беганье по инстанциям, справки, договориться, решить, морг, похороны, поминки. Свекровка не помогала, смотрела исподлобья с ненавистью и шипела « падла и жерножопая». Но из дома не гнала. Сания ходила на цыпочках, старалась не злить ее, лишь бы не выгнала.

После девятого дня Саня сдалась. Собрала в мятый чемодан пожитки и приготовилась уйти. Села у стола, дожидаясь сына из школы, руки на коленях – красные, натруженные. А перед глазами так и стоит записка «Я сам». Дело следователь закрыл, сказал, что не волнуйтесь, гражданка Соболева, нет состава преступления.

Саня провела рукой по облупленной клеёнке. А на полу до сих пор видно пятно от мочи, чуть более светлое, чем краска вокруг. Что за жизнь такая... непутёвая. Она полюбила – в тюрьму попала. Ее полюбил – умер. Только после его смерти она поняла, что всю жизнь одного Вовку и любила.

– Собралась? – в комнату вошла свекровка.

– Все одно выгонишь, – вздохнула Саня – ненавидишь ведь меня.

– И куда с пацанёнком пойдешь?

Саня провела еще раз по клеёнке, когда-то они покупали ее вместе с Вовкой.

– Оксана разрешила в бытовке пожить.

– Зимой? – свекровь хмыкнула. – Ну-ну... не жалко сына?

– Жалко – не жалко, а жить негде. – Саня все смотрела на клеёнку. Цветы поблекли, а были когда-то яркие и радостные.

– Вот чего, Саня, – свекровка первый раз назвала ее по имени, – оставайся. Вовка любил тебя. И сына твоего. – она вздохнула. – Мечтал все, что ты ему родишь. Не случилось.

Саня молчала и слушала. И плакала. Не стеснясь. – У меня нет никого, – продолжила свекровь. – Что ж мы будем одно горе по разным углам мыкать. Расписаны – не расписаны вы были, – не важно. Жили как муж с женой. Все одно семья. Вот и будем семьей жить.

Полина Беспрозованная

СТАРАЯ СКАЗКА

Ах, крошево надежд, подаренных Перро,
Черствеет быстро. С ним пора проститься –
По снегу разбросать на корм небесным птицам,
А не искать Жар-птицыно перо.

Опасно, милый, в сказках ждать конца.
Универсальна ложь о башмачках хрустальных,
Но глаза роговеющий хрусталик
Не различает нежных черт лица.

Напрасно волшебство и королевский бал.
Каков пассаж: наш принц промчался мимо.
Преследователь столь неутомимый,
Что, разогнавшись, дальше проскакал.

Ах, кружево любви ветшает с каждым днём.
Сказитель, прекрати обман свой бесполезный!
Но Золушки румянец диатезный
Горит неунывающим огнём.

* * *

Останутся письма. И привкус вины на губах.
Неправильный прикус, младенца щенячья повадка.
Остывшего чая глоток удручающе сладкий.
А вышивки нашей до боли изнанка груба.

Останется город, И знающий всё наперёд
Канал изогнётся, на речку живую похожий.
Из уличной взвеси, где плавают тени прохожих,
Вдруг вынырнет некто и душу к рукам приберёт.

Узнав, отшатнёшься, ладонь прижимая ко рту.
Не плачь, побирушка, что вышить платок не успели.
Готовность к утратам привычна уже с колыбели.
Немеет гортань. Поднимается нельская руть.

* * *

И этот стыд забудется, и тот
К былому, чуть помедлив, отойдёт.
И память вкрадчиво расставит ударенья.
Не знаю – благодарность или страх
Уместней здесь.
«Одумайся, сестра!» –
всё повторяет голос в отдаленье.
Когда б мы слышали! И слушали б когда!
Но одиночество глаза рукою застит.
Что остаётся? – Вёдро да ненастье,
Да зеркала холодная вода.

* * *

«Какая ни на есть – такую и люби!» –
Упрямо женщина в трамвае повторяла,
И плакала, и за рукав хватала,
И материлась. От каких обид
Её корёжило, как алкаша с похмелья?
Народ следил за эдаким весельем –
С брезгливостью, смущеньем, со смешком.
Старуха в ботах, с импортным мешком,
Привычно охала и тяжело вздыхала.

Присмотришься – и жизнь в глазах рябит.
На лицах, точно пыль, взгляни – одно и то же
Безлюбие. И каждый шепчет: «Боже,
Какой ни есть – таким меня люби».

* * *

Воскресный день. Сентябрь на исходе.
И небосвод пересечёт по хорде
Большая птица. И сгустится свет
На горных склонах, и стечёт в долину.
Земную жизнь пройдя наполовину, ты счастлив?
Нет.
Сквозь мешанину жизни и корней
Слепая сила прогоняет всходы.
Ну что, любовь промешкавший у входа,
Не страшно? Нет.
Ни страха, ни любви. Преддверье холодов.
Небес зелёный цвет. Оскоми́на решенья.
В слезах и накануне воскресенья
К предательству готов.

* * *

Потрескивают свечи, словно лёд
на озере осенними ночами,
когда уже сентябрь за плечами
и боязно заглядывать вперёд.

Пронзительное пение старух
на клиросе. И молодой священник.
И – непереносимо отпущенье
грехов из благосклонных третьих рук.

* * *

Там, где Бог отдыхал, обозначилась впадина – дол.
И холмы в изголовье, покрытые зеленью влажной.
И природы душа полусонная дышит протяжно,
Словно вал перекачивается или шевелится вол.
Что запомнил суглинок о тяжести Божьей? О тех
Непомерных мгновеньях в преддверии нового чуда?
Прозябание истины из никуда в ниоткуда
Сквозь полынную горечь утех.

* * *

Повсюду стояла зима
и белые крошки кидала
в людей на перроне вокзала,
склоняла дымы
и дома
к земле прижимала.

Стоять на перроне и ждать.
Весны. Паровоза шального.
Случайного доброго слова
сквозь зубы...
И в варежку дуть,
вжимаясь в метельную муть.

* * *

Чем злее спорю с мамой, тем сильнее
родство и сходство наше ощущаю.
Почти тождественность... Большая чашка чаю
в её руке дрожит. Или в моей?

Почти тождественность... Зияние. Провал,
через который ввек не докричатся.
Соломенный мосток любви... Прощаться
опять пора и ехать на вокзал.

* * *

Перепомянут и поведут.
Туда, где пахнут отдых, и труд
Одинаково – старческой гнилью.
Где тихий маразм, недержанье мочи,
Артриты, артрозы, дурные врачи
И прочих чудес камарилья.
Перепомянут, потянут. А ты
Начнёшь вырываться, страшась темноты
Или же – света.
Что-то впотьмах бормотать на краю
Марлевой пустоши, в зимнем раю
Сломанных веток.

Если заткнёшься, то станут слышны
Мерные вздохи подлёдной волны.

* * *

Одно цепляется за другое, третье за шестое...
Да, банальность, но банальность это наше святое,
и вывернутая наизнанку
остаётся тем же скудным бредом поэта, вставшего спозаранку.
Что же делать?
Отступить, наступая на пятки собственной песне,
прижимая кулак ко лбу, поскольку хоть тресни,
ничего не вспомнить. Разве что облако, тающее под взглядом,
и дыханье твоё в темноте на постели рядом.

Леонид Аранов

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

Очерк

К лету 1914 г. напряжённость между ведущими странами Европы настолько возросла, что достаточно было лишь выстрела студента Гаврилы Принципа, убившего эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, чтобы началась Первая мировая война. Россия сразу стала участницей мирового пожара. Это было 28 июня 1914 г.

А 20 июля того же года Латвия как часть российской империи была обстреляна немецкими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург». Неприятель открыл огонь по порту и госпиталю города Либавы (Лиепая). Депутат Государственной Думы от Курляндской губернии Янис Голдманис на внеочередном заседании заявил: «Повелитель Германии жестоко ошибся, если ожидал, что выстрелы в Либаве найдут отзвук у местного населения в каких-нибудь враждебных выступлениях против России... Среди латышей и эстонцев нет ни одного человека, который бы не осознавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, достигнуто под защитой Русского Орла. Что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно, только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России».

Через год после начала войны командующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии Михаил Алексеев, стараясь укрепить патриотический дух прибалтийских народов, принял решение о создании национальных латышских частей. Следует отметить, что жители Прибалтики, особенно молодёжь городских кварталов, уже выступали за создание национальных частей. Они не могли смириться с тем, что войска кайзера топтали их землю. И отношение к немцам здесь было самым негативным. Многие граждане Латвии, особенно интеллигенция, знали, что еще с начала XIII века их историческая ро-

дина, завоёванная крестоносцами, долгое время пребывала под властью германских баронов. Поэтому, стремление сражаться с немцами было у латышей совершенно искренним, можно сказать, заложено почти на генетическом уровне.

Конечно, не все представители местной гражданской администрации Латвии одобряли идею создания национальных латышских частей. Однако депутаты Государственной Думы России, представляющие Латвию, опубликовали воззвание к соотечественникам: «Собирайтесь под латышскими флагами!». И в условиях немецкого наступления, несмотря на робкие протесты администрации Латвии, генерал Алексеев не стал медлить. Первого августа он подписал знаменитый приказ №322 (848–3287) о создании восьми латышских стрелковых батальонов.

12 августа в Риге началась запись добровольцев, и было создано три батальона. Первые бои с их участием произошли уже в октябре. Тогда русским войскам при участии латышских батальонов удалось отбросить немцев назад, в Курляндию, после чего в Латвии объявили всеобщую мобилизацию. К концу 1916 г. общее количество солдат в этих подразделениях достигло 39 тыс., из которых была создана отдельная Латышская стрелковая дивизия. Впоследствии она участвовала в тяжелейших боях под Ригой. Именно в этот период и появилось название «латышские стрелки».

Наиболее серьёзные сражения этого периода имели место в сентябре на так называемом «Острове смерти» у левого берега Даугавы. Этот крохотный клочок земли неподалёку от железнодорожной станции Икшкиле служил плацдармом ожесточённых схваток. 25 сентября немцы провели здесь газовую атаку и около 1400 русских солдат и офицеров, не имевших противогазов, подверглись отравлению. Почти полностью погиб пехотный полк. После этого сюда срочно перебросили на помощь Латышскую стрелковую дивизию.

Знаменитый писатель Виллис Лацис так описывал эти события: «... Под ураганным огнём противника, в отравленном воздухе, не снимая с лица противогазы, дрались и умирали латышские стрелки. И назло немецкому упорству и непрекращающимся атакам Остров смерти держался, представляя собой маленькое жало в теле германской армии, заграждая путь в обход Риги и угрожая войскам Вильгельма II прорывом фронта».

А дальше последовали известные события – революция и гражданская война. Революция расколола всю Россию – на «белых» и «крас-

ных». Это произошло также и с Латвией, и с латышскими стрелками. Среди документов Всероссийского съезда Советов был обнаружен следующий: «Мы, делегаты латышских стрелков, все как один, голосовали за первые декреты Советской власти, за Ленина...». Необходимо отметить, что Латвия находилась в прифронтовой зоне, где большевики проводили особенно активную агитационную работу, и прежде всего в армейских частях. Кроме того, на ориентацию многих латышских стрелков в пользу большевиков сыграла негибкая политика правительства Керенского.

В 2000 г. бывший министр обороны Артис Пабрикс в интервью газете Neatkarīgā заявил: «Почему латышские стрелки перешли на сторону Ленина? Они обратились к Керенскому, заявив, что готовы защищать его правительство при условии предоставления автономии Латвии». Однако Керенский категорически отверг это предложение. Но Ульянов-Ленин оказался дальновиднее Керенского, видя в латышских стрелках большое будущее в укреплении советского государства. Он им пообещал независимость. И 22 декабря 1918 г. был подписан Декрет Совета Народных Комиссаров о признании независимости Латвии.

В феврале 1918 г. латышские стрелки, вставшие на сторону большевиков, создали свой руководящий орган Исколастрел (Исполнительный комитет латышских стрелков). Именно это учреждение распорядилось 19 ноября об отправке одного из латышских полков в столицу для усиления революционного гарнизона. И, конечно, бойцы этого полка отличались «пролетарской сознательностью» (то есть попросту поддались большевистской агитации), причём незнание русского языка в данном случае было значительным преимуществом. В столице эти стрелки участвовали, в частности, в разгоне Учредительного собрания в начале 1918 г., положившего начало диктатуре коммунистов. В те дни глава латышских большевиков Петерис Стучка писал: «Латышские полки первыми и почти поголовно перешли в Красную социалистическую армию, самоотверженно и храбро исполняя свой революционный долг как на внутреннем, так и на внешних фронтах РСФСР». Это, конечно, не совсем правда. А в связи с заключением Брестского мира с Германией 3-го марта 1918 г. (по которому Латвия становится частью Германии) раскол в стане латышских стрелков на «белых» и «красных» значительно усилился.

Известный командир Латышского стрелкового полка Фридрих Бриедис в статье в петроградской газете в марте 1918 г. писал (опубликовано Чайкиной на портале Грани Lv 26.10.2016): «...Армия раз-

валивалась, а латышские стрелки шли в авангарде этого развала. Провокаторы и германские наймиты, заседавшие в исполнительном комитете (Исколастрел), продают латышский народ. Это отсюда вынесена резолюция о поддержке «братания» и об отказе от наступления... Началась подлая и тёмная работа во славу Германии. Нет, народ в этом неповинен, простые стрелки и латышские офицеры еще не раз помогут России и родной нашей армии». И как следствие этого лучшие латышские офицеры, по мнению Бриедиса, уходят в ударные батальоны и русские полки (белой армии). Другой знаменитый командир стрелков – полковник Карлис Гопперс – писал в мемуарах: «Латышские стрелки полтора года вели на фронте отчаянную борьбу ради своей мечты – свободной Латвии в свободной России. Уступка большевиками латвийской территории немцам означала уничтожение латвийской нации. Поэтому национально настроенная часть стрелков и офицеры, оставившие свои полки после большевистского переворота, готовы были на любые жертвы, чтобы вырвать победу у немцев, а своей ближайшей задачей считали борьбу с большевизмом как их пособником».

С января 1915 г. в латышском стрелковом полку приобрёл особую известность прапорщик Эдуард Берзин. Храбрый и исполнительный, он привлек к себе внимание командования российской армии и в 1917 г. был произведён в офицеры. При этом Берзин был награждён серебряной нагрудной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени. А в ноябре 1918 г. он вместе со своим полком перешёл на сторону Красной Армии. Абсолютное большинство его бойцов были в прошлом рабочими или батраками, не имели ни гроша, но мечтали о «светлом будущем». На этом и сыграли большевики. И весьма успешно. А Эдуарду Берзину очень скоро было предложено занять должность командира Латышской дивизии. А затем именно Берзину как одному из самых преданных советской власти вместе с его дивизией была доверена охрана Кремля и других важных объектов.

После установления брестского мира с Германией, подписанного третьего марта 1918 года, Германия могла сконцентрировать все силы на Западном фронте против армий англичан и французов. И правительством Англии была поставлена задача денонсации брестского договора и таким образом заставить Россию продолжать войну с Германией. А для этого необходимо было провести операцию по ликвидации всего большевистского правительства. Проводить операцию Лондон поручил главе специальной британской миссии при советском правительстве разведчику сэру Брюсу Локка рту. Для успеха заданной операции в по-

мощь Локкарту был направлен Сидней Рейли, известный как «король шпионов». Планируя эту операцию Рейли, предложил использовать и российского писателя-террориста Бориса Савинкова, который давно вынашивал свои планы контрреволюции и считал, что при поддержке англичан, используя латышских стрелков, вопрос с большевистским режимом будет решён окончательно. Он утверждал, что среди латышских офицеров близких к Кремлю, он сумел создать ячейку своего «Союза». Причём этих латышей объединяло общее неприятие только что подписанного большевиками и немцами Брестского мира, по которому Латвия переходила под власть Германии.

В то же время и Берзин сумел убедить Рейли, что в среде латышских стрелков зреет серьёзное недовольство властью, что они готовы выступить против правительства, если будут поддержаны армейскими частями. И Эдуард Берзин как командир дивизии стал ключевой фигурой в предстоящей операции.

По замыслу английской разведки, после убийства большевистских лидеров должна быть сформирована прозападная военная диктатура. В соответствии с планом Локкарта, в Архангельске накануне операции уже высадился английский корпус. Он должен был соединиться с латышскими стрелками, охранявшими Кремль, где уже работал Ленин и все правительство. В августе Сидней Рейли от имени английской разведки передал командиру стрелков Эдуарду Берзину 1,2 млн. рублей. Это был аванс за свержение советской власти в Москве и денонсацию Брестского договора. Полная стоимость «работы» Берзина должна была составлять шесть миллионов рублей. И Берзин «гарантировал» успех операции и надёжность своих стрелков. 28 августа в Большом театре под охраной латышских стрелков планировалось чрезвычайное заседание ЦК партии большевиков. Локкарт и все участники заговора были абсолютно уверены в «покупке» Берзина и его команды, о чем было доложено в Лондон. Латыши по команде Берзина должны были взять или уничтожить всех «красных вождей». Но заседание в последний момент перенесли. Не учли заговорщики, что латышские стрелки прошли жесточайший отбор прежде, чем им доверили охранять Кремль и большевистских вождей. И эти стрелки абсолютно верили большевикам и в своё «светлое будущее». Берзин, по предложению председателя ВЧК Дзержинского, великолепно сыграл роль предателя, выдавая себя за представителя антибольшевистского подполья, готовившего переворот.

Локкарта арестовали сразу. В тот же день чекисты нагрянули в

здание английского консульства в Петрограде. Английский «король шпионов» Сидней Рейли и писатель-террорист Борис Савинков попали в ловушку, устроенную Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК или ЧК). Рейли расстреляли сразу, а Савинков якобы покончил с собой на Лубянке.

В ответ на арест Локкарта англичане арестовали в Лондоне советского посла Максима Литвинова. Позднее по взаимной договорённости Максим Литвинов, который сидел в английской тюрьме, был обменян на Локкарта. По распоряжению председателя ВЦИК Якова Свердлова экспроприированные деньги, полученные Берзиным, были распределены по разным статьям на «нужды укрепления революции».

После успешной операции по ликвидации заговора в феврале 1921 г. Эдуард Берзин становится сотрудником спецотдела ВЧК и секретарём председателя ВЧК Феликса Дзержинского. В тоже время Берзин назначается секретным сотрудником исполнительного комитета коммунистического интернационала (ИККИ). Деятельность ИККИ была очень тесно связана с зарубежными операциями, проводимыми ЧК-ОГПУ-НКВД, а также РККА и впоследствии ГРУ (Главным разведывательным управлением). Одним из наиболее знаменитых агентов ИККИ в последующие годы был Рихард Зорге. Следует отметить, все ВЧК, начиная с 1919 г., на три четверти состояло из так называемых латышских стрелков.

Можно отметить несколько особо «выдающихся фигур» того времени. Непосредственно борьбой с «контрреволюцией» в ВЧК занимался некто Лацис (Ян Судрабс), позже председательствовавший в Военном трибунале. А в 1918 г. он был руководителем Всеукраинского ЧК, который в Киеве наполовину состоял из латышей. Лацис в своём «классовом подходе» значительно превзошёл многих «рыцарей революции» того времени. Он заявлял: «Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов или доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить: какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого...».

А заместителем председателя ВЧК Дзержинского был Ян Петерс. Он оставил неизгладимый след в истории Гражданской войны. Вот лишь несколько цитат из его публичных выступлений, относящихся к 1918-1919 гг.: «Я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеет все, что понимается под красным террором...». О

расстрелах сотен заложников после покушения на Ленина и убийства Урицкого в 1918 году. Ян Петерс писал: «...Произведена противозаразная прививка всей России...».

Газета «Революционная Россия» в 1918 г. писала: «ЧК, возглавляемая Петерсом, заработала в полную силу. Очень часто сам Петерс непосредственно руководил казнями местных казаков...». При этом, как правило, Петерс на свою «работу» приходил со своим сыном, мальчиком 8-9 лет, который постоянно кричал: «Папа, дай я стрельну!»

Яркой страницей в истории становления советского государства является участие латышских стрелков в подавлении левозсеровского восстания (мятежа) в Москве. Пятого июля 1918 г. на V Съезде Советов левые эсеры активно выступили против большевистской политики, осуждая Брестский мир, продовольственную развёрстку и комитеты бедноты. Такая политика, по их мнению, приводила к полному обнищанию крестьянства и конфронтации города и деревни. Склонить съезд к принятию своих требований левым эсерам не удалось, и они демонстративно его покинули.

Днём 6 июля стало известно об убийстве левыми эсерами немецкого посла. В то же время левыми эсерами был арестован председатель ВЧК Дзержинский. Это было начало восстания. Во время восстания левые эсеры взяли в заложники 27 большевистских функционеров, в том числе, зампреда ВЧК Лациса М. И. и председателя Моссовета Смидовича. Кроме того, они захватили несколько автомобилей, при этом был убит делегат съезда Николай Абельман. Также они захватили Главпочтамт и начали рассылать антибольшевистские воззвания. Одно из таких воззваний объявляло, что власть большевиков низложена и призывало «приказов Ленина и Свердлова не исполнять».

Однако, у большевиков в то время было достаточно сил для подавления восстания. И главной вооружённой силой в защите режима большевиков были латышские стрелки под командованием Йоакима Йоакимовича Вацетиса. Ликвидация «мятежа левых эсеров» в столице Советской России стала его «визитной карточкой» на долгие годы. После подавления восстания Троцкий лично вручил Вацетису пакет с деньгами и сказал: «Вы разгромили одну из самых больших политических комбинаций и не знаете, кого вы громили». Уже утром 10 июля, когда на московских улицах еще валялись пустые гильзы от винтовочных патронов, полковник Вацетис сразу получил назначение на должность командующего Восточным фронтом, самого главного для Республики Советов.

Но, как известно, «революция пожирает своих детей». И многие красные латышские стрелки, служившие в охране Кремля или в ЧК, были расстреляны в сталинские времена. Они сделали своё кровавое дело и должны были уйти. Уйти как ненужные свидетели. И Вацетис в данном случае не был исключением. 29 ноября 1937 г. он был арестован как «враг народа», являвшийся агентом германской разведки. 28 июля 1938 г. он был расстрелян. 28 марта 1957 г. реабилитирован.

Что касается Эдуарда Берзина, его образ многократно возникает в произведениях писателя Варлама Шаламова. Как отмечает Шаламов в рассказе «У стремени», к заключённым инженерам Берзин относился «с полным презрением», полагая, что все они «вредители». Переместившись в 1931 г. на Колыму, он получил неограниченную власть. «Был директором Дальстроя, хозяином жизни и смерти десятков тысяч людей. Был высшей партийной инстанцией, главной советской властью золотого края, командующим пограничными войсками на границе с Японией и Америкой...». Будучи начальником Дальстроя, Берзин в марте 1935 г. получил высшую награду Советского Союза – ордена Ленина.

Несмотря на то, что он без всякого сожаления отправлял людей на смерть, по мнению Шаламова, Берзин был хорошим организатором при выполнении работ по освоению колымского края. Он пытался, и весьма успешно, с помощью своей армии политических заключённых разрешить проблему колонизации сурового края. Своим подопечным Берзин сумел организовать хорошее питание, одежду. Рабочий день длился зимой 4–6 часов, летом – 10 часов. При этом они имели колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми. В «перековку» уголовников Эдуард Петрович не верил, он слишком хорошо знал «этот зыбкий и подлый человеческий материал». На Колыму первых лет вораб было попасть невозможно.

Но достигнув значительных успехов на новом поприще, Берзин нажил немало завистников и врагов. В разгар массовых чисток и репрессий, когда революция уже «пожирает своих детей», это сыграло роковую роль. 17 декабря 1937 г. Берзин выехал в Москву на лечение. Но на вокзале, прямо в вагоне поезда, он был арестован 1-го августа 1938 г. Берзина также расстреляли как врага народа. В эпоху Хрущёва Берзин был реабилитирован.

Как уже отмечалось, определенные группировки латышских стрелков поддержали белое движение. При этом среди этих стрелков было много жителей местных латышских колоний и просто беженцев, но

в основном это были латышские офицеры и рядовые тех полков, где командиры жестко пресекали большевистскую агитацию. Из статьи Э. Екабсона и В. Щербинскиса (Рига): «По сведениям участника Белого движения капитана К. Раматса, в январе 1919 года в Добровольческой армии Деникина было около 1000 латышей. Согласно подсчётам другого очевидца в 1920 году в армии Врангеля было около 4700 латышей». По данным историка Н.А. Нефедова, в 1918-1919 гг. в рядах революционной армии латышских красных стрелков было около 10 000 человек.

В июле 1916 года латышские офицеры российской армии К. Гопперс и Ф. Бриедис создали Латышский временный национальный совет (ЛВНС) и связались с военным отделом русского Республиканского центра, руководимого генералом Лавром Корниловым. В августе 1917 года Л. Корнилов при поддержке ЛВНС выступил против власти Временного правительства, установившейся в результате февральской революции. Как известно, попытка государственного переворота (или мятежа) закончилась полным провалом.

Впоследствии латышские офицеры в Москве организовали свою антибольшевистскую организацию. Как утверждает российский историк А. Колпакиди, благодаря латышским офицерам К. Гопперсу и Ф. Бриедису, в феврале 1918 года была создана антибольшевистская организация «Союз защиты родины и свободы». Когда в Москву прибыл Борис Савинков, К. Гопперс и Ф. Бриедис обратились к нему с просьбой взять на себя руководство этой антибольшевистской организацией.

В соответствии с историческими документами в марте 1918 года в рядах «Союза» было около 60 офицеров-латышей. Гопперс до середины апреля являлся дежурным полковником союза, Бриедис был начальником отдела разведки и контрразведки. В организации активно действовали многие бывшие офицеры российской армии.

Ими была проделана большая работа по организации нелегальной отправки боеприпасов в незанятую большевиками Сибирь. Члены союза старались поощрять демобилизацию латышских стрелков из полков с большевистской ориентацией и отправлять их в Сибирь. Под руководством Ф. Бриедиса латыши проводили разведывательную деятельность в советских учреждениях в Москве, где они работали, и устанавливали связи с другими антибольшевистскими силами.

«Союз» был наиболее опасной для советских властей боевой организацией и насчитывал около 5000 добровольцев. Центральный штаб «Союза», возглавляемый Савинковым, находился в самом центре Москвы под видом «лечебницы для проходящих больных».

В середине 1918 года Россию потрясли многочисленные восстания

против власти большевиков. Многие офицеры-латыши, представляя «Союз защиты родины и свободы», участвовали в организации подполья и вооружённых восстаний в Ярославле, Рыбинске, Казани, Самаре, Симбирске и других городах. Как уже отмечалось, целью латышей, вступивших в «Союз», в первую очередь являлась ликвидация власти большевиков и не допустить сдачи Латвии Германии. И соответственно возобновление действий на германском фронте. При этом у большинства офицеров-латышей, в отличие от взглядов большевиков, преобладали ярко выраженные антинемецкие настроения, которые в целом совпадали с настроениями русского офицерства военного времени.

Офицеры-латыши в это время Латвию видели в составе России как автономную единицу. Иначе сотрудничество с русским офицерством под знамёнами единой России было бы невозможным. В Ярославле одним из руководителей неудавшегося восстания был полковник К. Гопперс. Бриедис – начальник разведки – в то время был уже арестован. Он был единственным человеком из руководства «Союза», кого чекисты сумели арестовать до начала восстания. Будучи глубоко религиозным и храбрым человеком, он не боялся смерти и на допросах все отрицал. Однако, подшитая к делу статья, в которой Бриедис клеймил большевиков как изменников, выдавала его с головой. Ф. Бриедиса расстреляли по личному приказу зам. председателя ВЧК Я. Петерса в ночь с 27 на 28 августа 1918 года. Во время уличных боев латышские стрелки составляли отдельное подразделение. Сам К. Гопперс принял руководство целым боевым районом. Примечательно, что в подавлении восстания большую роль сыграли также латышские стрелки. Красные латышские стрелки.

В июле-августе 1918 года «Союз защиты родины и свободы» с его разветвлённой сетью отделений был разгромлен. К. Гопперсу удалось спастись, и он вместе с остатками своего подразделения сумел уехать в Сибирь, в район дислокации армии Колчака. Заручившись поддержкой командующего войсками Антанты в Сибири генерала Жанена, латыши стали формировать свои воинские подразделения. В последующем предполагалось их участие в освобождении территории Латвии от немцев.

Адмирал Колчак и его окружение на первом этапе появления новых формирований не слишком доверяли новым латышским частям. Ему хорошо было известно участие латышских полков в составе Красной Армии в боях с Деникиным.

Но благодаря авторитету французского генерала Жанена вопрос с Латышским полком в составе Армии Колчака был решён положитель-

но. Но на первом этапе формирования старались не брать лиц, служивших в Красной армии. И Антанта профинансировала обмундирование и вооружение латышских формирований.

После разгрома армии Колчака и его расстрела латышские стрелки в составе Имантского полка добрались до Владивостока, затем на судах союзников были доставлены в Латвию. Прибыло более тысячи солдат. За их транспортировку Франция взяла с Латвии 9 миллионов франков, Англия – 130 тысяч фунтов стерлингов. Многие уцелевшие латышские стрелки вернулись на свою историческую родину, когда Латвия обрела полную независимость в двадцатые годы.

Прошло время, в России прочно установилась советская власть. И с Латвией определились относительно добрососедские отношения. Почти 20 лет мирного сосуществования двух независимых государств с разным политическим устройством. Благодаря Советскому Союзу, Латвия впервые в истории получила независимость. Но на календаре был уже 1939 год. В Европе начиналась новая война, готовая перерасти во Вторую мировую. И для Латвии, и ее бывших латышских стрелков начиналась новая трагическая страница истории. После присоединения Прибалтики к СССР (или ее аннексии) многие бывшие латышские стрелки, служившие в Белой армии, были подвергнуты репрессиям. Многие расстреляны. В 1940 году был также арестован 64-летний ветеран Первой мировой и Гражданской войн генерал Карл Янович Гопперс. Ему инкриминировали вооружённое восстание против советской власти в 1918 году, помощь международной буржуазии и контрреволюционную пропаганду.

25 марта 1941 года генерал Карл Янович Гопперс был расстрелян в Рижской центральной тюрьме. Впоследствии останки генерала торжественно перезахоронили в братской легионерской могиле на рижском кладбище.

В современной Латвии говорить о латышских стрелках не очень принято. Судьба их трагична вне зависимости от их политической принадлежности. И в истории Латвии они в любом случае остаются. В Риге есть улица бывшего главкома Красной армии Юкума (Иоакима) Вацетиса. Она очень органично сочетается с улицей имени его противника – латышского офицера Белого движения Фрициса (Фридриха) Бриедиса. И никого не смущает ни памятник бывшим стрелкам российской армии, ни улица имени советского главкома. Это история России, это история Латвии. Но временами историческая память в искажённом виде прорывается наружу, и слышатся обвинения в адрес России, Советского Союза.

Знаменитый композитор Раймонд Паулс однажды в своём интервью популярной в Латвии газете Neatkarīgā так прокомментировал эти обвинения: «Я немного изучал то, что происходило в 1917 и 1918 годах. Кто был главными убийцами? Наши соотечественники. Что они творили на Украине? Кто сформировал весь этот чекистский аппарат? В основном наши и евреи, хотя они и были потом сами ликвидированы. Кто отстаивал ту революцию? И кто служил в охране Кремля? Латышские стрелки. Поэтому лучше уж помолчим об этих делах. Это история, и ничего тут не поделаешь. Что толку поднимать ее, лучше ведь не сделаешь. Мы сами всякого дерьма натворили, сами всюду лезли...».

Дмитрий Близнюк

* * *

о, это чеширское мыррр...
коснуться волос твоих лёгким поцелуем,
пока ты на разделочной доске миксуешь лук с грибами.
покачаться на твоей серьге, как матрос на якоре, -
сто метров над уровнем плеч.
выхватить незаконную петрушку, пальцы-воришки,
розово-костяные акулята ногтей.
но твоё сердце как духовка «выкл».
правда, пахнет жаром.
запечённая утка с райским яблоком в попе.
утопая головой в облаках, это радость,
радость жизни с тобой, радость с тобой,
розовые щенки порвали дорогие итальянские туфли,
загрызли ручную работу мастера.
это наша секунда жизни,
глаз на серебряном блюде, и глаз находит меня,
зрачок расширяется,
как падающий лифт, как пролитый чай,
и – герб отражения на сетчатке.
малыш, все будет чётко.
пока джаз варится в моей голове-выварке....

* * *

сколько столетий прошло...
но я выхожу помочиться во двор
звёздной ночью. и небо надо мной –
кувалда, вымазанная смолой, дёгтем,

в осколках-бриллиантах. легонько так по темечку – чок.
здравствуй, человек. и я отвечаю: вечность, привет.
и – точно неподкованная блоха – залюбовался
бугристой харей Левши:
сощуренные калмыцкие глаза с лунной желтизной.
Боже, как же прекрасно и ужасно. вот и все,
что я смогу передать. хлопок впечатления
одной рукой.
пробитая камера колеса.

Бог – самое одинокое существо во Вселенной,
никто его не поймёт ни на йоту.
вот он и глотает пригоршнями «славься»,
как транквилизаторы,
но не может уснуть, просыпается во мне.
а бледный зубчатый свет за окном –
лунная бензопила – срезает верхушки сосен...

* * *

это ли твоя молодость?
татуировки, как пожар цветной, на теле:
морды драконов, хищный оскал, львы, единороги.
розы – как кишки, кишки – как змеи. все перепуталось.
переплелось. зелёная бабочка на лобке.
пустота внутри выпирает наружу – змея,
проглотившая бильярдный шар.
тот случай, когда душу заменяет резьба
по телу.

но однажды
любовь начинает протираться до дыр, как трусики. линять.
в сером утре кто-то варит в кипятке яйцо.
кто-то считает мелкие деньги на проезд.
я же хочу стихами, как чайной ложкой,
прорыть тайный ход в будущее
и сбежать из темницы. вдвоём. но она не пойдёт...

* * *

когда умираешь,
на нежно-абрикосовые поры остывающего мозга
медленно падает
электрический снегопад небытия.
вальсирует приглушённо, будто в валенках.
присыпает уродливые статуи твоего «я» в саду,
напуганного почтальона у ограды.
и каждая снежинка – громадная, жёлто-голубая -
это твой искажённый автопортрет.
тончайшая промокашка
тает на сухих ладонях. а тебя уже нет,
ты еще продолжаешь прыгать на скакалке яяяяя,
но уже вяло, по зыбкой инерции бытия.
точно безрукий боксёр,
разжимаешь зубами ржавую цепь надежды,
замечаешь, что надежда больше похожа на поводок.
но тебя уже никто не держит.
это – взгляд из временного ниоткуда
в космосе,
где голые идеи – серебристые сгустки ужаса -
перебирают планеты, круглые кости,
в поисках розовой субстанции.

ты уже не ищешь ответов на вопросы
на берегу памяти. воспоминания – головастики миров,
а застывшие волны – прожитые дни,
вертикальные холодцы с хрустальным начёсом:
вот здесь ты нашёл очки Элвиса Пресли
и бросался в них на упрямые волны
на потеху любимой, как сенбернар.

когда умираешь, мозг еще не верит,
что это конец пути,
еще продолжает отращивать сюжетные нити –
дождевые черви, перерубленные лопатой.
но уже некуда ползти.

даже сейчас ум пробует выйти за рамки себя,
как картина из рамы, дотронуться до обоев.
есть вероятность, что после смерти
есть поле чудес, лотерея инкарнаций,
джокеры и космические гиены;
можно очнуться в раю, в аду, в нигде, или -
но ад и рай требуют сложной нервной системы,
чтобы чувствовать непрерывную боль или кайф.
не хочу ни туда, ни сюда.
две тупиковые ветки для летящей души.
а здесь – власть фантазии, божьей тени.

так легко и монументально думать о том,
когда ты уже не сможешь ни думать,
ни мысленно забегать вперёд,
но ты никогда не умираешь: я мыслю и чувствую,
следовательно, следы от улиток на статуях,
кто-то существует из нас двоих:
ты, читающий, я, написавший. Они.

* * *

привет. это мы вдвоём.
два бронзовых жука
на фиолетовых ладонях
крымской ночи.
твари созвездий – лунные ящерицы -
выползают на нас, как на валуны,
погреться под лучами
высшей формы жизни.
вот мы идём спать на берег
к змеиному изножью моря,
как викинги, усталые от любви, соли,
вина. и ветерок сдувает
комариные кружева с песочных людей...
мы на берегу, как на витрине эволюции,
просыпаемся поздним утром

в кое-как напяленной одежде
посреди солнечного гвалта,
зыбких бритв блеска, голопузых людей, –
голые игрушки под тряпками,
точно Золушка вырубилась посреди бала
после седьмого бокала
пузырчатой гадости,
и не сумела сбежать.
любимая, нам есть/будет что вспоминать
в аду/раю, или
в поликлинической нудной очереди
на следующую инкарнацию.

* * *

молитва кухонных ножей.
прошу, не наказывай меня за разрезанный хлеб
и за разделанную куру прости, великий точильщик,
ибо грешна моя закалённая сталь.
ибо не могу без дела торчать в ящичке для ножей
и по ночам тянет меня в хлебницу,
как волка в хлев, – просто так взять и уснуть
среди покорных сдобных запахов.

Игорь Альчиметов

Рассказы даются в небольшом сокращении, в журнальном варианте

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Филатовой Евгении

...Она придвинулась к самому краю и, держась за стену, посмотрела вниз. Голова закружилась, по всему телу пробежала волна озноба, напряженной истомой замерев где-то внизу живота. Осторожно, опасаясь делать резкие движения, она отошла вглубь помещения. Все лицо покрылось испариной. Спина взмокла от пота. Тыльной стороной ладони она смахнула со лба намокшую прядь волос, посмотрела на раскинувшийся перед ней город, окинула взглядом темнеющее небо и улыбнулась...

«Еще несколько дней и я это сделаю... Еще несколько дней...»

Она стояла на пятнадцатом этаже недостроенного дома, серой громадой возвышавшегося над хрущобами спального района. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как она стала воспринимать огромный железобетонный остов частью самой себя. Дом давно не охранялся, на этажах не было ни перил, ни ограждений и еще раньше, с земли, рассматривая памятник ушедшей эпохе, она не раз удивлялась небросовестности строителей, оставивших здание в таком состоянии...

«Еще несколько дней...»

Она последний раз взглянула на сырой бетон на краю площадки – трамплин в свою бесконечность, повернулась и, боясь оступиться, медленно пошла вниз по запылённой лестнице...

Бывало, она по несколько часов просиживала на открытой всем ветрам площадке: читала, либо слушала плеер. Пыталась привыкнуть к ощущению высоты и необратимости собственного решения.

Больше всего она боялась своих неожиданных импульсов. И особенно последнего, о котором успела бы не раз пожалеть за недолгие мгновения своего вынужденного полёта.

© Игорь Альчиметов

Там, наверху, отчего-то приятно было вспоминать именно обиды. Каждое воспоминание незаметно обрывало немногие оставшиеся нити, что еще связывали ее с родными и друзьями. Да и с жизнью, в которой она уже давно не находила смысла.

Однажды, через вторые руки ей передали, как одна девица из ее малознакомого окружения назвала ее «мутной». Именно так и сказала, подтвердили ей. И она вдруг обиделась, хотя и пыталась не подать вида. И неожиданно поймала себя на мысли, что никак не ожидала, что мнение какой-то размалёванной суки так сильно ее заденет. И оттого, что она поняла это и поймала себя на какой-то необъяснимой злости, ей стало еще более обидно и одиноко...

Когда-то давно – она и сама бы уже не вспомнила ни точного времени, ни причины – что-то надорвалось в ней, и она перестала доверять окружающим. Часто плакала в одиночестве, приучилась даже курить втайне ото всех, успокаивая расшалившиеся нервы. Отсутствие реальных изначально страданий она с избытком заимствовала у героинь прочитанных книг, пока, наконец, мнимые, надуманные терзания словно магнитом не притягивали настоящих проблем. С каждым годом все больше и больше. Так, что со временем она и сама уже не могла отличить, где кончалось одно и начиналось другое.

Теперь, казалось, еще и город начал противопоставлять себя ей...

Хотелось, пусть на мгновение, взмыть в чистое звёздное небо, обманув время и ожидания близких, но уже давно нелюбимых людей...

...Объявление она заметила сразу, хотя позже, задним числом вспоминая свои ощущения, ей не раз казалось, что она видела этот небольшой плакат и раньше, но никогда не вчитывалась в содержимое, воспринимая цветной лист бумаги, не больше чем яркое пятно. Особенно на фоне остальных, отпечатанных на отвратительного качества бумаге с бледной, словно вылинявшей типографской краской.

Она стояла перед стендом, плохо соображая, уже в четвёртый раз пыталась прочитать крупные буквы и не улавливала их смысла. Первый шок от увиденного начинал проходить, но сознание все еще не могло вернуться в привычное состояние отрешённости последних дней. Поток иррациональных мыслей захлестнул ее. Ощущение, будто все это построено специально для неё нарастало с каждой секундой, несмотря на ее усиленные попытки доказать себе, что это чистая случайность. Мало ли мелочей она встречала каждый день, которые могли бы перевернуть ее жизнь? Правда, тогда не было ни подобной ситуации, ни такого настроения.

...Буквы были большими, на разноцветной глянцевой бумаге и если бы не содержание, вполне сошли бы за какую-нибудь рекламную акцию.

Но содержание... Любой нормальный человек, прочитав такое объявление, принял бы его за неумную шутку какого-нибудь оголтелого циника, либо за горячечный бред сумасшедшего.

КОМПАНИЯ «КОНТЕК» ПРЕДЛАГАЕТ ВСЕМ СОБИРАЮЩИМСЯ ПОКОНЧИТЬ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ ЛЮБЫЕ УСЛОВИЯ ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ ВИДЕОСЪЕМКИ ПОСЛЕДНИХ МИНУТ ЖИЗНИ, А ТАКЖЕ ДАЕТ ПОЛНЫЕ ГАРАНТИИ В ТОМ, ЧТО ЗАКЛЮЧЕННЫЙ КОНТРАКТ БУДЕТ ВЫПОЛНЕН.

Звонить по тел. 0-777-055. Абсолютная конфиденциальность гарантируется.

И все. Ни лицензии, ни регистрационного номера компании. Только телефон. Да, и тот начинался с нуля и добавлял еще больше сомнений в адекватности объявления.

Она посмотрела на редких прохожих, которые не обращали никакого внимания ни на неё, ни на объявление и повернулась к вызывающему, пугающему своей наглостью предложению.

Голова все еще плохо соображала, но она чувствовала в чем-то подвох. Странный номер телефона? Слишком простой? Хотя почему бы и нет? Легче запомнить. Первая цифра «ноль»? Обычно с нуля начинаются телефоны государственных служб. Начинались, поправила она себя. В наше время и это не проблема. Были бы деньги, а купить можно все что угодно, не говоря уже о такой мелочи.

Неужели кто-то и вправду подумал, что тот, кто серьезно решился на подобный шаг, соблазнится «любыми условиями»? Да и чем можно привлечь человека, который отдаёт самое дорогое, что у него есть – собственную жизнь? Хотя, перебила она себя, все люди разные и, кто знает, кого и чем можно заинтриговать? Тем более в его последние дни жизни. Возможно, кому-то и захочется оставить по себе именно такую память.

«Категория интереса...» Она тихо прошептала два пришедших в голову слова и тяжело вздохнула. «Кто скажет, где ее границы?» Она вздохнула еще раз, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

И все же она ощущала в объявлении какой-то подвох. Разве можно спекулировать подобными вещами? Чересчур личными, даже интимными... Нет, не то... Кому какое дело, если и с этого можно получить прибыль? Люди спокойно торгуют человеческими жизнями, а здесь всего лишь видеозапись. Да и как определить, что человек дей-

ствительно решился на самоубийство, а не желает просто воспользоваться... Нет, опять не то... Все в любом случае восходит к конечному результату. Кроме того, есть, наверняка, какая-то аппаратура, тесты, психологи, психиатры, наконец. Да мало ли что еще, о чем она и представления не имеет?

Она все еще стояла перед стендом и вдруг с удивлением обнаружила, что уже несколько минут безотрывно смотрит на номер телефона, словно пытаясь навсегда впечатать его в свою память...

...Она незаметно взрослела и с каждым годом придуманный, тщательно охраняемый мир сдавал свои позиции, теряя чёткость и однозначность. И мечта тонула в реальности, а она с завидным упорством цеплялась за детскую сказку, плакала все чаще и не желала мириться с тем, что ей предлагали взамен. И так день за днём, в упорных и бессмысленных усилиях собрать в кучу все, что еще оставалось от юношеских грёз. День за днём... До тех пор, пока в один вечер, в очередной раз поругавшись с домашними, она не выбежала в слезах из дома и, не зная куда идти, забралась на верхний этаж соседнего долгостроя, надеясь, что пронизывающий ветер и готовый начаться дождь примирят ее с пустой и громоздкой обидой, заботливо выращенной в забитой книгами квартире...

Она просидела там почти половину ночи, не обращая внимания ни на сырость, ни на холодный сентябрьский уже ветер. Боялась расстаться с неожиданно найденным, необычным ощущением покоя и отрешённости.

Похоже, кроме неё и безымянных строителей, давно уже канувших в прошлое, никто не забирался так высоко. Ни местные бомжи, ни окрестная детвора никогда не поднимались выше пятого-шестого этажей. Да и сами помещения с каждым новым этажом выглядели все более неприглядными.

И тогда она заняла последний, самый непривлекательный этаж. Нарочно никогда не убирала и не сорила там, чтобы никто не почувствовал, что помещение давно и прочно обжито. Даже тот немногий мусор, что оставался от неё, забирала с собой и выбрасывала по дороге к дому. Из всего принесённого наверх только неструганная доска обрела здесь постоянное место жительства. И то лишь затем, чтобы было на чем сидеть в течение долгих часов...

Она хронически не успевала за темпами окружающих. С самого начала, сколько помнила себя, она не могла найти себе места в этой ни на секунду не прекращавшейся гонке за деньгами, тотальной войне

всех против всех или, точнее, каждого только за себя. Приняв правила чужой игры за аксиому, она все больше разочаровывалась в ней, пока, наконец, и желание, и выносливость не превратились в абстрактные даже для неё самой категории...

...Она слушала долгие гудки, в глубине души надеясь, что и объявление, и само предложение, да и номер телефона окажутся не более чем злой шуткой обеспеченных бездельников с извращённым чувством юмора...

– Компания «Контек»... – голос выжидательно замер.

От неожиданности она замешкалась на долю секунды, осознав вдруг, что не обдумала заранее, как объяснит свой звонок.

– Здравствуйте... Я... – она замолчала, не находя слов для продолжения.

– Вы звоните по объявлению... – голос девушки на том конце провода моментально стал профессионально приветливым. Не ясно было, то ли она спрашивала, то ли утвердительно отвечала самой себе.

– Я... Д-да, по объявлению, – она вдруг увидела себя со стороны. С нелепым замешательством и сбивчивой речью. В конце концов, это был просто телефонный звонок с уличного таксофона, и трубку можно было положить в любую секунду без каких-либо последствий для себя.

– Возможно, вам показалось, что объявление просто розыгрыш и, тем не менее, наша компания действительно занимается именно тем, что оказывает различного рода услуги... Практически на любых условиях... Если вас действительно заинтересовало наше объявление, то я могу продиктовать вам наш адрес... – голос опять выжидательно замер, прислушиваясь к ее неровному дыханию.

– Да... заинтересовало... – она облизала пересохшие губы и с усилием проглотила вмиг ставшую липкой слюну, удивляясь, как ловко девушка обогнула все острые углы объявления.

– Вы готовы записывать?

– Д-да... минуточку... – она судорожно засунула руку в сумку, ища блокнот и ручку... Через несколько секунд она достала и одно, и другое.

– Слушаю...

– Наш офис находится... – зажав трубку плечом, она судорожно двигала дрожащей ручкой по бумаге, но девушка диктовала медленно, чётко произнося названия и цифры.

– Вы можете придти к нам в любое время, в любой день недели. Даже в ночные часы... Мы гарантируем абсолютную конфиденциальность и вашего прихода, и вашего звонка. – Она первый раз улыбнулась свое-

му отражению в зеркале, услышав, как девушка на другом конце провода по слогам выговаривает трудное слово.

– Спасибо. – Она вдруг ощутила необъяснимую лёгкость, оттого, что все прошло гораздо спокойнее, чем она ожидала.

– Всего вам доброго. До свидания.

Она положила трубку и неожиданно почувствовала всю фальшь своей радости.

Словно неудачно пыталась обмануть себя же. Пыталась и не сумела...

В течение почти двух суток она безостановочно думала о прочитанном и услышанном по телефону. Потревоженные дневные страхи гротескными образами вползали в беспокойные сны и, напугав, не уходили даже после того, как она просыпалась. Словно кто-то невидимый проверял ее решение на прочность, подсовывая одно искушение за другим. И дело было совершенно не в «любых условиях». Просто впервые она ощутила реальный вес своей тайны, которую уже несколько месяцев в одиночестве тащила к размытой пока еще цели. И увидев, что кто-то действительно заинтересован в ее жизни – даже не зная о ее существовании и даже несмотря на свои корыстные намерения – неожиданно сдала.

И решила позвонить...

Она удивлялась насколько, оказывается, нетрудно было хранить собственную тайну. На виду у всех... Впрочем, никого, по сути, и не интересовало, где она проводила свободное время. Поначалу она даже обижалась, что близким нет никакого дела до ее жизни. А затем поняла, что знает о них не больше, чем они о ней и успокоилась. На редкие вопросы заранее готовила шаблонные ответы: «гуляла», «была у подруг», «в университете» и дальнейшие расспросы отпадали сами собой. Она без зазрения совести делилась с окружающими тем, что они желали услышать.

Как ни странно, безобидная мелкая ложь не давала повода для лжи крупной и безболезненно уживалась с ее детскими представлениями о правде и принципах. Хотя в глубине души что-то и восставало против ежедневного обмана, определить это «что-то», тем более облечь его в более или менее приемлемую словесную форму у неё не получалось. Поначалу она пыталась анализировать эти противоречия, но пыталась в них все больше и больше. В конце концов, она утомлялась от циклических мыслей, вечно приводивших к исходной точке, и всегда возвращалась на верхний этаж долгостроя, чтобы успокоиться и примирить себя со своими растревоженными чувствами...

На улицах зажигались фонари. Она шла по весеннему, расцветающему городу, вдыхая десятки новых, забытых после долгой зимы ароматов, и до сих пор не была уверена, хватит ли ей решимости зайти в единственное место, где ее действительно ждали с нетерпением... Якобы ждали...

Она оправдывала свой спонтанный порыв желанием вблизи увидеть здание, где размещалась компания, подспудно чувствуя, что не сможет устоять перед последним, пограничным искушением.

На этот раз, как ни странно, она не мучила себя долгими сомнениями. Второй шаг оказался намного легче первого. Уже на следующий день после звонка, все еще обманывая себя и придумывая десятки нелепых оправданий, она решила все же проверить, стоит ли за адресом какое-нибудь реальное содержание.

И, возможно зайти... Если достанет смелости...

...Как видно, она давно шла к этому решению, потому что, забравшись однажды в морозный зимний вечер на заснеженную площадку своего пятнадцатого этажа, как-то вдруг, не испугавшись и не удивившись, поняла, что, наконец, нашла, что так долго и упорно искала...

Тихо, в почти полном безветрии большими, переливавшимися бледными цветами хлопьями, падал снег, тая у неё на ресницах. Снизу долетали резкие звуки живущего своей обычной жизнью города. Она стояла неподвижно, чувствуя то же, что чувствовала, когда в первый раз, почти три месяца назад забралась сюда – смирение и готовность без обид и сожалений принять свою судьбу.

Высота притягивала и пугала. В тот вечер она впервые подошла к краю площадки и посмотрела вниз. Голова закружилась, обжигающе холодный бетон миллионами игл впивался в оковеневшие пальцы, забирая остатки чувствительности. Она осторожно, опасаясь поскользнуться, отошла подальше от края и только тогда заметила, что и нижнее белье и свитер почти насквозь промокли от пота. Где-то на периферии чувств она все же успела удивиться, что никогда не потела настолько сильно. Плотнее запахнувшись в пальто, она еще раз взглянула на яркие огни города, уходящие за горизонт, и решила идти домой, боясь, что, оставшись, за мелкими эмоциями не сможет рассмотреть свою главную находку...

...У здания она намеренно замедлила шаг. Газон был огорожен невысокой, до пояса кованой изгородью, за которой через равные промежутки были посажены маленькие ёлки. Фасад старого когда-то здания был полностью реконструирован так, что сейчас сдержанным стилем больше всего напоминал Северную Европу. Крыльцо было аккуратно

облицовано серым мрамором. На стене справа от входа, на большой табличке в ярком свете фонарей отливали золотом только два слова: КОМПАНИЯ «КОНТЕК».

И опять больше ничего. Ни указаний на род занятий, ни часов работы, ни какой-либо дополнительной информации. Только название.

Она прошла мимо, дошла до конца квартала и остановилась. Издали здание заметно выделялось среди прочих построек.словно светлое нарядное пятно на фоне окружавшей его бесформенной массы.

Сил не было ни войти внутрь, ни вернуться домой. Она посмотрела по сторонам и, не увидев никого вокруг, с тяжёлым вздохом полезла в карман куртки за сигаретой...

...Придя домой она тихо прошла в свою комнату и, не раздеваясь, прямо в пальто, забилась в угол дивана. За окном все теми же огромными хлопьями падал снег. На стенах и на потолке мягко покачивались мутные пятна света от уличных фонарей. Она сидела в темноте без единой мысли и не могла заставить себя сделать ни одного движения.

Растаявший снег отогревшимися каплями стекал по лицу и щекам шее. В доме напротив, в освещённых окнах, размытыми силуэтами, суетились люди. Откуда-то из глубины квартиры доносились голоса домашних, лязгающие звуки кухни, шарканье нескольких пар ног. А она все сидела никем не замеченная, в каком-то оцепенении наблюдая за кружащимися за оконным стеклом снежинками.

Так прошло, наверное, часа два, пока резкий звук зазвонившего телефона не вырвал ее из глубокого забытья...

Дверь, казалось, отворилась вместе со звонком. Высокий молодой парень спокойно и доброжелательно смотрел на неё, в ожидании объяснений.

– Добрый вечер... – она осеклась на мгновение, пытаясь подобрать необходимые слова. – Я звонила... Мне сказали, что можно придти в любое время... По объявлению...

Парень мягко улыбнулся и полностью открыл дверь, пропуская ее внутрь:

– Проходите, пожалуйста.

Она переступила порог и моментально почувствовала облегчение. Последний шаг был сделан и смысла идти на попятную больше не было... Или, точнее, предпоследний, но отступить все равно уже было поздно... Да и некуда...

Она осмотрелась. Все было аккуратно выкрашено в белый цвет. Двери, насколько она видела, были без номеров и фамилий. С подвешенного потолка лился мягкий, приглушенный свет.

– Одну минуту... – она автоматически остановилась и повернулась на звук голоса.

Парень стоял с телефонной трубкой в руке у небольшого, незамеченного ею при входе, столика, и, все так же спокойно улыбаясь, смотрел на неё.

– Станислав Петрович? Спуститесь, пожалуйста, вниз, к вам пришли... Да... Хорошо... – он положил трубку и безо всякого перехода обратился к ней: – Меня зовут Олег.

От неожиданности она не сразу нашлась что ответить:

– Александра... – назвала полное имя, но тут же поправила себя, – Саша...

– Станислав Петрович сейчас подойдёт.

В ту же секунду откуда-то издалека до неё долетел слабый звук размеренных шагов. Звук постепенно приближался, и она вдруг опять почувствовала предательскую неуверенность, нараставшую в ней с каждым шагом. Она посмотрела на Олега, но он улыбался все так же дружелюбно и еле заметно, одобрительно кивнул ей головой. И только в глубине его глаз она уловила мелькнувшую на мгновение грусть.

– Добрый вечер... – она вздрогнула, удивившись своей способности отвлекаться на мелочи в самые неподходящие моменты.

Она нерешительно повернулась, готовая к чему угодно:

– Добрый вечер.

– Меня зовут Станислав... Можно просто Стас, – он пожал плечами, словно предлагая выбрать то, что больше нравится.

– Саша.

Его улыбка была первым, на что она обратила внимание. Открытая и в то же время смущённая от того, что приходилось улыбаться в то время, когда другим, возможно, было нестерпимо больно и одиноко. Роста он был чуть выше среднего, почти на полголовы выше ее.

Уже позже вспоминая о нем, она вдруг подумала о том, что не заметила на его руках ничего лишнего: ни колец, ни перстней, ни даже часов. Наверно, это тоже сыграло свою роль при их первой встрече – она органически не выносила любителей публично демонстрировать своё фальшивое благополучие. Хуже этого могли быть только изнеженные сибариты с кокетливыми ужимками девиц-институток.

– Вот что, Саша, идёте в мой кабинет.

Они прошли до конца коридора и поднялись на второй этаж. Его кабинет находился почти у самой лестницы. Он открыл такую же безликую, как и все остальные, дверь, пропуская ее вперёд и, словно оправдываясь за отсутствие индивидуальности в интерьере, пояснил:

– Только недавно переехали сюда... Не успели еще устроиться... К тому же посторонние здесь бывают не часто, а свои и так знают кто и где находится, – он опять еле заметно пожал плечами, будто извиняясь перед ней за причинённое неудобство.

– Садитесь, пожалуйста, – он мягко указал на уютное кожаное кресло. Сам обошёл вокруг письменного стола и сел в такое же кресло напротив неё.

Она с интересом посмотрела по сторонам. Комната была небольшая, но просто и практично оформленная. С потолка лился такой же, как в коридоре приглушенный свет. Одна стена была бы совершенно голой, если бы не одинокая картина, сразу притягивавшая взгляд. Небольшая деревянная церковь в свете короткого пасмурного зимнего дня где-то на севере. Картина была вправлена в темно-коричневую рамку из морёного дерева, которая только подчёркивала ощущение лёгкой грусти, переданное неизвестным художником. Другую стену от пола почти до потолка занимала черно-белая стенка, полностью заставленная книгами и папками с бумагами. Она провела взглядом по одной из полок. Имена авторов были большей частью незнакомые, и все же среди них она заметила несколько расхожих фамилий: Фрейд, Юнг, даже небольшой томик Монтеня, втиснутый в самый угол. На столе, чуть сдвинутый к краю тихо гудел компьютер. Около него стоял пластиковый стаканчик с ручками и карандашами. На другом конце стола находились фотография в рамке и два телефонных аппарата.

Стас не торопил ее, молча наблюдал за ее реакцией, ожидая пока она полностью освоится в новом месте. Наконец, она посмотрела на него и сразу же опустила глаза, заметив его внимательный взгляд.

– Саша, хотите кофе?

Она смущённо кивнула. Он ободряюще улыбнулся и поднял телефонную трубку:

– Аня, будьте добры два кофе... Хорошо, спасибо. – Пока он говорил, она еще раз, исподтишка рассмотрела его.

Стрижка у Стаса была короткая, на левой щеке она только сейчас заметила неровный, рваный шрам, начинающийся около уха и заканчивающийся у основания шеи. Движения у него были мягкие и плавные как у кота. Лет ему было, как оказалось позже, не меньше тридцати трёх-четырёх, хотя выглядел он много моложе.

Он перехватил ее напряженный взгляд, и глаза его на мгновение стали жёсткими, но он тут же улыбнулся и пошутил:

– Издержки производства...

– Производства?

Он кивнул:

- Производства... - чуть посерьёзней и добавил, - на память о Кандагаре... - в этот момент в дверь постучали.

- Да...

В комнату вошла невысокого роста девушка с маленьким подносом в руках.

- Спасибо, Аня, - Стас привстал, принимая у неё поднос. Та кивнула в ответ, улыбнулась и вышла из комнаты. Как только дверь за ней закрылась, он сразу же повернулся к Саше:

- Вы угощайтесь, Саша, не стесняйтесь, - повёл рукой в сторону подноса, на котором стояли две чашки кофе и вазочка с печеньем.

- Спасибо, - она все еще неуверенно взяла одну чашку и отпила глоток.

- Это Новгородская область... - она проследила за его кивком и взглядом упёрлась в картину. - Холодно было ужасно. Ветер, потом дождь пошёл. Еле успел набросать основное. Закончил уже дома. По памяти...

- Вы?! - она даже привстала от удивления.

- Да... - на этот раз он улыбнулся робко, смущённый её вниманием.

Она поставила чашку на стол и подошла поближе к картине, чтобы рассмотреть детали.

- Я думала, это куплено где-то.

- Обычно я так и говорю, чтобы никого не смущать. Люди боятся почувствовать себя более глупыми или менее талантливыми, чем собеседник.

- И много таких... людей, - она все еще стояла к нему спиной, не решаясь повернуться, и ожидала ответа.

- Нет, Саша, не много, - она скорее услышала его улыбку и только тогда с облегчением обернулась.

Он все так же сидел с чашкой кофе в руке и смотрел на неё. Она вдруг смутилась его взглядом и своего поведения, села в кресло и снова взяла в руку чашку.

- Знаете, Саша, я много читал литературы по психологии, - он мельком взглянул на книжные полки, - все пытался понять, откуда у людей берутся депрессии. Не раз анализировал собственные... - он замялся на долю секунды. - Хотел найти что-то общее у всех... критерий что ли...

- И откуда они берутся? - тема была ей близка и, одновременно, неинтересна.

- Да бог их знает... - он вдруг весело рассмеялся. Она тоже не удержалась и в первый раз за весь вечер улыбнулась. - Если говорить про-

сто, то человек не может найти общего языка с самим собой. Конечно, есть еще масса причин, но в любом случае все они вторичны.

– А вы сами научились находить... общий язык, – она неожиданно почувствовала, как напряжение последних часов начинает уходить, а вместе с тем и внутренняя твердость. Стасу таки удалось вовлечь ее в разговор.

– Нет, конечно. Хотя в чем-то я и преуспел. – Он улыбнулся и опять указал на картину. – За два дня до того, как я начал её у меня была проблема... Очень большая проблема... – он задумался на секунду, словно вспоминая то время. – И вот видите, ничего. Сажу и улыбаюсь. Впрочем, улыбаться я начал уже к тому вечеру, – он опять перевёл взгляд на картину. – Не всегда все хорошо, но чем-то иногда можно и поступиться, – Стас замолчал на мгновение, посмотрел на ее уже заинтересованное лицо и продолжил:

– И бывает, находите гораздо больше, чем имели.

– Может быть... – она вдруг устыдилась своего интереса, пожала плечом и вздохнула.

Словно предавала найденное однажды решение, насильно возвращаясь в круговорот жизни.

Стас почувствовал перемену её настроения и сразу же поменял тему:

– Саша, хотите еще кофе?

Она неуверенно кивнула, не глядя на него:

– Да... Если можно.

Стас поднял трубку телефона, нажал на что-то и попросил:

– Аня, будьте добры, принесите еще пару чашек кофе... Да, спасибо, – он улыбнулся в трубку, – хорошо...

Они посидели несколько минут в молчании, пока не принесли кофе. Как только дверь закрылась, Стас перешёл к делу.

– Знаете, Саша, объявление, в принципе, достаточно глупое и, тем не менее, иначе предложение не выразишь. Наша компания действительно занимается этим... Не только этим, конечно, но и этим тоже.

Он почувствовал, что запутался в словах и улыбнулся. А она, в который раз уже подивилась тому, как легко ему даётся улыбка.

– Компания на самом деле заключает контракты на любых условиях. Как ни дико это звучит, но это так. А если к этому добавить весь спектр человеческого воображения, то можете себе представить до чего могут додуматься люди, которым, в принципе, не проводят чётких границ... Понимаете, Саша, я не могу открыто говорить об этом, поскольку это

входит в разряд... ну, что ли коммерческих тайн компании, просто поверьте на слово – некоторые условия и вправду были более чем дикими. Здесь я еще раз убедился, что фантазии человеческой нет границ.

– И вы выполняете все требования? – произнесла и сразу же одёрнула себя. Прозвучало это так, словно она заранее шла сюда что-то выпрашивать. Она подняла глаза на Стаса, но он, казалось, и не заметил ее интонации. Или сделал вид, что не заметил.

– Видите ли, Саша, слово «выполняете» не совсем уместно здесь, поскольку контракт затрагивает обе заинтересованные стороны. Невыполнение условий одной из сторон ведёт к тому, что контракт попросту аннулируется.

– Да, я понимаю. Но человек ведь не сможет проверить... Ну, вы понимаете...

– Конечно... Но все дело в том, что контракт только оформляется юристами компании. Далее человек сам вправе связаться с любой юридической фирмой, проверить правильность оформления и обязать фирму следить за выполнением договора. Схема, в принципе, элементарная. Только... – Стас на мгновение замолчал, подыскивая уместные слова, – только, Саша, не поймите меня неправильно... Суть в том, что те люди, которые действительно решились на что-то серьёзное, обычно не требуют почти ничего. В основном и желания их очень простые. Чем больше человек требует, тем увереннее можно сказать, что его возможный поступок просто блеф... Или миф, придуманный для своего же тщеславия... Самолюбия, быть может, не знаю...

– Но если большинство отказывается, зачем тратить столько денег и сил впустую?

Стас грустно улыбнулся и отвёл глаза в сторону.

– Дело в том, Саша, что в серьёзном бизнесе ничего не делается впустую. Все вложенные деньги или, по меньшей мере, почти все, окупаются с лихвой. Параллельно с чистой коммерцией ведутся научные разработки в области психологии и психиатрии... Да и многое другое... – Стас опять улыбнулся и продолжил. – Каждый проходящий к нам тестируется в течение двух недель, проверяются его психическое состояние, уровень интеллекта, физическое здоровье. Ведутся разработки в области возможностей человеческого мозга и так далее. Кроме того, ведётся различного рода статистика... Впрочем, всего и не перечислишь. Любая практическая наука цинична в принципе и, как видите, цель здесь намного важнее средств. Хотя, я думаю, вы согласитесь, что если все соотносить с требованиями морали, мы жили бы сейчас если не в каменном веке, то, по крайней мере, вот этого, – Стас

небрежно указал пальцем на монитор компьютера, – наверняка, не было бы...

– Так же как любую войну, смерть, да и вообще любую ситуацию можно рассматривать, как минимум, с двух сторон... Не только с отрицательной, но и положительной, – он опять улыбнулся. – Как ни цинично это звучит... Вы согласны, Саша?

– Да, конечно, – кресло уже не казалось ей таким уютным. Она постоянно ёрзала в нем, пытаясь найти положение поудобнее. – Только как-то вы все очень мрачно нарисовали.

– Да? Хотя, возможно, вы и правы. По сути, с позиции каждого отдельного человека важнее его самого нет ничего вокруг, да и сам мир лишь приложение к его потребностям. И все же прогресс приходится кому-то двигать вперед. Причём, постоянно. Отсюда и появляются такие компании, как наша. С антиобщественной, казалось бы, направленностью, которые реально способствуют развитию общества. А, впрочем, на любую вещь можно посмотреть с разных сторон, и глупо было бы спорить кто более прав... – Стас замолчал на несколько секунд, словно суммируя свои мысли и затем продолжил.

– Я не буду спрашивать, что привело вас сюда, Саша. У каждого своя судьба, цели, да и тайны, в конце концов. Но, думаю, не ошибусь, если скажу, что это не праздное любопытство и не желание что-нибудь выгадать. Скорее всего, трудно держать что-то постоянно в себе, когда не с кем даже поделиться... – он уже не смотрел на неё, разговаривая, словно сам с собой. Просто мысли вслух уставшего от напряженной работы человека.

Она поёжилась, довольная в глубине души, что он не видит ее в этот момент и еще раз удивилась, насколько точно он обрисовал ее состояние.

– Стас, извините... – произнесла и сразу устыдилась своей двойной смелости: первый раз назвала его по имени и уже обращалась с просьбой.

Он поднял на неё глаза и дружелюбно, приглашая продолжать, улыбнулся:

– Да?..

– Можно посмотреть на фотографию? – она осторожно кивнула в сторону стоявшей на столе рамки. Фотография мучила ее почти с самого прихода сюда. Отчего-то сейчас ей неприятно было бы увидеть на ней женщину или ребёнка.

– Конечно. – Стас улыбнулся и зачем-то полез в ящик стола. Достал оттуда фотографию, взял со стола рамку и протянул ей оба изображе-

ния. – Я их периодически меняю, чтобы... Да, впрочем, и сам не знаю зачем.

В рамку была вставлена черно-белая фотография ужасно плохого качества. Пожелтевшая по углам, с застарелым сгибом посередине, который не сразу был замечен, разглаженный примявшим его стеклом. На фоне глинобитной стены стояли трое серых от пыли солдат и весело улыбались ей. В одном из них она узнала совсем молодого еще Стаса в лихо сдвинутой на затылок афганке.

– Это ваши друзья?

– Да... – он грустно усмехнулся.

– Вы и сейчас с ними общаетесь? – она незаметно для себя самой улыбнулась: настолько сильным был заряд молодого веселья, исходившего от фотографии.

– Понимаете, Саша... – Стас замолчал на секунду, проглатывая слюну. Кадык его нервно дёрнулся вверх, а затем возвратился на прежнее место. – Из них, – он кивнул на фотографию, – вернулся только я...

– Извините... – казалось, что-то враз обрушилось, придавив ее нестерпимым, невидимым грузом, – Извините, Стас...

– Ничего страшного, – он опять улыбнулся и кивнул на другую фотографию. – А это тоже я.

С фотографии на неё смотрели серьёзные, умные глаза белокурого мальчика полутора-двух лет.

– Знаете, Саша, иногда мне становится ужасно стыдно перед ним... Даже не знаю за что...

Она подняла глаза от фотографии. Стас с грустью и нежностью смотрел на ребёнка. У неё вдруг появилось непреодолимое желание сесть к нему на колени, обнять и поцеловать его рваный шрам. Он неожиданно повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза. Она смущённо отвернулась, смутно почувствовав, что он успел прочесть на ее лице захлестнувшее ее чувство.

– Саша, если вы не против, я мог бы более подробно ознакомить вас с условиями контракта...

...Она не могла выйти из состояния оцепенения в течение нескольких суток. Механически отвечала на вопросы окружающих, механически делала работу по дому, механически ходила в университет, слушала лекции и сразу же, игнорируя дом, спешила на свой пятнадцатый этаж. Просиживала там сколько хватало сил, кутаясь в пальто от морозного ветра, пытаясь приучить себя к новому состоянию, время которого приходилось нести в одиночестве...

Теперь уже каждый раз, прежде чем идти домой, она подходила

к краю площадки и смотрела вниз. Высота все больше притягивала и пугала ее. Она с усилием сдерживала себя, чтобы не сделать еще один шаг и подолгу не могла оторваться от зияющей пустоты. По всем конечностям разливалась истома, ноги дрожали от наваливавшейся слабости и все тело, казалось, становилось легче, теряло объем и очертания.

Она с трудом отрывалась от гипнотического созерцания и на подгибающихся ногах отходила подальше от края, всякий раз обнаруживая, что одежда почти насквозь промокла от пота...

Она вышла из здания на пустую, наполненную одуряющими весенними запахами улицу. Стас стоял у входа рядом с Олегом и улыбался ей.

– Извините, Саша, что не могу проводить вас.

– Не беспокойтесь, ничего не случится... Я привыкла гулять по ночам. – Она улыбнулась в ответ.

– До свидания...

– До свидания.

Сейчас ей больше всего хотелось побыть одной и привыкнуть к новому чувству, за которым она забыла даже последние месяцы хронического бессилия и отчаяния.

Они просидели со Стасом в его кабинете больше четырёх часов. Обсудили условия контракта, причём она подписала все предложенные документы, в некоторые заглядывая лишь мельком, некоторые вообще не читая. Ей хотелось продолжить прерванный так некстати – за что она до сих пор корила себя – разговор.

Они долго говорили о прочитанных книгах, интересах, но всякий раз, как только речь заходила о прошлом Стаса или его личной жизни, он под разными предлогами уворачивался от ответа. Она неосознанно, скорее, по старой привычке, и сама норовила уйти не только от ответов, но часто предупреждала возможные вопросы Стаса. В таких случаях он мягко улыбался и сразу же направлял разговор в другое русло.

Впервые она встретила человека, с которым не стеснялась говорить почти на любую тему и если бы не природная скрытность, она близка была к тому, чтобы открыть Стасу все, что накопилось в душе в последнее время...

Отойдя от здания компании на сотню метров, она обернулась. Стас, уже в одиночестве, все так же стоял у входа и смотрел ей вслед. Она подняла руку и помахала ему. Он сделал то же самое. Ей показалось даже, что он так же мягко, как и обычно, улыбнулся, хотя стоял он в тени и определить точно с такого расстояния, было невозможно.

Внутри у неё сладко заныло, она повернулась и, уже не оборачиваясь, пошла навстречу спящему весеннему городу...

Высота тянула ее все сильнее. Даже начало марта, таяние снега, наступление долгожданных солнечных дней не всколыхнули в ней весеннего настроения прежних лет. Она все чаще засиживалась на верхней площадке своего долгостроя, тоже основательно сдавшего на фоне весны. Стены здания отсырели, пошли потёками, еще яснее обозначились трещины между плитами, да и общий вид напоминал скорее громоздкого неудачника, затесавшегося в праздничную толпу.

Она стала прогуливать занятия в университете, иногда не появлялась там по несколько дней кряду, выдумывала разнообразные причины отсутствия. Часто и сама путалась в объяснениях, данных ранее, но волновало ее это все меньше. Она уже не ассоциировала себя с тем, что происходило вокруг, лишь изредка, удивляясь самой себе, обнаруживала, что что-то еще способно затронуть ее или задеть за живое. Ее все меньше волновали прежние обиды. Мнения окружающих, еще недавно такие веские, теперь казались мелочными и лишёнными смысла.

Она все ближе приближалась к какому-то смутному пока еще пределу, надеясь, что внутреннее, глубинное чувство само подскажет ей, когда поставить последнюю точку в своей жизни...

В течение последующих двух с половиной недель она видела Стаса только три раза, да и то лишь мельком. Он приветливо махал рукой, улыбался и пропадал за безликими дверьми или в изгибах коридоров. Удивительно, но даже днём здание казалось вымершим. Бывало, откуда-то до неё долетали отдалённые звуки, изредка открывалась какая-либо дверь, показывалось чьё-нибудь занятое лицо, которое сразу же исчезало за другой похожей на первую дверь. Но и это происходило лишь когда очередной человек, к которому она попадала на собеседование, отводил ее в следующий кабинет.

Тесты, как ей казалось, большей частью были лишёнными всякой логики и следовали один за другим. Бывало, за день она попадала к трём разным людям, причём не всегда было ясно, какая область ее натуры интересовала каждого из них. Несколько раз ее обволакивали паутиной проводов с присосками на концах, задавали вопросы или молча проверяли какие-то кривые, ползущие на мониторах, установленных так, что и она краем глаза могла увидеть движение на экране.

За то время, что провела здесь, она скорее почувствовала, чем поняла, что безликость внутренних помещений никоим образом не связана с недавним переездом. Люди здесь были объединены какими-то

непонятными, не укладывающимися у неё в голове отношениями. Кроме Стаса, никто не задал ей ни одного личного вопроса, и она уже жалела, что поддалась секундной слабости и связалась с компанией. Не раз, возвращаясь после долгих тестов домой, она давала себе слово не приходить сюда назавтра. Слово было неубедительным и отчего-то всякий новый раз находилась повод его нарушить.

За последние дни ей только дважды удалось забраться на верхний этаж. В остальное время она большей частью с равнодушием смотрела на мрачные угловатые очертания, застывшие на фоне тёмного неба. Однажды, чего раньше никогда с ней не случалось, она поднялась до третьего этажа, но вдруг передумала идти дальше и вернулась домой.

Никто не упоминал вслух для чего она проходит ежедневные тесты, никто ни разу не заговорил об оставшимися неподписанными документах, в числе которых была и основная часть контракта, включавшая в себя пресловутые «любые условия». И хотя еще в первый вечер Стас сказал ей, что вся бумажная процедура завершится после тестирования, такое отсутствие интереса к ее персоне оставляло неприятный осадок.

Она постоянно возвращалась в мыслях к сути контракта. Что она могла попросить? Все, что хотела, она уже получила в первый вечер. Встреча со Стасом компенсировала недостаток общения. Что-то еще? Если бы у этого «что-то» было реальное продолжение... Деньги для родственников? Она думала об этом некоторое время и опять, как-то неожиданно, осознала, что совершенно не представляла, какова будет их реакция на неизвестно откуда полученную сумму. Отчего-то, несмотря на подписанные документы, вопреки всякой логике, она сомневалась, что деньги придут из анонимного источника. Как бы отреагировали ее родные? Ей было бы одинаково стыдно и больно как за то, что они с радостью примут свалившиеся, как снег на голову деньги, так и за то, что они поймут, откуда пришла эта сумма и воспримут всю ситуацию, как насмешку над собой и над ее смертью.

Она долго думала, но так ни к чему и не пришла. И только однажды утром, еще в полудрёме поняла, что совершенно забыла о последнем существе в своей жизни, которому она действительно смогла бы помочь. После этого, в течение всего дня, сидя на лекциях или отвечая на непонятные вопросы в кабинетах компании, она чувствовала, что произвольно краснеет всякий раз, вспоминая о своей забывчивости...

Однажды, после очередной серии вопросов, экзаменатор улыбнулся ей и сказал, что на следующий день ей нужно будет увидаться со Станиславом Петровичем. Она хотела было прямо здесь, на месте

разузнать побольше, но передумала и решила дожидаться завтрашнего дня. В конце концов, несколько часов теперь уже не имели значения...

...Она придвинулась к самому краю и, держась за стену, посмотрела вниз. Голова закружилась, по всему телу пробежала волна озноба, напряженной истомой замерев где-то внизу живота. Осторожно, опасаясь делать резкие движения, она отошла вглубь помещения, окинула взглядом темнеющее небо и улыбнулась. Лицо покрылось испариной, спина взмокла от пота. Тыльной стороной ладони она смахнула со лба намокшую прядь волос и посмотрела на раскинувшийся перед ней город.

«Еще несколько дней...»

Она в последний раз взглянула на сырой бетон на краю площадки, повернулась и, боясь оступиться, медленно стала спускаться вниз по запылённой лестнице. Навстречу объявлению и своей хромой судьбе...

...Стас встретил ее своей обычной улыбкой, усадил в кресло и сел напротив. Она привычно осмотрелась. Со времени ее последнего посещения в кабинете ничего не изменилось. Стас окинул ее внимательным взглядом, улыбнулся и задал привычный уже вопрос:

– Саша, хотите кофе?

Она улыбнулась в ответ, вспомнив их первую встречу, и утвердительно кивнула. Стас поднял трубку, вежливо, как всегда, попросил приготовить для них кофе и обратился к ней:

– Сильно устали?

– Да, нет, не очень, – соврала она.

– Хорошо, – он не смотрел на неё, механически перекладывая бумаги на столе, затем взглянул исподлобья и смущённо, словно извиняясь, произнёс, – сегодня мы можем оговорить все оставшиеся формальности.

Она кивнула, глядя ему прямо в глаза:

– Да, давайте оговорим...

Они провели вместе больше двух часов. Стас последовательно, в деталях объяснил все пункты контракта, подкрепляя не совсем ясные ей места простыми примерами. Смущённо, подыскивая более мягкие выражения, он коснулся конкретного времени, места и условий, оставляя окончательное решение за ней. Насколько могла твёрдо, она ответила на каждый вопрос, стараясь говорить без дрожи в голосе и не отводить глаз. Еще более смущённо, чем прежде, Стас спросил о ее требованиях. Она задумалась, подбирая слова.

Десятки раз обдуманый ответ существовал в ее мозгу цельной картиной, наполненной объёмом и красками. Она вдруг удивилась,

подумав о том, что ни разу не представила себе, как будет выглядеть ее условие, собранное кучей неуклюжих, угловатых слов.

Стас молча, казалось даже расслабленно, ожидал ее ответа.

Почувствовав, что уже теряется в словах, она взяла себя в руки, и на одном дыхании выложила своё единственное требование к компании. Если Стас и был удивлён, то по нему этого не было заметно. Он кивнул, подвинул к себе бланк с единственным, незаполненным еще пунктом в нем и аккуратно вписал туда ее условие...

...Стас ждал ее у входа, облокотившись на бетонную плиту. Во втором человеке с большой перекинутой через плечо сумкой она узнала Олега. Они молча кивнули друг другу и замерли в нерешительности. Наконец, Саша указала рукой в направлении входа, приглашая их следовать за собой:

– Идёте.

Они долго поднимались по загаженной лестнице. Стас шёл за ней следом, не произнося ни слова. Олег почти после каждого пролётаправлял на плече ремень, то и дело сползающей сумки. Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, она стала считать сколько раз сумка возвратилась в исходное положение. К последнему пролёту она насчитала двадцать семь раз и вдруг почувствовала весь ужас и всю абсурдность своего положения.

Она без злости и усилий собиралась перечеркнуть все двадцать три года зачем-то прожитые ей. Двадцать три года, чтобы придти именно к этому решению... Она неожиданно для себя улыбнулась. Не все ли равно теперь с какой стороны смотреть на ее жизнь?..

На площадке было ветрено и сыро. Олег поставил сумку на пол, растегнул молнию и достал видеокамеру. Стас все так же молча стоял рядом с ним, изредка посматривая на Сашу.

Она прижалась носом и щекой к прохладному бетону, пытаясь своим дыханием отогреть холод стен. Вспомнился их последний разговор со Стасом, своё единственное желание, неумело выраженное словами. Как заполнив форму, Стас поднял на неё глаза, в которых промелькнуло таки недоумение.

– Вы это серьёзно, Саша?

Она, прикусив нижнюю губу, кивнула, не в силах больше произнести ни одного слова.

– Хорошо... – он опустил глаза, задумавшись, – хорошо... – повторил зачем-то и замолчал.

Тогда ей показалось, что даже он не совсем понял что значило для неё это здание, единственное существо, с которым она делилась всем,

что имела, на протяжении долгих месяцев и как важно было для неё, чтобы оно было достроено...

Сзади послышались шаги.

– Саша?.. – голос Стаса был мягкий и немного испуганный.

– Да?.. – она не оборачивалась, боясь, что Стас прочтёт в ее глазах рвавшуюся из неё надежду.

Стас замолчал. Слышалось лишь его напряженное дыхание. Она чувствовала, что он хочет спросить ее о чем-то, но не решается.

– Вы... вы можете не торопиться, – он смутился, словно произнёс совершенно не то, что хотел сказать.

Шаги удалились. Она вдруг физически ощутила своё одиночество. Внутри все подобралось и сразу же ослабло. Она обернулась, ища хоть какой-то поддержки. Метрах в четырёх на треноге стояла камера, смотревшая на неё черным равнодушным глазом. Чуть дальше, в тени, она различила два неподвижных, слившихся со стенами силуэта.

Она сделала было шаг им навстречу, но сразу остановилась. Глупо и стыдно было бежать от себя же после месяцев ожидания и двух с лишним недель работы с ней столько людей. Хотя компанию для неё всегда олицетворял именно Стас, и стыдно было, прежде всего, перед ним. Все то, что она успела узнать о нем, не вязалось у неё в голове с его странной работой. Неужели он и вправду желал ее смерти в угоду своей работе и совсем уже утопичному движению общественного прогресса? А, впрочем, почему нет? В конце концов, не он пришёл к ней, а она к нему. И именно Стас сделал все от него зависящее... Или почти все... Да и в чем был критерий плохой или хорошей работы? Каждый занимался тем, что умел делать. А то, что Стас делал свою работу хорошо, она не сомневалась.

К тому же что она вообще знала о людях, кроме того, что заимствовала из прочитанных книг? Встречала ли она хоть одного реального человека в своей жизни, сумела ли хоть раз добраться до глубины чьей-нибудь души, тайных мыслей, побуждений, желаний? Она всегда считала себя уникальной, не похожей на других. Сделала ли она хоть что-то реальное, чтобы действительно ощущать себя такой?

Получалось, что вся ее осознанная жизнь была всего лишь блефом, нелепой и обманчивой позой, которой она прикрывалась от своих ежедневных страхов и обид...

Она повернулась и пошла к краю площадки. Начал накрапывать мелкий дождь. Стараясь не смотреть вниз, она вытянула руку и зачарованно глядела, как капли воды разбивались о ее ладонь и стекали в рукав куртки. И этого она тоже никогда больше не увидит. Как не

увидит больше ночного города, пустых темных аллей, привычных и, одновременно, надоевших уже лиц вокруг, никогда не сможет с выпрыгивающим из груди от радости сердцем идти домой, как шла в первый вечер после встречи со Стасом...

Она почувствовала, как по щекам текут слезы. Попыталась было успокоить себя, отыскать серьёзные, веские причины для своего поступка, но не смогла найти не одной...

И вдруг, неожиданно для себя самой, медленно сползла по стене на пол и, обхватив руками колени, горько и безудержно, как маленький ребёнок, зарыдала, не обращая уже никакого внимания ни на камеру, ни на Стаса с Олегом, застывших у противоположной стены...

...Через полчаса она подняла заплаканное, опухшее лицо и посмотрела по сторонам. Ни Стаса, ни Олега не было, пропала видеокamera, лишь ветер и усилившийся дождь напоминали, зачем она пришла сюда. У лестницы она увидела несколько листов белой бумаги, на которых лежала видеокассета.

Она поднялась и, вздрагивая от прошедших уже рыданий и холода бетонного пола, подошла к лестнице. Взяла в руку кассету и в недоумении рассмотрела ее со всех сторон. На поверхности не было ни надписей, ни пометок. Она развернула первый лист бумаги. Это был экземпляр ее контракта, оставшийся у Стаса. Все было правильно заполнено, везде стояли ее собственные подписи и подписи Стаса. Она быстро просмотрела оставшиеся листы. Все документы были на месте. Она свернула последний лист и вдруг, поняв все, уже не сдерживаясь, заплакала во второй раз, пыльным рукавом размазывая по лицу бесильные слезы...

...Он привычно постучал и открыл дверь.

- А-а, Стас, заходи... - человек, сидящий в кресле, был третий день небрит, из-под всколоченных волос на Стаса смотрели красные от недосыпания глаза. На столе перед ним стояли несколько пустых кофейных чашек и наполовину выпитая бутылка коньяка. - Ну, как твоя девушка?

Стас устало опустился в кресло:

- Все, Лёш... Я думаю, мы закончили.

- Не надумал с ней увидеться? - Алексей попытался было улыбнуться, но улыбка вышла кривой и жалкой. Сил едва хватило, чтобы растянуть из вежливости губы.

- Вряд ли она захочет меня видеть... Теперь я постоянно буду напоминать ей о собственной слабости.

- Да?.. А, впрочем, может быть...

– Знаешь, сколько здесь ни работаю, до сих пор не могу избавиться от ощущения, что мы обманываем людей. – Стас нервно поёжился и отвернулся к окну.

– Брось, в любом случае это лучше, чем собирать трупы. – Алексей остановившимся взглядом смотрел на полупустую бутылку.

– Да, нет, ты не понял... Дело не в этом. Человек хотел совершить поступок, а мы подбираем его, как помойного кота, кастрируем и опять выбрасываем на улицу...

Они оба вздохнули.

– Не знаю... Может, ты и прав...

На столе зазвонил телефон. Алексей поднял трубку и нажал кнопку громкоговорителя. Раздался голос Олега:

– Алексей Николаевич, Станислав Петрович у вас?

– Да, он сейчас слушает.

– Станислав Петрович, спуститесь, пожалуйста, вниз. К вам пришли...

Февраль 2001 года

АННА

– Извините, – она удивлённо повернула лицо и посмотрела ему прямо в глаза, – можно к вам под крыло? – на мгновение ему показалось, что сейчас он услышит что-то резкое, но она лишь утвердительно кивнула, задержав взгляд на каплях дождя стекающих по его лицу, поднятом воротнике сырого уже пиджака, сгорбленных от холода плечах и весёлом блеске где-то в глубине глаз.

– Залазьте... – она символично подвинулась, уступая место под зонтом.

Он протянул руку:

– Давайте я понесу...

Она покорно отдала ему зонт, улыбнулась чему-то и покачала головой.

– Вам в какую сторону?

– А вам?

Он весело улыбнулся.

– Пока не знаю...

– А когда узнаете?

- Когда скажете, в какую сторону вы едете.
- С чего вы взяли, что я вам скажу?
- Ну не скажете... Бог с вами... Значит покажете...
- Это еще почему?
- Ну не бросите же вы меня под дождём... без зонта.
- Ну хорошо... А как будете возвращаться?
- Возьму у вас зонт, а завтра завезу.
- Это что, шутка?
- Какая же шутка? Вполне нормальное желание – не промокнуть до нитки. Не думаете же вы, что я его у вас банально украду?

- Откуда же я знаю? Мы ведь даже не знакомы, – она вдруг улыбнулась и в глазах ее, как в лужах после дождя заиграли огни фонарей.

Он посмотрел на ее влажные губы, ямочки на щеках и на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл, спокойным и очень серьезным голосом произнёс, глядя на ее губы:

- Зря вы улыбнулись.

- Почему? – она неожиданно нахмурилась, не в силах угнаться за перепадом его настроения.

- Теперь я вас точно не брошу...

- А если меня встречает муж?

- Да не врите, никто вас не встречает...

- Вот те на! С чего это вы взяли?

- Не знаю... Только никто вас не встречает.

Она опять загадочно улыбнулась и посмотрела на пустую мокрую дорогу, уходящую вниз к реке и огни противоположного берега, размытые серой пеленой дождя. Лужи еще мелко дрожали от падающих капель, но все сильнее пахло сырой землёй и опавшими, гниющими уже листьями.

Он посмотрел на ее точёный профиль, несколько широкие скулы, коротко стриженные волосы, покрашенные в белый цвет, в каком-то ухоженном беспорядке.

- Не страшно?

- Чего?

- Ночью... Одна... Без мужа... Уже почти двенадцать.

- Нет, не страшно.

- Меня зовут Игорь.

Она опять улыбнулась:

- У вас так всегда?

- Что именно?

– Без перехода... От одного к другому.

– Не знаю... Не обращал внимания... Наверно постоянно.

– Ну, тогда меня зовут Анна.

– И куда же вы идёте ночью, Анна? К тому же совсем одна? – Она подняла на него глаза и улыбнулась, и опять он почувствовал то же, что и пару минут назад – что влюбился и уже боится потерять то, чего еще не приобрёл. – Если не секрет, конечно. – Добавил торопливо, опасаясь получить насмешливый ответ.

– С работы

– В двенадцать ночи?!

– Да... в двенадцать ночи.

– Не хочется о работе?

– Не хочется, – она опять улыбнулась.

– Господи, и что у вас за улыбка?

– И что у меня за улыбка?

– Не знаю даже как объяснить, – он запнулся, не в силах оторваться от бликов

фонарного света в ее глазах.

Она милостиво согласилась:

– Ну раз не знаете, то не объясняйте, – улыбка уже не сходила с ее губ.

Они приблизились к очередному фонарю. Теперь блики заиграли на ее губах. Он замер на мгновение, борясь с желанием без предисловий и долгих окольных фраз, здесь же обнять ее и зарыться лицом в невообразимый беспорядок на ее голове. Затем прикусил изнутри губу и осторожно, унимая искушение, засмеялся, предчувствуя, что она не поймёт. Или испугается. Да и сам он не решится. По крайней мере, прямо сейчас.

– Не буду...

Она чуть прищурила глаза, читая на его лице отголоски одолевающих его чувств.

– И откуда же вы идёте так поздно? – подстраиваясь под его тон. – Игорь, – добавила насмешливо-многозначительно и улыбнулась опять.

– Черт его знает... Шатаюсь без толку...

– Ночью?

– Ночью...

– Совсем без толку?

Он пожал плечами:

– Совсем.

Они уже стояли на пустой остановке. Редкие машины проносились

мимо, разбрызгивая осколки света. Дождь почти утих, и стало ощущать тихо.

– Простудиться не боитесь? – она вдруг протянула руку и медленно провела пальцами по его мокрым волосам.

– Нет, не боюсь.

– И успешно? – она опустила глаза, растирая между пальцев капли воды.

– Что именно?

– Шатания без толку...

– Сегодня – да.

– Это не в связи со мной?

– Да...

– Смотрите, компания из меня жалкая...

– Меня устраивает... Да, и черт с ними, с компаниями. Может я от них и прячусь в городе по ночам.

– И часто прячетесь?

– Часто.

– И под дождём тоже?

– И под дождём...

– А почему без зонта? – она помедлила секунду и с усмешкой добавила, – Чтобы был повод под крыло попроситься?

– Нет, это случайно...

– Что именно? Без зонта? Или под крыло? – она хитро прищурилась, наблюдая за его замешательством.

– И то, и другое...

– Понятно... – она подняла глаза на пустую дорогу.

– Так куда вам, Анна?

Она назвала остановку.

– Ого!.. И как вы собирались добираться?

– На такси.

– Значит хорошо, что я встретился.

– Почему?

– Потому что я вас и отвезу...

– Давайте лучше выпьем кофе, а доеду я сама.

– Выпьем и кофе и доедем вместе.

– Ну вот, а потом я буду беспокоиться, как вы добрались.

– Вот уж за меня беспокоиться не надо. Со мной ничего не случится...

– Уверены?

– Да.

– Ну, хорошо, тогда идём пить кофе.

– Слушайте, Аня, давайте на «ты», хорошо?

– Хорошо...

– Так чем вы все-таки занимаетесь? В смысле – ты... – он таки смутился оттого, что начал первым.

– Работаю...

– И кем?

Она хотела было ответить, но лишь вздохнула и улыбнулась. Глаза ее опять засияли в свете фонарей. Чувствуя, что опять тонет в ее глазах, уже боясь долгих секунд молчания, он спросил первое, что пришло в голову:

– Все еще не хочется о работе?

– Все еще не хочется...

– И часто так работаете? – он посмотрел на часы.

– Сегодня пришлось задержаться...

– И успешно?

– Успешно... – она усмехнулась, отвернулась в сторону и потянулась в карман лёгкого пальто за сигаретами.

– Куришь?

– Курю... Иногда.

Пока она доставала из пачки сигарету, ковырялась в сумке в поисках зажигалки, он молча пожирал ее глазами, чувствуя, что уже переигрывает со своим неумелым восхищением. Точнее, попыткой показать его намеренно наглядно.

Она глубоко затынулась и, не поднимая головы, тихо произнесла:

– Уже сентябрь...

– Да, – эхом отозвался он, – уже сентябрь.

Она подняла на него глаза, поёжилась от сырости, еще раз затынулась и задумчиво посмотрела на сигарету. Он протянул руку, мягко забрал у неё сигарету и бросил ее в искрящийся поток воды, несущийся по краю дороги.

– Холодно?

– Да, прохладно...

– Держи, – он протянул ей зонт, нырнул под него и обнял ее сзади.

– Сожми кулаки...

Она покорно сделала, как он просил, не поворачивая головы, лишь спина чуть напряглась в неуверенном ожидании.

– Не бойся... – он обхватил ее кулаки своими ладонями, согревая ее руки, прижался губами к ее затылку и нежно выдохнул горячий воздух.

– Так теплее?

– Да... – он скорее почувствовал ее улыбку и осторожно поцеловал ее волосы.

– Извини...

Она мягко освободила свои руки и передала ему зонт. Потом взяла его левую руку в свои ладони, поднесла к лицу и, словно боясь нарушить зыбкое спокойствие, молча поцеловала ее.

Неожиданно зазвонил телефон. Он механически сунул руку в карман.

– Это у меня... – она потянулась к сумочке, расстегнула молнию и вытащила телефонную трубку.

– Да?... Привет... – лицо ее как-то сразу осунулось, – Все в порядке... Нет... Не могу... – она пристально посмотрела на него, – Нет, я уже около дома... Нет, не хочу... Сегодня нет... Хорошо... Ладно... Нет, не смогу... Звони... Пока... – она сложила трубку и отвернулась от него.

– Я покурю, хорошо?

– Хорошо...

Она положила телефон в сумку, вытащила пачку сигарет, но после секундного раздумья положила ее обратно.

– Дождь закончился... – она подняла лицо к фонарям.

– Замёрзла?

– Да... чуть-чуть.

– Иди сюда... под крыло, – он улыбнулся ей, и она осторожно придвинулась к нему. Он мягко обнял ее и выдохнул горячий воздух ей в затылок. Она поёжилась, как от щекотки и он всем телом снова почувствовал ее робкую улыбку...

...Он вернулся мыслью во вчерашний день. Вспомнил ее глаза в отсветах фонарей и от неожиданности радостно улыбнулся – на некоторое время совсем забыл о ней – самом объёмном воспоминании последних часов, опять заиклившись на самом себе. «Анна, – мысленно растянул слово и улыбнулся. – Надо же... Анна...»

Он закрыл глаза и укрылся с головой одеялом. Чтобы отгородиться ото всего мира, пусть даже такой ненадёжной стеной. В знакомой себе вселенной... знакомой от края до края...

На следующее свидание он так и не пошёл, боясь привыкнуть к ней... к той, которую все равно пришлось бы потерять рано или поздно...

Он улыбнулся про себя... мечту захотелось оставить в памяти мечтой, не окуная ее в реальность... хотя, удержаться от звонка и встречи с ней стоило невероятных усилий воли и душевных терзаний...

...Больше он ее не видел... Разве что единственный раз в городе, спустя почти целый год. Да и то издалека...

Март 2013г.

МОСКВА – БЛАГОВЕЩЕНСК

В начале десятого я таки не выдержал и написал ей... Просто вырвалось. Хотя что уж там. Говоря откровенно, сообщение было не более глупым, чем большинство моих поступков: «Ну, и спокойной ночи. И даже совсем не соскучился по тебе. Ну, ни капли не соскучился». Сообщение ушло. Я положил телефон на тумбочку возле кровати и бездумно стал переключать каналы телевизора, ожидая ответа.

В течение часа сообщения от неё так и не пришло. И вполне логично, что не пришло. Тогда ведь я еще не знал ее характера. Я оделся, спустился в кафе гостиницы, оставив телефон в номере, и просидел там вплоть до закрытия, пока от кофе и пирожных уже не начало подташнивать.

Глупо, скажете? Глупо, согласен. Но просто ничего не мог с собой поделаться. Не я первый и, думаю, не я последний. Такой вот идиот. Даже в ее жизни. Я провалялся на кровати еще часа полтора, посмотрел очередной фильм, периодически поглядывая на молчащий телефон. Один раз даже проверил, работает ли он – настолько невыносимой была тишина.

А потом как-то вдруг неожиданно для самого себя подумал, что завтра она обязательно приедет. Точнее, может приехать. Если почувствует или прочтает между строк то, на что я надеялся, когда отсылал смс. Хотя сейчас, хоть убей, – не помню, на что же конкретно я надеялся. Просто кто-то постучит рано утром в номер, когда я буду еще спать, а я со сна успею только завернуться в полотенце (ну, да, сплю голым – а что здесь такого, в конце-то концов?), в полудрёме даже не вспомнив в первые секунды, о чем думал вечером накануне. И за дверью будет стоять она. Радостно и одновременно смущённо улыбаясь.

Отчего-то захотелось дать себе слово, что если это произойдёт, то я никогда больше не расстанусь с ней, но, как всегда, испугался слишком однозначного обещания – сколько их было дано и не выполнено и сколько мёртвым грузом висело на моей совести?

Я оторвал голову от подушки. Сквозь неплотно задёрнутые занавески

вески пробивался луч солнца. В гостиничном номере за исключением тихого гула холодильника стояла тишина. Я замер в ожидании. Секунда, две, три... Тишина. Я медленно прикрыл веки и осторожно начал склонять голову на подушку. И тут словно что-то оборвалось внутри – будто ударом по нервам или в солнечное сплетение раздался стук в дверь...

P.S. Думаете что-то произошло? Да, черта с два. Ни стука в дверь, ни ее приезда... Ни солнечного утра следующего дня... Да, и само завтра еще не наступило. И неизвестно, насколько солнечным будет оно, это завтра. И концовку эту я пишу ночью, в ожидании рассвета. И только завтра сяду за начало. И даже самому мне еще неизвестно, насколько верно здесь слово «концовка», потому что я до сих пор не уверен, в какой части рассказа помещу ее. Хотя какая разница? В конце концов я всегда смогу изменить и эту концовку, и этот постскрипtum, если что-то все же произойдет завтра утром... Хотя почему завтра? Уже сегодня утром. Ведь поезд ее приходит часов в семь, и я ни за что не побьюсь об заклад, что она не спит сейчас где-нибудь в пятом, например, вагоне на верхней полке.

...А ведь сначала она мне даже не понравилась. Хотя не то, чтобы не понравилась. Скорее, поначалу я просто не обратил на неё внимания.

Глупая, наверно, привычка рассматривать симпатичных девушек.

Но, как говорил один мой знакомый, я умру как мужчина, когда перестану смотреть на женщин. Просто дань эстетическому чувству – всегда приятно сознавать, что в салоне есть красивые лица, а не только однородная серо-бурая масса несвежих мужиков.

Не помню точно, но, наверняка, я отметил, что девушек на рейсе не так уж и много, когда она, увешенная сумками, протиснулась в автобус, довозящий пассажиров до самолёта.

Я дождался, пока все не поднялись по трапу, и двинулся последним. Еще одна глупая привычка – идти последним. Знаю же, что наших пассажиров не исправить – все своё добро те привыкли возить ручной кладью и отыскать свободное место для собственной сумки будет невозможно, но немая битва за первые места у трапа, однозначно, не моя стихия. Естественно, ни над, ни даже под креслами свободного места уже не было, и я пошёл в хвост самолёта.

Там было два ряда свободных кресел. И вдруг заметил ее в соседнем ряду. Так случайно мы оказались почти рядом, разделённые узким проходом. Не помню, кто начал разговор первым, но сомневаюсь, что это был я. Каюсь, моя беда – могу влюбиться в человека за считанные

минуты, поэтому и страхуюсь таким ненадёжным способом – избегаю общения. Так что будем считать, первой заговорила именно она.

О чем можно говорить с незнакомым человеком? Но все же начало было положено. Постепенно мы нащупали общие темы – она рассказала о Сейшелах, где была недавно, о куче денег, потраченных на двухнедельный отпуск. И хотя она с удовольствием вспоминала и расписывала подробности, где-то в оттенках ее интонаций, я уловил разочарование поездкой. Естественно, прошлись вкратце и по работе – и ее, и моей. Потом принесли напитки, обед, вот здесь-то мы и начали переглядываться и улыбаться друг другу, что-то все еще рассказывая с набитыми ртами. И обсуждать поток несвежих мужиков с озабоченным видом выстраивающихся в очередь в туалет, чтобы незаметно покурить.

Как-то незаметно мы перешли на «ты»... Сначала она сделала пару пробных попыток, весело о чем-то рассказывая, наклоняясь ко мне через проход и касаясь моего плеча. Вот так незаметно она и вползла в моё личное пространство, а вместе с тем и ко мне в душу. Ведь понимаю, что ничего особенного в ней не было, по крайней мере, в ее внешности, а поди ж ты – как мало мне, оказывается, нужно, чтобы влюбиться: полчаса общения, улыбок и заинтересованных вопросов.

Часов после трёх безостановочного общения, она попросила стюардессу принести плед, улеглась на трёх сиденьях сразу, поджав ноги, и еще долго полусонно, из-под прищуренных век, улыбалась мне и постепенно уснула.

Ну что это за фраза – «постепенно уснула»? А где сбившийся в ногах плед, где я, аккуратно приподнявший ей ноги и расправивший его? Где ее хитрющая и, одновременно, благодарная улыбка? Это-то куда все пропало?! А то, как она ворочалась, устраиваясь поудобнее, стараясь не выпускать меня из вида? Как я сам по-идиотски, глупо улыбался ей всякий раз, когда поворачивался к ней? Где не иссякающий «туалетный» поток, постоянно задевающий ее ноги? Это-то куда все пропало?

Впрочем, поток к тому времени действительно под сократился, да и ноги, ей, по-моему, никто не задевал. Я еще долго читал газету и книгу, взятые с собой, периодически поглядывая на то, как мирно она спала рядом, пока не почувствовал, что и мне самому необходимо поспать хотя бы немного.

Почему-то мне кажется, что сквозь сон я открывал глаза, а она, разбуженная тем же, чем и я, но мгновением раньше, с интересом наблюдала за мной.

Меня разбудил яркий свет и общая атмосфера просыпающегося самолёта. Стюардессы суетились в противоположном конце прохода, разнося завтраки. Я сонно еще повернулся к Ольге. Она все так же мирно спала, поджав колени. Кстати, совсем забыл написать – звали ее Ольга. Но к тому времени, я этого еще, по-моему, не знал. Хоть убей, не помню, когда же мы представились друг другу – до этого или после.

Я протянул руку, осторожно положил ладонь ей на лодыжку и мягко погладил ее ступню. Только сейчас вспомнил, о чем мы, шутя, договорились – я разбуду ее именно таким способом перед самым завтраком – погладив лодыжку и ступню ее ноги. Ступня, кстати, предусмотрено была обута в голубой шерстяной носок...

Ну, кому, спрашивается, интересно, что было на ее ногах?! Да и к чему, казалось бы, такие подробности?! И почему погладил именно ногу?

Да и о чем вообще вся эта история, в конце концов? С размытым и смещённым началом, промежуточным то ли концом, то ли эпилогом, то ли эпитафией на первых строках. С весьма условной канвой повествования и, наверняка, без сколько-нибудь логичного окончания.

Впрочем, окончание-то как раз будет зависеть от моего настроения. Жаль, конечно, если настроение будет неважным и все оборвётся на полуслове... Но всегда есть возможность отредактировать что угодно, если не в жизни, то хотя бы на бумаге. «Помахать немного кулаками после драки». Впрочем, я опять ухожу в сторону.

Так вот, она приоткрыла глаза, сонно щурясь от яркого света, посмотрела на меня и улыбнулась, не отпихивая мою ладонь со своей ступни. Хотя здесь я, пожалуй, немного приврал – руку я убрал сам, как только она приоткрыла глаза...

На самом деле и не мудрено приврать – с того времени прошло уже три недели, и сейчас я сижу дома, в Москве и чувствую, что опять соскучился и надо бы собраться с силами и духом и то ли написать ей, то ли позвонить.

Опять все свалил в кучу и который раз ушёл в сторону. Все как в жизни – сумбурно и нелогично... Ладно, пока буду решать, что же мне лучше сделать сегодня вечером – написать ей сообщение или позвонить – пожалуй, вернусь на время в самолёт и продолжу.

Она улыбнулась, пожелала доброго утра и еще раз улыбнулась.

(Совсем забыл написать об одной ее особенности – хотя, наверняка, пропустил еще массу деталей, но сейчас пока только об этом: звук «р» она произносила мягко раскатисто, как-то по-детски, что ли, так, что слушая ее, я испытывал какой-то необъяснимый приступ нежности).

Ну вот, не успел закрыть одни скобки, приходится открывать другие. Да, действительно, что ни говори, а все, как в жизни... (Вот и сейчас – поговорил с ней по телефону, и словно остался какой-то осадок. Все-таки никогда не стоит показывать женщинам, насколько они нравятся – либо сядут на шею, либо потеряют интерес).

Да, кстати, за то время, что знаком с ней, уже раз пятнадцать пытался удалить ее номер из памяти своего мобильного, чтобы даже если сильно захочется, не было возможности первым набрать его. Но так и не удалил. Может, просто искал повода дописать рассказ? Впрочем, ладно, бог с ним, с телефоном, вернёмся еще раз в самолёт.

Так вот, мы поговорили о работе. Я о своей – вкратце, она – лишь невнятно упомянула. Невольно я обратил внимание на ее дорогую одежду и рассказы о дальних поездках и не скрою, мне стали приходить нехорошие, черт бы их побрал, мысли о ее сомнительных заработках.

Она уже несколько лет жила в Москве и сейчас летела в Благовещенск в гости к родителям. В первый, похоже, раз за последние года три-четыре. Она опять принялась рассказывать о чем-то забавном, все так же время от времени касаясь моего плеча (нет, чувствую, что сейчас загнул с плечом, на этот раз – это уже перебор).

Неожиданно все внутренности самолёта окрасились призрачным ярко-оранжевым светом восходящего солнца. Мы схватили фотоаппараты и прилипли к иллюминаторам. Как тут описать эмоции при виде такой красоты? Проще, думаю, пропустить лишнее описание, чтобы, не дай бог, не сфальшивить.

Постепенно самолёт пошёл на посадку, и я начал жалеть, что всякое длинное путешествие когда-то заканчивается. Разговор был все тем же – на мои нейтральные вопросы она давала развёрнутые ответы о тех местах, где мы пролетали, о Благовещенске и какие-то уклончивые сведения о себе и о своём прошлом...

Самолёт благополучно приземлился. Я помог Ольге донести ее сумки, дождался с ней выдачи багажа. Ее встречал какой-то шалочный знакомый, так что мы благополучно добрались до города, точнее, до городского железнодорожного вокзала на его машине. (Ну, вот, наконец, мы и подошли к новой стадии наших отношений, если можно всего пару встреч назвать отношениями.)

У здания вокзала мы выгрузились, но оказалось, что ехать Ольге надо было еще дальше – на самый край Амурской области, да и сам поезд отправлялся только ближе к вечеру, часов через восемь. Так вот мы и стояли, растерянно друг на друга.

Только на вокзале я понял, что значила ее одинокая фраза безо всякого контекста: «Я свободна сегодня до пяти часов...»

(Что там пишут в таких случаях? «Я вдохнул полные легкие и выпалил...»)

Я вдохнул полные легкие воздуха и поднял все сумки:

– Поехали...

– Куда?

– Как куда? В гостиницу, конечно.

– Зачем?

– Ну, не будем же мы здесь восемь часов дожидаться поезда, когда у меня забронирован двухместный номер в отеле?

Она на мгновение задумалась. (Иногда мне кажется, что женщины вообще не думают – они просто оценивают свои и чужие шансы. Так вот и сейчас... она на мгновение задумалась, глядя на меня снизу вверх...)

Да, она согласилась не сразу. Несколько раз мне пришлось прямо и, в то же время, витиевато объяснять, что ничего плохого я не имел в виду и между строк в моем предложении нет никаких дополнительных смыслов. Что в гостинице она сможет принять душ и выспаться.

В гостинице тактично не удивились, что я приехал не один, но заказал на все время проживания завтраки на одного. И вот мы остались наедине в номере.

«Ну, – спросите вы, – ну?!» Что «ну»? – отвечаю я. А чего вы ждёте? Эротических сцен? Не было их. И даже не планировалось. Ну, или почти не было. Да и что считать интимной близостью? Где ее границы? Как говорит Андрей Бейрут: «С чего начинается куча?» Впрочем, я опять удаляюсь от темы...

Первая сцена – не успев войти, я оторвал ее от пола и... (как ни странно, но даже здесь нет ни малейшего желания приврать и нагородить бог знает чего) и закружил по комнате, а она, сначала не поняв и, наверняка, испугавшись в первое мгновение, также обняла меня.

(Черт, вот здесь уже точно не помню и начинаю городить отсебятину... Ведь помню, что обнял ее, подойдя сзади, как она подалась и прижалась ко мне, а я уткнулся в ее волосы, улыбаясь как идиот... Как оторвал ее от пола и закружил по комнате, а потом... нет, наверняка, просто опустил и... черт, не помню... ну, да ладно, оставим это...).

Сцена номер два... Я стучу в дверь ванной и узнаю, можно ли войти... Она спрашивает, не буду ли я заглядывать за душевую занавеску... Нет, отвечаю, буду просто сидеть и разговаривать с ней. Точно? – спрашивает. Точно, отвечаю, честное слово...

Так и сидел на принесённом в ванную кресле и разговаривал с ней. Даже не помню о чем. Не верите? А зря... Было-то все именно так. И рад бы приврать, но так, по-моему, даже интереснее...

А вы что – полезете в душ к девушке, если дали честное слово? Если и сама она нравиться лишь настолько, что, кроме приступов нежности, и не испытываешь ничего?

Хотя, кто-то, может, и полез бы. Может, и не снимая одежды. А я остался. Мне было и так неплохо. Написать бы сейчас, что сидел, глядя на ее размытый силуэт за занавеской, и... ну, и что-нибудь еще в том же духе... абстрактно-романтическое, но занавеска была непрозрачной, так что слушал я только шум воды и ее голос и улыбался ее забавному «р».

Наконец, она сказала, что собирается выходить и попросила меня подать полотенце. Вот, оно, понеслось, скажете... Ничего подобного опять – попросила она меня после того, как сама не смогла дотянуться до вешалки и чуть было не вывалилась из ванны... Вот тогда я и предложил помочь...

Нет, и с этой сценой пора завязывать... Ни черта там больше не было интересного, не считая, конечно, моего почти тотального привыкания к ней. Ведь сколько раз давал себе слово не влюбляться и постоянно... да нет, не то, чтобы постоянно, и не то, чтобы нарушал, скорее, обещание моё начисто стиралось из памяти в такие моменты... Романтик, черт меня... Впрочем, это я уже писал...

Итак, сцена номер три... Хотя бог с ними, со сценами... Чуть ли не с самого приезда в гостиницу я просил ее остаться еще на один день и уехать домой на завтра, вечерним поездом...

Что может подумать девушка о таких просьбах? Вот и я о том же. Сам знаю, да и тогда знал, но... просто не мог остановиться... Ужасно боялся потерять ее, до какой-то паники и истерики в душе. В очередной раз придумал себе человека и влюбился в него...

До поезда еще оставалось несколько часов, и я предложил ей немного отдохнуть, потом сходить пообедать в ресторан, в душе надеясь, что она все же переменит своё мнение и решит остаться. А на что мне было еще надеяться, скажите на милость? Так и надеялся, на что хватало воображения...

Вот теперь можно подробнее вспомнить сцену номер три.

Хоть убей, не помню, как это случилось, но отчего-то в памяти всплывает только запах ее волос. И романтика тут ни при чем... Просто за полчаса до того она помыла голову шампунем... Оттого, я думаю, волосы и пахли... так хорошо пахли... Только дело было, конечно, не

в этом, а в том, что лежали мы вместе (Что в таких случаях пишут? «Сплетясь телами?») Или это я сам так пишу? Впрочем, я опять уклоняюсь от темы). Ее голова лежала на моем плече и волосы пахли... Хотя кто его упомнит, чем они там пахли? Не могу вспомнить, что связывало между собой основные сцены, а пытаюсь вспомнить детали... Так вот... волосы пахли... Впрочем, об этом я уже написал...

Я лежал, обняв ее сзади, ее голова на моем плече, одной рукой она обхватила моё плечо, осторожно касаясь и поглаживая мою руку. (Как и что тут написать, когда уже любимая теперь девушка лежит рядом, доверчиво обнимая тебя, а у тебя не хватает даже слов и остаётся только тихо улыбаться и дышать как можно ровнее, потому что иначе легкие и сердце, кажется, просто разорвутся от радости и нежности...)

Так и лежали. И, наверняка, не меньше часа... Естественно, чуть позже, выдержав необходимую паузу, я развернул ее лицом к себе и осторожно, касаясь губами ее губ, лица, шеи, лишь губами показывал, что я уже чувствую к ней...

Волосы ее чем-то там пахли, мои ноги нежно обнимали ее бедра (или ее обнимали мои?), резинка ее трусиков плавно огибала талию, в одном лишь месте – между берцовой костью и пупком – не прилегая плотно к животу, образуя впадину, которую я нежно, боясь нарушить хрупкое равновесие, поглаживал кончиками пальцев.

Потом... потом после долгих сборов, попыток подняться и оторваться друг от друга (хотя, говоря откровенно, больше, конечно, из-за моего нежелания отрываться от неё), мы все же пошли искать ближайший ресторан. Нам хотелось в китайский. (Китайские рестораны... Заметили, сколько их воспето в мировой литературе? Сколько ностальгии, любви и тепла? «Полтора миллиарда китайцев не могут ошибаться». Чего я только не читал о них... Одно лишь упоминание о подобном месте настраивает на романтический лад. Так что рискую быть первым, кому китайская кухня не нравится совершенно. А может, просто полтора миллиарда китайцев не видели другой пищи? Где им, беднягам, попробовать настоящего борща, например? Так и живут, несчастные, наивно полагая, что количество обеспечивает качество... Впрочем, я, в который уже раз, удалился от темы.)

Пообедав, мы снова вышли на солнечную, морозную улицу. Я просил ее остаться до завтра, она тактично улыбалась... Естественно, ее ждали родственники, и, наверное, я требовал слишком многого. Но не невозможного же?! В конце концов, я предложил ей подкинуть монету. Решка – она уезжает сегодня, орёл – остаётся до завтра. (Я чувство-

вал, как сильно ей самой хотелось остаться, но не мог ни найти, ни даже нащупать решающего аргумента...)

Выпал орёл... Она засмеялась и запротестовала, сказала, что так нечестно. Нет бы и мне засмеяться, а я напрягся и погрузился, сказал, что нечестно переигрывать сыгранную партию. Мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. Я не выдержал первым... Хорошо, сказал, пусть будет так, как она просит, но это будет окончательный вариант. Да, сказала она, это будет окончательный вариант. Я подкинул монету еще раз. Естественно, высоко, и не стал ловить ее. Монета долго крутилась в воздухе (конечно, все не было так акцентированно-замедленно, как в голливудских фильмах, – монета просто упала на заснеженный, утоптаный тротуар)... и упала орлом вверх...

(Думаете, многозначие здесь для многозначительности? Кульминации? Обозначения переломности момента? Да ничего подобного – она присела перед монетой, посмотрела на то, что выпало, и опять сказала, что так нечестно... мать ее...)

Я подкинул монету еще раз. На этот раз выпала решка. Хотя теперь мне было уже все равно. Поезд уходил в пять, сейчас было около двух, и я ждал ее решения. Точнее, ждал того, насколько она сдержит своё слово.

Мы вернулись в гостиницу, не поднимаясь в номер, зашли в кофейню и сели друг напротив друга, не говоря ни слова... Подошла официантка, приняла заказ и через несколько минут принесла две чашки кофе... Кофе был отвратительным. Но мысли мои были заняты совсем другим – как удержать ее. (Может, здесь и стоило бы написать – «чем бы я только не пожертвовал, чтобы...», но жертвовать было нечем, более того – торговаться за своё счастье не собирался...) Но проблема стояла, точнее, сидела напротив и... (написать бы – «и в ус не дула», но уж как-то явно будет «не из той песни»... из которой, однако, слова не выкинешь)... и в ус не дула совершенно... По крайней мере, внешне именно так это и выглядело...

Я все время думал о том, что и как могу сделать, чтобы удержать ее. Все так же молча, мы пили этот отвратительный кофе и ели пирожные, натянуто улыбаясь друг другу из-за чашек, пока я, наконец, не выдержал и не... (думаете, напишу: «прямо спросил ее?..») Черта с два! Упертости и упрямства у меня самого хватит на двоих)... и не плюнул на ожидания. Будь, что будет...

Так и сидели, разговаривая обо всем подряд и ни о чем одновременно. Я достал фотоаппарат и начал фотографировать ее. Впрочем, она и не особенно сопротивлялась... Забегая вперед, – те полдюжины

фотографий и было единственным, что от неё осталось в моей жизни.

Отчего-то вспоминаю её постоянно, когда слушаю музыку «VaYa Con Dios»... Странно... Непостижимая смесь блюза и смены десятков настроений от песни к песне, вытягивающая из меня все жилы... Но больше всего тоски, ностальгии, тревоги и, главное, надежды в каждом оттенке голоса.

Самое поразительное, что музыку эту я открыл для себя после того, как видел Ольгу во второй и последний раз. Случайно услышал в музыкальном магазине. Даже и не знаю, какая ассоциация связала их обеих. Впрочем, не хочется и задумываться.

Ничего из ряда вон так и не произошло. Она уехала. Спокойно собралась, иногда поглядывая на моё грустное лицо. Созвонилась с еще одним шапочным знакомым по поводу встречи ее на обратном пути из дома. Я вызвал такси и отвёз ее на вокзал. Она купила билет, я занёс ее вещи в вагон, мы как-то скомкано попрощались, договорившись через пару недель встретиться в Москве.

А на следующее утро... Хотя, об этом я уже писал. На следующее утро так ничего и не произошло. В обед пришло сообщение от неё: «Мне действительно стоило остаться с тобой на день. Сейчас жалею, что не сделала этого. При встрече объясню, почему».

Вот, черт, – думаю, – опять все произошло через задницу... В который раз уже встречаю девушку своей мечты, и каждый раз все идёт наперекосяк. Забегая вперёд (или теперь уже – откатываясь назад), могу сказать, что ждали ее именно на следующий день, соответственно, и у неё самой изначально все пошло наперекосяк, со всеми последствиями – и втекающими, и вытекающими.

Теперь, пожалуй, остаётся переместиться на пару недель вперёд. Уже в Москву. За время пребывания в Благовещенске я написал ей еще пару сообщений, на которые она благополучно не ответила, сделал все необходимые дела в командировке и прилетел назад.

Итак, действие номер очередное. Я сижу на работе, чем-то недовольный и загруженный. И тут раздался звонок, и на мониторе телефона высветилось ее имя. Привет, – смущённо-радостный голос с той же самой «р», за которую хотелось отдать даже... впрочем, спокойно... без лишнего пафоса. (Так вот, с той же самой «р», за которую хотелось отдать... ну, может и не все, но тоже немало... при определенных обстоятельствах. Как там у Семена Альтова – «размеры моей благодарности не будут иметь границ... в разумных пределах...» Все, как и у меня сейчас... Кроме «пределов»... С «пределами» у меня всегда были нелады...)

Она прилетела только сегодня и ужасно устала. Господи, Боже, когда это-то меня останавливало?! Договорился, что приеду к ней домой вечером на полтора-два часа. Попить чай и просто поговорить (может же человек просто соскучиться, в конце-то концов?!). Естественно, потом уеду домой, чтобы у неё не возникало сомнений в чистоте моих намерений. И, естественно, к чаю привезу полный пакет фруктов и овощей. Какие только ни найду по дороге.

(А вот презервативы я не покупал. И даже не собирался. Зачем? Ехал-то я пить чай, - и это не фигура речи...)

По дороге в метро она пару раз звонила. Я благоразумно не отвечал. Что еще она могла сказать, кроме того, о чем мы уже договорились? Только на Шаболовской я перезвонил сам. Уже на выходе из метро. Оказалось, она звонила, чтобы отменить встречу, потому что уже легла спать и сил не было ни на что после суток пути. А завтра ждал институт (Наверное, второе образование. Не думаете же вы, что я бы стал бегать за восемнадцатилетней девицей?! Все-таки двадцать восемь - это уже серьёзно... Или ей было двадцать девять? Или двадцать семь? Не помню... Или даже так и не узнал ее возраста... Кстати, я вообще писал-то о ее возрасте? А то и впрямь мог нарисоваться образ молоденькой институтки с ветром в голове). Куча домашних дел, что-то еще (все же здесь - ради полноты картины - ей надо было составить список посерьёзнее, а то «институт, домашние дела»). Как-то больше смахивает на неумелое и непродуманное вранье спросонья, чем на планы следующего дня).

Естественно, меня не остановило и это (раз уж приехал), и, естественно, своим звонком я уже разбудил ее (впрочем, об этом я написал).

Одна остановка на трамвае, и я у дома номер пятьдесят один, набираю на домофоне ее квартиру. Она встретила меня на своём шестом (седьмом или восьмом) этаже, я оторвал ее от пола и... (в принципе, не стоит повторять себя же - все было почти, как две недели назад в Благовещенске...)

Девушка мечты была все той же девушкой мечты, разве что немного сонной, но основные атрибуты оставались теми же - и рост, и вес, и глаза, и тепло, и даже «р», за которую хотелось что-то там отдать без остатка... (Кстати, даже волосы пахли тем же шампунем... Хотя нет, опять, похоже, приврал - на мытье головы сил у неё уже не хватило).

Вот так мы и воссоединились. Две недели спустя после нашего первого непреднамеренного свидания. Воссоединились, чтобы утром расстаться. Впрочем, насчёт утра я поспешил - приехал-то я, чтобы

увидеть ее и попить чая. Хотя, одно другому, по-моему, не мешает...

Впрочем, что уж там, раз начал, приходится договаривать...Чая мы так и не попили («Сорвав друг с друга одежду, мы бросились в постель...») На самом деле – это все из дешёвых бульварных романов. Не думаете же вы, что все могло произойти так банально?)

Я помыл, почистил и порезал фрукты на кухне, налил ей сока и мелко поломал плитку шоколада и принёс все в гостиную (она же спальня, она же ее рабочий кабинет).

Ольга лежала на кровати, я сидел рядом, мы ели фрукты и смотрели телевизор с выключенным звуком, слушая CD проигрыватель (может, кстати, тогда и играла «Vaya Con Dios»? Хотя вряд ли – такое я бы, наверняка, запомнил), говоря о чем-то (хоть убей, уже и не вспомню о чем).

Через некоторое время я подумал и решил (естественно, спонтанно, и, естественно, вслух, как и все... ну, или почти все у меня), что останусь у неё на ночь. Так прямо и сказал, что домой поеду утром, чтобы переодеться перед работой, что никакого секса не будет, что просто давно мечтал заснуть с ней и проснуться. Проснуться и чтобы она была рядом...

Она из приличия посопротивлялась несколько минут, потом совершенно спокойно согласилась и начала стелить постель.

Секса, кстати, так и не было, если называть сексом банальное спаривание. Зато было намного большее (как объяснить здесь, что это не просто слова? Я целовал каждый сантиметр ее тела, кончиками пальцев касаясь каждого ее изгиба, всех мягких и жёстких впадин и выпуклостей под ее кожей, нереально бледной в слабых отголосках света уличных фонарей и горящих окон в соседних домах. А она подавалась и отзывалась на каждое моё прикосновение. Знаете, что такое полная гармония?.. Хотя здесь я, и вправду, перегнул с пафосом. И так... Знаете, что такое полная самоотдача... черт, опять не то... И хотя спать мы мешали друг другу, с трудом помещаясь на узкой кровати, до сих пор возникает ощущение нереальности всего произошедшего... Даже сейчас не уверен, было ли это на самом деле или я сам нафантазировал бог знает что. Но домой-то я уехал утром. Значит, все было. И огромные сугробы снега, навалившего за ночь, и давка в метро, и опоздание на работу... Значит, было.

Договорились вечером созвониться. Созвонились. И не один раз. И не один раз я пытался удалить номер ее телефона из памяти своего мобильного. И не раз удалял. А потом судорожно вспоминал одиннад-

цать цифр, каждый раз боясь, что она больше не позвонит (Думаете, вспоминал? Черта с два. Не мог вспомнить ни разу. Просто места себе не находил, ожидая звонка или сообщения от неё... Ну, может, все было и не так плохо, но ждал же, черт меня побери, ждал).

А потом... потом она так и не перезвонила...

И сегодня прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как я видел ее в последний раз. (Кстати, с названием рассказа придумала именно она. Точнее, согласилась, даже с таким банальным Я сказал ей, что пишу рассказ о ней. Ну, или почти о ней. И о себе...)

Что ж это за девушка мечты, скажете вы, которая, даже набирая мой номер, сразу отключалась, ожидая, что я перезвоню сам? Экономия средств, мать ее.

Вот я и сам думаю – какая она, к чертям собачьим, девушка мечты?.. А забыть все равно не могу...

Так что остался последний шанс – отнести ей готовый рассказ. Адрес-то я помню, в конце-то концов. А там и посмотрим... Ведь обещал же.

Февраль 2006-Май 2006 гг.

Ольга Завадовская

Только что из жизни ушла одна из лучших поэтесс нашей берлинской литературной эмиграции Ольга Завадовская. Она выросла в музыкальной семье. Её мама была профессиональной пианисткой, так что музыка с детства окружала Ольгу, и не случайно, конечно, она стала преподавателем музыки. Поэтому и музыка слов была ей введена, она очень органично выстраивала их звучание, мелодика многих её стихотворений интересна и совершенна. Познакомился я с Ольгой в 1992 году в Берлине, в литературной студии Русского дома, которой я руководил в то время. Когда Ольга впервые читала свои стихи, я сразу же понял, что передо мной сложившийся, интересный поэт. На протяжении десяти лет, пока я руководил студией, наблюдал, как росло её мастерство.

Писала Ольга и прозу, в разное время вышли две её книги «Девять лет за стеной. Очерки о Западном Берлине: 1981-1990.» и книга о своём учителе и друге композиторе Шварце – «Беседы с Исааком Шварцем». Была Ольга талантлива во всем – в стихах, в прозе, в дружбе.

Ниже мы публикуем несколько ее стихотворений.

Редактор «Студии» Александр Лайко

СТАНЦИЯ СИВЕРСКАЯ

Деревенские места.
Детство. Синяя безбрежность.
Серых досок глухота,
Рыжих досок безмятежность.

Дождь, качели, мокрый сад
фотографией бледнеют.
Все, как тридцать лет назад,
но безлюдней и больнее.

Снег идёт. И крыш углы
станут круглыми под вечер.
Молча сгорбятся стволы,
опуская веток плечи.

Снег идёт. Идут лета.
И все та же безответность –
рыжих досок простота,
серых досок беспросветность.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Без имени еще. Без видимых примет.
Движенье, звук, предчувствие, догадка.
Как будто шевельнулась платья складка,
И ожил вдруг проснувшийся портрет.

Дремоту отряхнув, пришла в себя сосна
И потянулась, дрогнула всем телом.
И ей навстречу силуэтом белым
Рванулась занавеска из окна.

Набросок, полутон, оттенков переплёт,
Где глаз еще не различает краски.
Но бабочки причудливый полет,
Как ощущение незнакомой ласки.

* * *

Не грянул гром, и не было салюта,
И разговор споткнулся ни на чем.
А небо – опрокинулось как будто,
Приблизившись ко мне твоим плечом.
Остановился маятник. И тени
Прошедших лет остались за стеклом.
Лишь головы бездумное круженье

И рук невыносимое тепло.
И нас за непонятные заслуги
Коснулось, укрывая от беды,
Крыло непредсказуемой подруги –
Капризной и разборчивой судьбы.
Она известна шутками своими –
За всё платить приходит всем черед.
Я оплачу – не глядя, с чаевыми –
Мне аккуратно выписанный счёт.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Жёлтый свет просвечивал сквозь липы.
Воскресенье, ни души, жара.
Вымер дом. Ни шороха, ни скрипа
в обмороке сонного двора.
Окна рты беспомощно раскрыли,
ни вдохнуть, ни выдохнуть – нет сил.
И, стекая вниз по птичьим крыльям,
киселём июль вокруг застыл.
Вспыхнул ветер, зазвенели стекла,
обещаньем воздух вдруг запах.
Где-то гром по соснам глухо грохнул
и ушёл, разбив надежду в прах.
Я одна. Стоят на месте тени.
Кажется, всё высохло до дна.
Я всегда боялась воскресений.
Тихо. Сохнут липы. Я одна.

* * *

... и вдруг рака помимо воли
выводит за строкой строку,
и на бумажном снежном поле
я зверем раненым бегу

и падаю, и спотыкаюсь,
но боль моя теперь легка –
я умираю и рождаюсь
в негромкой музыке стиха...

* * *

Я всё хочу. Хочу восходов свет,
Закатов пряность, откровенность полдня,
Чтоб лучшую из мыслимых побед –
Тебя – своим дыханием наполнить.

Я быть хочу неспешным днём твоим,
Холодным плеском волн на тёплой коже
И воздухом, чтоб окружённый им,
Ты мог летать. И сном, который прожит.

Вкус радости познать и чистоту.
Хочу запомнить всё, что обозримо,
Чтоб, разглядев конечную черту,
Сказать – любила. И была любима.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Зима имеет вкус густого супа,
Который летом обжигает рот.
Она крадёт бесстыдно день у суток
И к ночи по крупяцам отдаёт.

Ночь всех ночей! Я отхлебну глоточек
От запаха твоих еловых рук.
Как хорошо, что день мой приурочен
К прощанию без горечи разлук.

Как хорошо, что он отмечен встречей,
Уходом, ожидающим приход.

Я зажигаю ёлочные свечи
И заново рождаюсь каждый год.

* * *

Пусть маленькая, но – моя,
Неведомая прежде.
В репьях колючих бытия
Она – сродни надежде.

Негромко пусть звучит она,
Но искренне и чисто.
Моя надёжная струна,
Прозрение и пристань.

Она – как взведенный курок,
Вне суеты и моды –
Моё дыханье среди строк,
Моих стихов свобода.

МОЛИТВА

*Посвящается
юным монахиням русского монастыря.
Франция, Лесна.*

А девочки божественно так пели,
и падал мягкий свет на их чела.
Казалось, все стоит у колыбели
та мать, что непорочно зачала.

А девочки без устали просили,
и таял плач, взлетая в небеса,
чтоб Тот, кто так велик и так всемогущ,
прислушался к молящим голосам.

И просьба безыскусна и понятна,
ребяческой наивности сродни...
Но не бывает милость необъятной,
что до грехов – то множатся они.

И каждый день, в ночи и на рассвете,
их голоса – натянутая нить, –
за нас, что легкомысленны, как дети,
не устают прощения просить.

Сергей Петров

ПАРИЖ, ПАРИЖ...

Вера шла к Дворцу оперы по улице с музыкальным названием Опера.

- Надо же, чуть ли не каждый второй здесь негр, - думала она, испуганно оглядываясь, словно её мысли могли подслушать. Во Франции за это самое «негр» можно и схлопотать.

Лет пять назад ей уже довелось побывать в этой стране: приезжала по турпутёвке на неделю. От той поездки в памяти остался калейдоскоп сменяющихся картинок. Приехали. Заселились в отель. Утром, в семь часов, - завтрак, дальше - обзорная экскурсия, обед, Лувр, вечером - снова отель, ужин. Всё расписано. Всё на потоке. На обратном пути в Москву в голове крутились слова одной и той же песни: «Связанные одной целью, скованные одной цепью». Таковы реалии любой туристической поездки.

То путешествие Вера прозвала для себя «материнским». Мать была учительницей французского языка и почитательницей культуры Франции. Она с упоением читала Бальзака, Гюго, Флобера, Стендаля, Экзюпери и всю жизнь мечтала побывать в обожаемой ею стране. Но тогда, в СССР, поехать за границу могли только привилегированные особы, простым смертным такая возможность открывалась весьма и весьма редко. А когда Советский Союз распался, и поехать за рубеж стало можно, решиться на такую поездку матери уже не позволяло здоровье. Потом она умерла. Через год, постоянно чувствуя за собой непонятную вину, Вера поехала в город маминой мечты, убеждая себя, что необходимо хоть так осуществить её желания. Возможно, когда-нибудь потом она сможет там, в лучшем мире, рассказать маме обо всём. Брат был «по уши» в своих делах, и она поехала одна.

От поездки осталась пустота. Что она могла бы рассказать матери? Как в толпе экскурсантов неслась к Лувру? Как толкались локтями в Версале? Кроме суеты и мелькания картинок, в памяти ничего не осталось. Вера понимала, что мама хотела иного: атмосферы Парижа, чувства чего-то прекрасного. А этого не было.

И Вера решила на новую поездку. Последний кредит она погасила. Накопления кое-какие имелись. Позвонила брату, тому снова было некогда. В интернете выбрала первый попавшийся отель в центре Парижа. Понравилась разумная цена. Отзывы тоже были сносные. Зашла на сайт аэрофлота – билеты на эти дни продавались. «А вдруг разрешение не дадут?» – то ли с надеждой, то ли с досадой подумала девушка и отправилась в визовый центр. Визу выдали.

Время летит быстро, и вот Вера входит в парижский отель.

– Бонжур, – произносит она, и поскольку на этом её знание французского исчерпывается, молча подаёт квитанцию прыщавой девушке на ресепшн. Прочитав текст, та улыбается и говорит по-русски:

– Здравствуйте!

Оказывается, её родители – русские, давно перебравшиеся в Париж.

Тесноватый номер с обшарпанными стенами, но разве это для Веры главное? Одно дело, когда едешь развлечься на курорт, другое... Что – другое, она ещё не решила. Но понимала, что для начала надо не спешить, попытаться понять Париж, вдохнуть его жизнь. А дальше видно будет.

В детстве она читала книгу о великом марафонце, который объездил весь мир. Запомнилось, что спортсмен старался узнать каждый город, в который приезжал, изучал его, просто гуляя по улицам. Каждый очередной город имел свой нрав, характер, свою душу. И, как орденами, он награждал их эпитетами: пасмурный Лондон, пёстрый Бомбей, блистающий Париж, изящная Прага.

«Каким для меня будет Париж? – спрашивала себя Вера и пожимала плечами. – Утро вечера мудренее».

В последнее время ей постоянно хотелось спать – могла уснуть в очереди в поликлинике, в метро, завалиться в постель часов в восемь вечера. Вот и сейчас клонило ко сну. Однако на гостиничной кровати долго не засыпалось. Вера открыла глаза из-за невнятного шума с улицы. Светало. На цыпочках она подошла к окну и осторожно приот-

крыла шторы. На узкой улочке в доме напротив два пьяных француза, один толстый, другой тонкий, устроили представление. Толстый открыл дверь в подъезд, чтобы войти в дом, а второй настойчиво желал попасть к нему в гости. Толстый отталкивал его лениво руками и что-то объяснял.

– Наверное, поздно... или, наоборот, рано, – улынулась девушка.

Но тонкий продолжал настойчиво напирать на товарища, чтобы войти, а толстый интеллигентно отталкивал его.

– Французы тоже люди и пьют как русские, – хмыкнула Вера и пошла в душ.

Увы, завтрак в отеле оказался французским, а не русским: кофе, круассаны, сыр, ветчина, джем, и привет, Париж!

Пять минут, – и она в саду Тюильри, вытянувшись вдоль Сены. Геометрически правильные, тщательно причёсанные аллеи. Надменные, сверкающие белизной скульптуры, большие чопорные клумбы и вазы, окружённые каштанами. Парижане лениво беседуют на зелёных металлических стульях у мутного пруда.

«Значит, в этом саду Францию носили на руках?!» – Вера вспомнила вошедший в историю случай: Пётр Первый, выскочив из кареты, подхватил здесь на руки семилетнего короля Людовика XV и понёс его в зал для аудиенций, обращаясь к ошеломлённым придворным: «Несу всю Францию!»

– Мило, всё мило... но и только, – думала девушка. Какое-то странное предчувствие не покидало ее.

Дальше, через площадь Согласия, можно выйти к Елисейским полям, где расположены самые прославленные модные дома, мировые ювелирные и антикварные магазины. Но именно туда её вовсе не тянуло. К тому же скромность французского завтрака дала о себе знать, и к одиннадцати часам захотелось настоящего русского обеда.

В двух первых попавшихся по пути кафе меню было на французском. Но, собственно, на каком языке должно быть меню во Франции? Нерешительно, но определённо стал накрапывать дождь. «Бог троичу любит», – решила Вера. И в третьем кафе с независимым видом решительно села за стол. «Как-нибудь объясню, что хочу заказать. В крайнем случае, ткну пальцем в любую строчку меню. А то так с голо-

да умру во Франции!» – она невольно усмехнулась. Французы за соседним столиком вежливо улыбнулись. Подбежавшая официантка что-то затараторила.

– Если бы я понимала, о чём вы говорите, – вяло пробубнила Вера.

– Русо? – воскликнула француженка. И как по мановению волшебной палочки, перед Верой оказалось меню на русском языке!

«В Париже жить можно, точнее, есть можно», – удовлетворённо подумала девушка, заказывая знаменитый французский луковый суп и фирменный бифштекс из говядины с кровью.

По пути к отелю она с удивлением несколько раз различала русскую речь.

«Русские есть везде», – улыбаясь, думала Вера, бросая оценивающие взгляды на идущих навстречу женщин и машинально кивая... Да-да, конечно. Парижанки одеваются скромно и практично, избегают вызывающего макияжа, но любят яркую губную помаду.

Во время отпуска девушка привыкла днём ложиться на некоторое время вздремнуть, но было похоже, что на этот раз поспать у неё не получится. В номере трудилась горничная. Потом позвонили и пригласили на reception: возникли вопросы по анкете, которую она заполнила накануне.

Вечером, не выспавшаяся и потому всем недовольная, она шла по улице Опера. Рядом двигалась разношёрстная толпа. Всё как в Москве. «Только у нас мелькают таджики, а здесь чернокожие», – размышляла девушка. Она вся сжалась, кожей ощущая, как идущие навстречу пристально вглядываются в неё, будто хотят уличить в чём-то. Их голоса на непонятном языке сливались в монотонный раздражающий шум. Не было чувства чего-то важного. Не было ощущения Парижа. Та же московская суета. Всё как всегда. Она, словно повзрослевшая девочка, потерялась в этой толпе. И эта масса людей уже казалась ей особым единым существом, обнюхивающим её и готовящим подвох. Замкнутое пространство Веру не угнетало, но в толпе было неуютно и тревожно. Зачем она сюда приехала? Что тут делает?

И вдруг, ошеломлённая, Вера остановилась. Перед ней во всей красе возвышалось здание «Гранд-Опера» или так называемая «Опера Гарнье». Собственно, сюда она и шла, и нельзя было сказать, что перед её глазами впервые нечто подобное. Видела она Большой театр в Москве, не раз была в Эрмитаже и Петродворце в Санкт-Петербурге, в Париже, в первый ещё приезд, изучила Версаль и Лувр.

Но тут с ней произошло что-то необыкновенное! Шла в толпе, и вдруг всё исчезло, обыденность отступила, и перед ней выросли стремительно возносящиеся колонны, вздымающиеся в скачке лошади, блаженно парящие ангелы, в переливах белого, розового и зелёного мрамора, словно застывший танец. И всё это великолепие венчали статуи, символизирующие Поэзию и Гармонию, сам Аполлон смотрел величественно с купола, словно понимая, что творится у неё на душе, и дышал величием, покоем и умиротворением.

Ярко-оранжевый закат осветил здание, и оно затрепетало в нанизанных на купол, подсвечиваемых теперь солнцем снизу розовых облаках. Небо остывало от дневного марева, дожидаясь захода солнца, и по строению пробежала странная тень.

Вера знала о тайнах и мистических символах, не покидающих этот театральный дворец на протяжении всего его существования. Она вычитала, что один из мистических знаков здания – цифра 13. Это тринадцатый театр на территории Франции. На тринадцатой ступеньке этого театра умерла одна из балерин. Во время оперы «Фауст» упала люстра и погиб зритель, сидящий в тринадцатом кресле зрительного зала. Другая тайна: в «Гранд-Опера» жило привидение, о существовании которого знали все. Именно из-за него покидали свои посты директора. Об этом роман Гастона Леру «Призрак Оперы».

Вот и сейчас что-то таинственное окружало здание.

Она вздрогнула... Кто-то осторожно коснулся её плеча. Импозантный парень лет тридцати с модной двухдневной щетиной на щеках и подбородке, в дорогом сером костюме, с бабочкой, в начищенных до блеска туфлях стоял рядом и доброжелательно смотрел на неё. Он что-то сказал по-французски и помахал билетом.

– Извините, не понимаю, – вырвалось у Веры.

Парень улыбнулся и – о чудо! – на чистейшем русском сказал: «Девушка, у меня мама заболела и приходится продавать билет в Оперу. Купите?»

«Побывать в «Опера Гарнье» – немыслимо! Туда билеты за полгода покупают!» – у неё захватило дух.

– А сколько стоит?

– Сто двадцать евро, – буднично сказал парень. «Девять тысяч рублей», – мысленно подсчитала девушка и удручённо замерла.

– Это реальная цена билета. Я не спекулянт, – покраснев, заверил парень и указал пальцем на цифру.

– Я вам верю, но дело в другом. Увы, этого я себе не могу позволить, мне ещё уехать отсюда надо.

– Жаль, – ответил парень и нерешительно замялся. Затем, подумав, выпалил:

– Бог с ним, вряд ли я найду кого-то, до начала осталось тридцать минут. Как вас зовут, девушка?

– Вера, – пролепетала она.

– Я вам дарю билет.

– Что вы! – выпалила она, протестуя, и даже сделала отталкивающее движение рукой.

Парень улыбнулся и сказал торжественно:

– Зря. Тогда порву билет у вас на глазах! Раз! Два! – он держал билет двумя руками.

– Согласна, – растерянно сказала Вера. – Будем считать, что сегодня ... так сложились звёзды!

– Верно, – парень поднял указательный палец, – в жизни всегда должно быть место удаче и волшебству!

Дальше всё и происходило как в сказке. Они поднялись по парадной, выложенной мрамором, лестнице. Вокруг гранит, оникс, яшма, сусальное золото, зеркала, бархат. Великолепие снаружи, изящество внутри. Вот и фойе, украшенное позолотой, мозаикой, зеркалами и росписью.

– Дворец Гарнье был построен в XIX веке, – важно говорил Олег. – Лучшим был признан проект Шарля Гарнье, ещё никому не известного архитектора. На своих эскизах он соединил признаки совершенно разных стилей, благодаря чему получил уникальное великолепие волшебства. Ходит легенда, что якобы императрица Эжени с недоумением спросила у Гарнье, что это за стиль? Гарнье, не растерявшись, ответил: «Стиль императора Наполеона III».

– Это общеизвестно, – снисходительно ответила Вера. – А о мистических знаках здания вы знаете? – Олег растерянно заморгал.

– Так слушайте, – девушка уверенно перехватила инициативу.

Вот и красно-золотой подковообразный зрительный зал с огромной хрустальной люстрой.

– Надеюсь, у нас не тринадцатый ряд или место, – улыбаясь, поинтересовалась Вера.

– Нет, – засмеялся её спутник.

Замолкают последние аплодисменты. Гаснет свет. Надрывно взывает скрипка. Но вот её пение прекрывают, усиливаясь, звуки литавр,

подобно надвигающимся раскатам грома. И плавно, в унисон, начинают звучать, сливаясь, виолончели, контрабасы и фаготы. Ощущение, будто тихо наплывают, иногда приостанавливаясь, таинственные тени. По спине Веры пробежали мурашки, её охватило тревожное предчувствие, смешанное с надеждой. Почему-то на ум пришла фраза Гейне: «Там, где кончаются слова, начинается музыка».

... Вера снова идёт по улице Опера, но рядом с ней – Олег. А навстречу движутся люди, милые и доброжелательные, словно понимающие, что в её душе до сих пор звучит мелодия, полная светлой, наивной грусти, далёкая от будничных забот и суетной жизни. Между тем вечерняя жизнь в Париже только пробуждается: загораются фонари и красные таблички, лениво заполняются террасы кафе со столиками впритык. Питейные заведения растянулись гирляндами по улице в окружении домов с фасадами, похожими на пирожные с кремом и пестреющими кружевными балкончиками.

– Спасибо вам. Вот и мой отель, – она замялась. – Чем вас отблагодарить? Могу пригласить в кафе на чашечку кофе. Но только завтра, сегодня уже засыпаю.

– Завтра мы улетаем, – эхом прозвучал ответ.

Вера огорчённо поджала губы.

– На чашечку кофе можно зайти и в Москве, – улыбаясь, заметил Олег. – Если вы дадите телефон.

Ойкнув, она с радостью продиктовала номер.

– Всё, я спать, – виновато вздохнула Вера.

– Знаете, есть птичка, которую прозвали в народе сплюшка. Она примерно через каждые пять секунд методично восклицает: Сплю... Сплю... Сплю... И самое главное, что с последними звуками её песни наступает темень. Побегу, пока не стемнело, – закончил парень и зашагал прочь, что-то напевая.

«Похоже, он теперь так и будет называть меня «сплюшкой». У неё не было чувства, будто она видит Олега в последний раз... Наоборот. Это было чувство совсем недолгой, может быть, даже мгновенной – как внезапно прервавшийся сон – разлуки.

Лев Мирошниченко

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

В загаженных дворах стоит туман.
Тревожно на душе и сыро.
И чудится везде обман,
по всем щелям, в любой квартире,
как и во всём родном подлунном мире.

Вот он – России гордый сын – бежит,
как будто жив и, вроде, не увечен.
В белеющих глазах – ни смеха, ни слезы,
готовый всё крушить, а ведь ещё не вечер.
По тающей земле ползут обрывки тьмы.
В душе и муторно, и сыро.

России лучшие умы
поют фальшивые псалмы
за ломтик спонсорского сыра.

ЧЕГО БЫ ВАМ ТУТ НЕ ХВАТАЛО?

Иван да Лида –
два инвалида.
У них на двоих – две ноги
и очень модные сапоги.
Две руки на двоих –
тоже неплохо:
нетрудно сварганить суп из гороха,
нажать на кнопку
и принять с экрана,
в три круглых глаза,

моргающих без отказа, –
цветные картинки
про всякие новинки,
про Думу и конституцию,
про Трампа и проституцию,
Притом *три уха*
вполне достаточно для слуха,
тем более, одно
умеет заодно
красиво шевелиться.
Ну как тут не умилиться!
А пальцев,
опять же на двоих –
целых *пятнадцать!*
Куда с такой прорвой деваться?
Не хватит на теле всех дыр,
чтоб в них поковыряться.
И вы взгляните на Лиду и Ваню,
рядом сидящих на мягком диване
опосля посильных трудов.
Какая улыбка на *двадцать* зубов!

Разинешь с восторгом зевало пошире:
У НАС ИНВАЛИДЫ – ЛУЧШИЕ В МИРЕ!
И всё-таки есть кой-какой перебор,
увы:
у них на двоих целых *две* головы.

ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Окраина. Канава. Капли.
В луже пузыри плакали.
Текло.
Было тепло.

Лезла трава,
заявляя права.

Глина мокла.
Моргали окна.
Свисали провода,
спокойные, как всегда.

Мусорные баки,
Крысы да собаки.
Торчит из бака полсапога –
как будто бы нога
поверженного врага.

Разинув клюв, так сиро ,
на мусоре валялся –
откуда только взялся? –
издохший символ мира.

Мир кончился или борьба?
Вопрос для кованого лба.

ВО СНЕ МЫ ВСЕ РАВНЫ

Устали мы
в дурных трудах.
Таскаем дверь
своей тюрьмы
на согнутых ногах.

Привычно врём,
хоть ложь ясна.
Мы правде в скулы бьём
и гоним со двора.

Мы снов сыны,
где страх и грех,
где игры сатаны
и привидений смех.
Прорваться в явь
нам не дано.

Через тряси́ну впла́вь
доста́нем то́лько дно.

Мечты смешны –
жить лучше всех.

Во сне
мы все равны,
как равен
сва́льный грех.

Октябрь, 1993

НЕПОГОДНОЕ

Бегут по небу пауки,
клубя чернила позднего рассвета.
Гляжу на них из-под руки,
Клубятся в голове вопросы без ответа.

В моей душе – чердачный мрак,
в моей душе дерутся кошки.
И некому просунуть белый флаг
в проломленное пыльное окошко.

Зану́дили промозглые дожди,
вгоняя в дрожь воспомина́нье лета...
Мигне́т ли тонкий лучик впереди
тому, кого давно тошнит
от обещаний света?

КРАСОТА СПАСЁТ МИР (согласно Фёдору Михальчу)

Красота-а.
Лепота-а.
Красота спасёт кота.
Мальчик пальчик пососёт.

Красота его спасёт.
Петя курицу пасёт.
Красота его спасёт.
Лодку омут засосёт.
Красота её спасёт.
Бомба домик разнесёт.
Красота его спасёт.
В ожиданье красоты
мы подтянем животы.
Отворяйте ворота:
валом валит красота!

Степан Левин

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Прошло лето с очередными рекордами жары, бурями и потопами и общественность вновь озаботилось изменением климата. В этом году в общем хоре стали слышны детские голоса: возникло новое движение школьников старшекласников под названием Friday for Future. Ученики подняли свой голос против неминуемой, как они считают, климатической катастрофы. Типа: «Эй, взрослые, оставьте и нам что-нибудь, мы тоже хотим дышать, пить и есть». Ребята организуют шествия, митинги, а по пятницам бастуют, то есть попросту прогуливают. Будь я школьником, непременно примкнул бы к этому движению. Недавно проводили они конкурс идей на тему, как предотвратить грядущую климатическую катастрофу. Победители конкурса не отличались разнообразием: один предложил раз в неделю отказаться от поездок на машине, другой предложил раз в пять лет не летать в отпуск, третий отказаться от стейков. И так далее и тому подобное. Всё это звучит странно и грустно – всё-таки от молодёжи ожидаешь креатива, а здесь какая-то депрессивная ментальность – отказаться, запретить, вернуться назад.

До сих пор человечество использовало совсем другие инструменты для решения проблем, а именно новые идеи, открытия, изобретения. Прежде всего, хочется сказать: ребята, без паники. Паника вообще плохой советчик, да и оснований для неё пока что нет. То, что нынешнее изменение климата – хотя бы отчасти – имеет антропогенный характер, стала почти консенсусом среди учёных климатологов. А то, что эмиссия диоксида углерода достигла таких масштабов, что заметно изменился состав атмосферы, является установленным научным фактом. Но вот, что касается последствий этих изменений, вопрос далеко ещё не ясен. Построение климатических моделей требует учёта огромного количества факторов, связанных друг с другом многочисленными связями, что делает эти модели бесконечно слож-

ными. К тому же, нам известна лишь часть того, что надо учитывать. Увы, мы плохо умеем предсказывать погоду на неделю, а уж прогноз изменения климата на 20 лет, это, скорее всего, ненаучная фантастика. Несомненно, заниматься этой проблемой надо, но и брать а priori за основу самые ужасные сценарии неразумно. Подробнее о глобальном потеплении мы поговорим во второй части этой статьи, а сейчас предлагаю обсудить вещи, совершенно бесспорные, а именно, нашу локальную экологию. Словами «наше» и «мы» я буду обозначать население развитых стран, так называемый «золотой миллиард». А поскольку подавляющее большинство этого «золотого миллиарда» живёт в городах, это в первую очередь городская экология. И вот тут-то сомнений нет – она нехороша. Вот что показали недавние измерения на улицах Берлина. Превышение нормы по содержанию угарного газа в три раза, по окислам азота в десять раз, по бензолу (самый канцероген!) в семь раз, по микрочастицам копоти в десять раз. (Подчеркнём, именно на улицах – во дворах и в жилищах все обстоит не так уж плохо). Любой может поставить эксперимент на себе: встаньте в час пик в июле на Кудаме (Пикадилли, Садовом кольце и т.п.) и глубоко вдохните три раза – головокружение или даже обморок вам обеспечены. И вот в этой атмосфере мы проводим половину своей жизни, стоя в пробках, трясясь в автобусе, гуляя по тротуарам, а также катаем в колясках своих младенцев и стариков. По оценкам ВОЗ состояние городской атмосферы стоит человечеству несколько десятков миллионов смертей в год. И вот с этим мы должны и, главное, можем бороться уже сегодня. Первое и очевидное – это отказ от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания (ДВС) и переход на электромобили. Такие планы имеются во всех государствах и поддерживаются большинством населения. Вопрос только в том, почему эти планы такие, мягко говоря «неторопливые». Вот Германия, признанный лидер в борьбе за экологию – уже в одиннадцатом году был принят план поддержки электромобилизации. Согласно этому плану, в двадцатом году на дорогах должно быть не менее миллиона электромобилей. А к тридцатому году – шесть миллионов. (Для справки – всего в Германии пятьдесят миллионов авто). Вопрос – почему так медленно? Заметим, даже эти планы не выполняются – миллион будет достигнут только в двадцать втором году. Конечно, можно оправдываться тем, что в большинстве стран планы ещё более скромные, но ведь есть и лидеры в этом движении. Вот норвежцы – абсолютные чемпионы! Они постановили, что к двадцать пятому году на дорогах будут только электромобили. Ну, понятно, Норвегия особая статья, у них неограниченное количество

электроэнергии, к тому же чистой, произведённой многочисленными гидроэлектростанциями. Но вот соседняя Швеция, по природным своим условиям не сильно отличающаяся от Германии, решила, что в тридцатом году будет зарегистрирован последний авто с ДВС. Почему бы нам не следовать примеру наших северных соседей? Поддержка этих планов большинством населения Германии, думаю, обеспечена. Увы, есть и такие, кто хотел бы замедлить это движение, их немного, но они очень влиятельны. Это боссы автомобильной промышленности Германии. Нет, они, естественно, за экологию и за электрокары! Но не сейчас, а завтра или послезавтра. Их можно понять, производство ДВС это огромный бизнес и остановка его повлечёт столь же огромные потери. К тому же известно, что электромобили существенно менее трудоёмки в производстве чем автомобили на ДВС, а это означает большие сокращения в отрасли и опять же уменьшение доходов. Ничего необычного в этой ситуации нет, весь технический прогресс человечества связан подобными конфликтами интересов. Ещё в 18 веке на заре промышленной революции изобретение ткацкого станка вызвало обнищание миллионов ткачей-ремесленников и появление террористов-луддитов уничтожителей станков. Да и наши нынешние автомобили обездолили в своё время множество извозчиков, шорников, каретников, коневодов и проч. Так было и так будет, но если бы человечество всегда слушало только аутсайдеров, прогресс был бы невозможен. Тем более, в наше время мы можем быть уверены в том, что потерявшие работу автомобилестроители не пойдут побираться. Подозреваю, что хозяевам Volkswagen, BMW и Mercedes голод тоже не грозит. Правительство должно всё же встать на сторону большинства. Кстати, пример из совсем недавнего прошлого. Тридцать лет назад, когда вводились нормы на автомобильный выхлоп, представители автомобильной branży твердили, что введение катализаторов станет катастрофой для всей отрасли. И ничего, как-то пережили.

Переход на электро будет иметь еще одно замечательное следствие – электроавтомобиль является идеальным дополнением к зелёной энергетике. Зелёная энергетика (в Германии это в первую очередь ветряные электростанции) имеет существенный недостаток – нестабильность выработки энергии. Ветер дует, когда захочет, а не тогда, когда нам это надо. Для того чтобы сгладить эту нестабильность нужны накопители энергии, а с этим большая проблема. Предложено множество способов, но до сих пор не найдено такого, которой сочетал бы в себе большую ёмкость и дешевизну. Чаще всего используют батареи из многих аккумуляторов. Такие установки дороги, имеют

относительно малую ёмкость, их производства и утилизация несёт с собой определенные экологические проблемы. Так вот миллионы электромобилей и станут огромным накопителем. Работать это будет так – цена на заправках будет плавающей, зависящей от наличия лишней энергии в сети, и владельцы автомобилей будут заряжаться, естественно, когда цена низкая и забирать таким образом эту лишнюю энергию. Симбиоз электромобиля и зелёной энергетики по расчётам позволит экономить до 30% электроэнергии и даст дополнительный стимул для развития зелёной энергетики.

Отказ от ДВС будет иметь ещё один чрезвычайно важный положительный эффект: это уменьшит, а в идеале сведёт на нет нашу нефтегазовую зависимость. Страны производители нефти давно уже превратились в преступный международный картель, который не только незаконно распределяет квоты и диктует цены, но и используют свою продукцию для шантажа и достижения политических целей. В связи с этим встаёт вопрос: стоит ли так уж срочно, как мы это планируем, сворачивать угольную энергетику? Настрой общества против угля во многом диктуется устаревшими представлениями. Действительно, около тридцати лет назад все были озабочены и напуганы так называемыми кислотными дождями. Причиной этих кислотных дождей было высокое содержание окислов серы в дымовых газах угольных электростанций. Так вот, с тех пор, благодаря новым технологиям удалось свести этот показатель практически к нулю. Интересно, что это позволило не только очищать дымовые газы но и добывать серу в промышленных количествах – пример того, как зелёные технологии могут быть рентабельными. Конечно, угольные электростанции имеют неустранимый недостаток: эмиссия двуокиси углерода на них будет всегда выше на 30-40%, чем на газовых. И продление работы наших угольных электростанций окажет определенное негативное влияние на глобальное изменение климата. Но влияние это будет чрезвычайно малым, что я покажу вам в следующем разделе.

Вот теперь пришло время поговорить о глобальном потеплении. Начну этот разговор с небольшой притчи – в качестве своеобразного эпиграфа. В некоей стране Третьего Мира живёт крестьянин, пасёт, как многие поколения его предков, своих коров и каждый божий день черпает из глубокого колодца воду, чтобы напоить семью и скот. И вот прилетают к нему на вертолёте добрые европейские волонтеры, они устанавливают маленькую ветровую электростанцию и – о чудо!- вода льётся из трубы сама. А заодно они подключают крестьянина к интернету и дарят ему

старый японский телевизор. Подобные сюжеты нам часто показывают по телевизору. Затем волонтеры улетают на своём вертолёте в полной уверенности, что осчастливили крестьянина. Но крестьянин чувствует себя несчастным, как никогда прежде. Зато теперь он знает, наконец, чего он хочет. А хочет он отсидеть восемь часов в бюро, перекладывая бумажки, а потом прийти домой и чтобы в доме было зимой тепло, а летом прохладно, и чтобы дети вернулись из школы на школьном автобусе, и что бы одеты они были в красивые аккуратные одежды, а не в обноски из европейского секонд-хенда, и чтобы летом он съездил на море, а зимой покатался бы на лыжах – короче, он хочет жить так же, как мы. А своих коров он видел в гробу вместе с ветряком. Мы говорим ему: дорогой крестьянин, зря ты так стремишься к цивилизации, вот мы живём при ней уже 100 лет и сыты ею по горло. А вот ты как раз живёшь жизнью близкой к природе и это мы должны тебе завидовать. Но крестьянин нас не слушает, говорит, мол, если мне через 100 лет разонравится, я тоже тогда подумаю, а сейчас хочу жить как вы. И что самое интересное, он этого добьётся. А если не он, то его дети. Всё развитие человечества за последнюю сотню лет говорит нам об этом. Если ещё в начале 20 века благами цивилизации наслаждались жители лишь десятка стран Европы и Северной Америки, да и то лишь небольшая их часть – от силы сотня миллионов человек, то теперь мы говорим о золотом миллиарде! И темпы этого движения цивилизации вширь только увеличиваются.

Яркий пример такого экспоненциального развития представляет собой Китай. Еще 30 лет назад, до начала реформ это было царство нищеты и застоя. Мечтой китайской семьи были надёжная чашка риса с овощами в день, велосипед и телевизор, а душевой доход составлял 50 долларов. И взгляните, как живёт нынешний Китай. Чтобы оценить и описать эти процессы воспользуемся таким интегральным показателем как душевое энергопотребление. Таблица такого потребления по странам точно показывает разделение на три группы: «золотой миллиард» – население, естественно, около миллиарда с душевым энергопотреблением от 5000 до 10.000 квтч/год, «пороговые страны», прежде всего Китай и Индия, а также Бразилия, Индонезия и другие с потреблением от 5000 до 500 квтч/год и с населением около 4 млрд и третья группа, слаборазвитые страны с населением около 2 млрд, потребление которых составляет 100 квтч/год и менее. Особенно быстрый рост энергопотребления показывают именно пороговые страны. По всем прогнозам Китай достигнет европейского уровня через 10 лет, то есть удвоит своё энергопотребление. Индия достигнет того же результата через 20 лет – при этом удесятерит (!) своё душевое энергопотребление. При этом, по

населению Индия превзойдет Китай. Таким же образом мы можем считать рост всех пороговых стран. Слаборазвитые страны развиваются не столь быстро – пока – но всё равно, за ближайшие 20 лет, как минимум, удвоят своё энергопотребление. Что касается золотого миллиарда, принято считать, что его энергопотребление стабилизируется на нынешнем уровне. А теперь вспомним школьную арифметику и посчитаем суммарное увеличение энергопотребления в мире на ближайшие 20 лет. Цифра ошеломительная: энергопотребление увеличится в 2,67 раза. Таким образом все НАШИ усилия по экономии энергии совершенно БЕССМЫСЛЕННЫ. Пример: за эти же 20 лет в Германии, одной из самых зелёных стран Европы, запланировано снизить энергопотребление на 12%. Предположим все страны золотого миллиарда последуют примеру Германии и снизят настолько же своё энергопотребление. В таком случае мировое увеличение составит не 2,67раза а 2,66 раза – разница, как раз 1%. Даже если мы затянем пояса, откажемся от стейка, все пересядем на велосипеды и уменьшим своё энергопотребления в 2 (!) раза мировое потребление увеличится в 2,64 раза, то есть выигрыш составит 2,5%. При этом сейчас мы говорим о рутинном, каждодневном потреблении энергии, как это происходит в развитых странах. Города, дороги здесь уже давным-давно построены, энергия тратится только на жизнь и на поддержание инфраструктуры – ремонт, восстановление и т.п. А вот в пороговых странах и – особенно – в слаборазвитых предстоит построить огромную инфраструктуру цивилизации: сотни городов, миллионы километров дорог, гавани, аэропорты, что потребует еще дополнительно огромных затрат энергии.

Все эти ужасающие цифры вовсе не мои фантазии, это уже наше настоящее и даже недавнее прошлое. Вот вам факты: за десятилетие с 2000 по 2010 в ЕС энергопотребление не выросло, в США даже сократилось на 3%, а мировое выросло на 70%. Причина проста: ИХ очень много и ОНИ очень быстро развиваются.

Конечно, есть один неприятный, некрасивый вариант – отгородиться от стран Третьего Мира. Дескать, мы потратили 1000 лет на построение своей цивилизации, вот и вы извольте, развивайтесь сами, постепенно. Что мы, нанялись что ли, всех кормить, лечить и учить! Но мы так, конечно, не скажем. Во-первых, потому что мы это мы, а во-вторых, потому, что это ничего не даст – просто весь третий мир сам тогда придет к нам. Так, что же делать, как обеспечить такой рост мирового энергопотребления? А просто делать то, что мы умеем – думать, изобретать, разрабатывать технологии. Тем более, что уже накоплен немалый запас идей. Об этом я расскажу в следующей статье, а сейчас я повторю еще

раз, чего делать не надо. Например заставлять нас совершенно бессмысленно экономить воду, снижая наши привычные стандарты гигиены и чистоты. (Помнится, один лондонский мэр призвал своих горожан следовать ему и не сливать воду после похода по малой нужде. (Великий экономист).. Не надо ограничивать нашу мобильность, задирая и без того высокие цены на топливо. В общем, почти все, чего требуют поклонники и последователи девочки Греты делать не надо.

Очень хотелось бы, кстати, поговорить с Гретой, она, наверняка еще вполне вменяемая, в отличие от ее взрослого окружения. Ну, например так. Милая Грета, (позволь мне так к тебе обращаться, я гожусь тебе а прадедушки) ты очень горячо и искренне говорила с трибуны ООН о том, что мы, старшее поколение лишили тебя будущего и оставляем тебе отравленные реки, смог и прочие ужасы.

Где ты это видела, Грета!? Ты родилась и живёшь в одной из чистейших и благополучнейших стран мира. Найди там хоть одну отравленную реку. Есть еще проблемы с качеством воздуха в городах, но они в скором времени будут решены. и уже твои дети будут расти в идеально чистой стране. Вот такое ждёт тебя будущее. И это будущее создали для тебя мы, именно создали, а не сохранили какую-то мифическую первозданную чистоту. Ты должна знать, что еще каких-то 50 лет назад над Швецией висели облака дыма от сталелитейных и химических заводов, а отходы сливались в фьорды. И вот благодаря новым знаниям и технологиям все так замечательно изменилось. Увы, большая часть человечества живёт пока что в совсем других условиях. Тучи смога зимой висят над Шанхаем, в Найроби и Мумбаи из кранов тычет вода, которую нельзя пить – все это ты знаешь не хуже меня. Но ты должна понимать, что это вовсе не наше будущее, это наше прошлое. И жители Шанхая и Мумбаи тоже это понимают и прилагают усилия – к сожалению возможности их пока ограничены – чтобы приблизится к нашим экологическим стандартам. Уж не знаю зачем, но дяди и тёти, что вьются вокруг тебя, нагло лгут, рисуют всякие ужасы про грядущее перенаселение, про исчерпание ресурсов и т.п.. Никакого перенаселения не будет: уже посчитано, что число жителей нашей планеты достигнет 15 миллиардов, а затем рост сам собой прекратится, как он уже давным-давно прекратился во всех развитых странах. А про ресурсы – вот тебе один пример. Если везде на земле сельское хозяйство станет таким же эффективным, как в твоей родной Швеции (а это когда-то непременно произойдёт) продуктов питания хватит на несколько десятков миллиардов человек.

Константин Июльский

ЗАГАДОЧНАЯ ЖЕНСКАЯ ДУША

В четырнадцать лет взаимоотношение полов ужасно волновали нас. Женщины казались нам существами невероятно загадочными. Друг Аркашка созревший к своим четырнадцати годам быстрее сверстников успел уже сорвать поцелуй одноклассницы и страшно гордился.

– Прежде чем лезть целоваться, – поучал он нас, желторотых, – потренируйтесь на руке.

Для наглядности он закатывал рукав рубашки, прикивал губами к руке и с присвистом, наподобие велосипедного насоса, втягивал в себя воздух. В результате его пневматических усилий на запястье оставался красный след, свидетельство того, что поцелуй произведён грамотно.

Дворовые ребята в возрасте от восемнадцати и выше, успели завести постоянных подружек. Мы с завистью наблюдали, как они фланируют с ними под ручку. А некоторые из них так вообще по-хозяйски клали руку на девичью талию. Барышни при этом покорно принимали их вольности. Наши же одноклассницы отличались строптивостью. На заигрывания они обычно отвечали: «дурак». Предпочитали гулять с подружками, при этом что-то нашёптывали друг другу на ушко, заливались глупым смехом. Что поделаешь, созревание у послевоенной молодёжи происходило позднее, чем у современной. А поскольку популярной литературы на интимные темы в те годы практически не существовало, то вся информация передавалась исключительно устным путём. Мы собирались в подъездах, пересказывали «Яму» Куприна или «Милого друга» Мопассана, пели под гитару песни о романтической любви воров и бандитов. В этих полублатных песнях все было ясно и понятно.

Не тоскуй, не печалься, моряк,
Не зови в помощь норда и веста.
Она дочь из богатой семьи
И английского лорда невеста.

Не было у морячка классового чутья. Ежу понятно, срубил он дерево не по себе и теперь от досады локти кусает. Наши девушки хотя и не происходили из благородных английских семей и лорды не покушались на их невинность, были, однако, не менее заносчивы.

Любимым нашим словом стало тогда «кадрить», то бишь знакомиться. Это было целое искусство. Чтобы закадрить девушку на улице, нужен был повод: поинтересоваться у неё, к примеру, как пройти куда-то, попытаться угадать ее имя, заинтриговать билетом на интересное кино или на худой конец мороженым и так далее. Чаще всего мы получали отказ. Женская душа оставалась для нас тайной за семью печатями.

... Тот Новый год мы все отмечали, как обычно, с родителями. Наутро встретились в беседке на заднем дворе, напротив старого четырёхэтажного дома из побитого временем красного кирпича. Было довольно холодно, горбатился сугробами серый снег, метровые сосульки гирляндами свисали с крыш. У одного из подъездов две девушки-хохотушки в лёгких платьицах. Выскочили, видно, остудиться после новогодней ночи. Барышни плотные, румяные, весело переговаривались.

Метрах в двадцати у другого подъезда кучкуются наши дворовые парни. Мы знаем их только по кличкам: Козел (тогда это слово звучало не обидно), Лимон и Сеня. Они тоже выскочили охладиться. Девиц парни заприметили давно, явно нацелились кадрить их, но прикидываются равнодушными. Мы, неопытная молодёжь, заинтригованно наблюдаем за их действиями, набираемся, так сказать, практического опыта. Козел, он же Витек Козлов, неторопливо лепит в руках снежный ком, на барышень ноль внимания. Снежок в крепких козлиных руках становится все твёрже. Когда он практически превращается в камень, Козел широко размахивается и со всей дури запускает его в самую симпатичную из двух девушек. Глазомер у Козла отменный, снежок с треском впечатывается в нежную девичью щеку. Барышня валится на землю, как сбитая кегля, подруга подхватывает ее подмышки, поднимает, отряхивает от снега и уводит трясущуюся в рыданиям пострадавшую в подъезд.

Такой трагической развязки мы не ожидали. Козел и компания как ни в чем не бывало спокойно продолжают прерванную беседу, небрежно сплёвывают на снег. Надышавшись свежим воздухом, кавалеры уходят догуливать Новый год, а мы начинаем спорить, что же теперь будет: одни склоняются к тому, что девушка непременно заявит в милицию, другие, что натравит на Козла своего друга и тот

надраит ему ряшку. Вариантов много. Все сходимся только в одном: с рук Козлу это так не сойдёт. Спор затягивается до вечера. Темнеет, загораются фонари. Неожиданно дверь соседнего дома распаивается, и из подъезда появляется сияющий Козел. Под руку он ведёт свою «жертву». Судя по их довольным лицам, конфликт успешно улажен, любовь победила. У дамы под глазом заметен солидный фингал, тщательнее укрытый пудрой. На Козла она смотрит ласково.

Мы замираем от удивления. Немая сцена, как в «Ревизоре». Такого финала никто из нас не ожидал. Вот уж действительно загадочное женское сердце. Все наши попытки очаровать одноклассниц терпели, как правило, неудачу. А Козлу хватило крепкого снежка, чтобы покоришь нежную девичью душу. С тех пор прошло немало лет, но, к своему глубокому сожалению, должен признаться, что женская логика и по сей день остаётся для меня тайной за семью печатями.

ТАЧКА ИЗ КРЕМЛЁВСКОГО ГАРАЖА

Боря не мог не врать. Из вранья он не извлекал никакой практической пользы. Это была любовь к искусству в чистом виде. Я познакомился с ним на курсах по вождению автомобиля. В перерыве между занятиями обратил внимание на компанию в курилке. Особенно колоритен был один из спорщиков. Фигурой он смахивал на своего тезку киноактёра Бориса Андреева (позднее я узнал, что его тоже звали Боря), но при этом шепелявил, как Суздальский в фильме «Место встречи...». Разговор шёл о рыбалке. Рассказчик, лысый мужчина с тугим брюшком, как раз закончил демонстрацию пойманной им щуки. Руки при этом он раздвинул максимально широко.

– Это что, – еле дождался конца его рассказа колоритный Боря, – вот я один раз угря поймал, почти полтора метра в длину и толщиной в мою руку.

Для наглядности он засучил рукав. Народ недоверчиво заусмехался.

– Принёс я его домой и пустил в ванну, – невозмутимо продолжил повествование Боря. – Думаю, придёт жена, зажарим его и схарчим. А вечером жалко стало, пусть, думаю, поживёт еще немного. Так он и прижился в нашей ванной. Почти год червяками его кормил и прочей гадостью. А весной решил выпустить на волю. Положил в ведро, принёс на то место, где поймал его когда-то, и опустил в воду. А он, представляете, улёгся у моих ног и уплывать не хочет, трётся, как кошка. Я даже всплакнул.

Большинство восприняли его рассказ скептически, но возразить не решились, уж больно увесисто выглядели его кулаки. Работал Боря такелажником в одном из издательств. Катал и грузил тяжеленные рулоны бумаги. Работа, требующая не только изрядной смекалки, но и немалой физической силы. Не удивительно, что и руки у него были мускулистые и толстые, как тот пойманный угорь. Мы оказались соседями по дому. Встречаясь по дороге на работу, Боря каждый раз удивлял меня своими байками.

– Представляешь, – взволнованно шепелявил он, – один чудик затащил на балкон свой «Запорожец». Прохожу мимо, гляжу, а со второго этажа торчит задница «ушастого».

– Кончай заливать, – возражал я, – балкон такой тяжести не выдержит.

– Не веришь? – кипятился Боря, – пошли покажу, убедишься сам, замазали на бутылку?

Через несколько дней он повёл-таки меня посмотреть машину на балконе. Обычная серая блочная пятиэтажка, обычные захламленные балконы и ни следа «Запорожца».

– Ты бы еще дольше телился, – шумел Боря, – теперь вот переставили его, видишь на снегу отпечатки протектора остались.

Сколько я ни напрягал глаза, отпечатков так и не увидел. Как-то по дороге на работу он поинтересовался, купил ли я машину. Стать владельцем автомобиля было в те далекие годы практически невозможно. Одних денег для этого было недостаточно. Очередь растягивалась на долгие годы. Реальной было купить сильно подержанную машину.

– А я вот «Волгу» двадцать четвертую взял, – похвастался Боря. – Практически необкатанную, из кремлёвского гаража списали, экспортный вариант и всего за две с половиной тысячи рублей. Хочешь, и тебе устрою, они там как раз распродают машины.

Я, естественно, согласился – смешные деньги. За такую тачку кавказцы, не раздумывая, десять тысяч выкладывали. Договорились созвониться через неделю. Через неделю набираю его номер.

– Где ж ты был, – завопил в трубку Боря, – я тебя вчера целый день искал, ушла твоя тачка. Тут нельзя рот разевать. Не расстраивайся, через пару недель знакомый подгонит американский лимузин «Шевроле», трёхлетка и всего за три тысячи, он дачу строит, деньги нужны срочно.

С «американцем», как выяснилось позднее, я тоже разминулся на пару дней. Шустрые кавказские хлопцы снова увели мою машину прямо из-под носа. В качестве утешения Боря предложил мне шведскую «Вольво». Практически новую, и за смешные деньги. Правда, и с

ней гешефт сорвался. Надо было звонить до обеда, а я позвонил на пару часов позже.

Игры наши затягивались. Боря предлагал мне каждый раз все новые и новые замечательные машины. Создавалось впечатление, что простой такелажник вхож в высшие круги общества. Продать свои машины якобы предлагали ему партийные функционеры, дипломаты и работники торгпредств, генералы и известные артисты. Из своего вранья Боря не извлекал абсолютно никакой материальной выгоды. Его полностью удовлетворял сам процесс символической купли-продажи. Чтобы сделать игру еще увлекательней, я порекомендовал Борю сослуживцам. Такелажник охотно пошёл и им навстречу. Для каждого у него находилась чудесная машина. К сожалению, никто так и не сумел во время позвонить ему.

Спустя какое-то время, я поинтересовался у Бори, почему он не ездит на работу на своей замечательной «Волге», а предпочитает общественный транспорт.

– Ты чего, – завопил Боря, – с дуба упал? У меня уже два раза угоняли тачку. Слава Богу, начальник ГАИ мой лучший друг, а то бы никогда не нашли. Теперь в гараже стоит, летом на дачу буду ездить.

Летом я случайно увидел, как он кряхтя залезает в обшарпанный «Запорожец».

– Понимаешь, – не смутился Боря, – отдал свою «Волгу» на техобслуживание, а эту колымагу временно одолжил у соседа, все равно она у него без дела стоит.

Я сделал вид, что поверил. Спустя год мы разъехались по разным домам. А через пару лет я случайно столкнулся с Борей у магазина. Он грузил авоськи в тот же убогий «Запорожец».

– Старик, – радостно зашепелявил Боря, – представляешь, продал грузинам свою тачку за двадцать тысяч. За десять купил у генерала участок двадцать соток с роскошным домом. А пока без колёс, занял у соседа его «ушастый». Кстати, тебе не нужна дача? Сосед, заслуженный артист, продаёт дом и пятнадцать соток, недорого.

Я отказался. Зачем мне такой большой участок. Я на свои шесть соток коробку от хлебного фургона поставил. Недорого, и лопаты есть теперь куда поставить.

– Слушай, – поинтересовался как-то один из моих знакомых, – как ты можешь дружить с Борей, он же врёт на каждом шагу.

– А может и не врёт, а пытается осчастливить, – возразил я. – Представь, ты пообещал мне помочь с покупкой машины и сдержал слово. И вот стоит она перед моим подъездом. Я счастлив, готов пры-

гать от радости. А через пару недель накатался, привык к тачке и счастье закончилось, началась рутина. А тут благодаря Боре я чуть ли не год кайфовал, мысленно поездил на американских, шведских, немецких и итальянских машинах и все они были почти новые и почти даром. Это дорогого стоит.

ХАРАКТЕР ПОРТИТСЯ

Кинофильм «Карнавальная ночь» мы бегали смотреть всем двором. После просмотра собирались в беседке на заднем дворе и с хохотом вспоминали реплики героев. О героине фильма Леночке Крыловой говорили с придыханием. Она была принцессой из наших снов. Именно о такой девушке мечтал каждый из нас. Гурченко была сказочно красива, о ее фигуре можно было слагать легенды. «Карнавальную ночь» каждый из нас посмотрел как минимум раз десять. Шли годы, фильмы с ее участием становились событием. С годами она раскрылась и как талантливая драматическая актриса.

В конце девяностых годов Людмила Марковна в очередной раз приехала на гастроли в Германию.

– Надо непременно взять у неё интервью, – посоветовал главный редактор. Господи, подумал я, увидеть вблизи принцессу из детских снов. Об этом можно было только мечтать. Менеджер актрисы, к счастью, не стал чинить препятствий.

– Ради бога, – равнодушно буркнул он, – интервьюируй на здоровье. Послезавтра она приедет в Берлин, будет давать концерт, подъезжай за пару часов до начала.

Столицу в тот год занесло снегом. Машина запаздывала, концерт грозил сорваться. К счастью, за час до начала к подъезду подкатил кортеж автомобилей. Впереди мерседес с кинозвездой. Людмила Марковна в напольной дублёнке легко выпорхнула из машины и царственной походкой направилась ко входу. Свита последовала за ней, держа, однако, приличную дистанцию.

– Ну, так как насчёт интервью? – поинтересовался я, догнав менеджера.

– Никаких проблем, – раздражённо пробормотал он. – Иди и сам договаривайся с ней. При этом в его свите все почему-то ехидно переглянулись и с сочувствием посмотрели на меня.

Гурченко отнеслась к моей просьбе благосклонно: «Для соотечественников – всегда пожалуйста. Подходите за полчаса до концерта».

И вот я сижу рядом с легендой советского кинематографа. Даже вблизи Людмила Марковна выглядит удивительно молодо: роскошные белокурые локоны, длинные ресницы, румяная гладкая кожа. Перед встречей еще раз перечитал ее книги. Детство актрисы пришлось на военные годы, голод, оккупация, немцы. Интересно, с какими чувствами она приезжает в эту Германию?

– Голубчик, – не поднимая век, тоном строгой учительницы осаждает меня актриса, – а вы что, все мои гастролы знаете?

Приходится сознаться, что не все.

– Ну, так сформулируйте правильно свой вопрос!

С третьей попытки актриса соглашается ответить. Ровным, хорошо поставленным, холодным голосом Людмила Марковна разъясняет, что ее концерты всегда и везде, Германия не исключение, проходят при переполненных залах. При этом длинные ресницы как шторы закрывают ее глаза, говорит она практически не раскрывая рта. Мимика полностью отсутствует. Лицо – прекрасная маска.

– Девяностые годы далеко не самые лучшие для российской культуры, – делаю второй заход, – многие актёры остались невостребованными. Как складывается ваша актёрская судьба?

Актриса менторским тоном снова одёргивает меня, требует иначе сформулировать вопрос. После нескольких попыток нам удаётся-таки найти консенсус. Людмила Марковна строгим размеренным, как метроном, голосом разъясняет мне, что без работы в России остаются только те, у кого нет искры божьей. Она, к счастью, не испытывает недостатка в ролях, была и всегда остаётся востребованной.

Понимаю, что у актрисы позади тяжёлый день, длинный переезд, впереди выступление, а тут еще и корреспондент. Торопливо задаю еще пару вопросов. Получаю столь же сухие ответы. Напоследок решаю сделать комплимент, интересуюсь, как ей удаётся сохранять красоту, может быть, она раскроет берлинцам секрет вечной молодости.

Неожиданно актриса стремительно вскакивает с кресла и бросается прочь, выкрикивая на бегу: «Что за идиотский вопрос? Сколько раз можно повторять всем одно и то же – красота это только от Бога!»

Спустя годы, когда жёлтая пресса принялась смаковать многочисленные подтяжки актрисы, мне стала понятна ее бурная реакция. Оказалось, вечной молодостью Людмила Марковна была обязана не одному господину Богу. Врачи тоже изрядно приложили к этому руку и скальпель. Но в тот момент я искренне верил ей и восхищался. На ее концерте я не мог не остаться.

Открылся занавес, и Гурченко появилась на сцене. Глаза ее широко

распахнуты и сияют, она ослепительно улыбается, прижимает руки к груди, благодарит зрителей. Большинство присутствующих ее земляки с Украины. Из зала несутся бешеные аплодисменты, выкрики: «Люся, Люся!»

Концерт прошёл на ура. Актриса пела знакомые всем по фильмам любимые песни, рассказывала о случаях на съёмках, о том, как восторженно встречали ее на международных кинофестивалях. Овации, по словам кинодивы, продолжались там, как правило, от пятнадцати минут до часа. Я невольно позавидовал физической подготовке иностранцев. Сам более пяти минут хлопать не могу, потом начинают зудеть ладони.

Зрители любовались ее удивительно стройной фигурой, эффектными платьями. Актриса упомянула вскользь, что все ее туалеты эксклюзивны. Таких больше ни у кого нет. Что удивительного, думали зрители, наверняка лучшие кутюрье считают за честь шить наряды российской кинозвезде. И лишь спустя годы в документальных фильмах раскрылась и эта маленькая тайна: оказывается, актриса была еще и прекрасной портнихой.

В заключение Людмила Марковна спустилась со сцены в зал, вытянула из кресла бодренького старичка и закружила его в вальсе. Зрители с умилением наблюдали трогательную картину, хлопали. Старушки пытались дотронуться до своей богини, погладить руку любимой актрисы, причитали: «Люся, Люся». Успех был ошеломительный. Надо отдать должное – таланта Людмиле Марковне было не занимать. Для сотен зрителей эта встреча стала праздником, запомнилась на всю жизнь.

Ну, а то, что в тот вечер она была столь строга и неласкова с назойливым журналистом, так в этом он должен был винить лишь самого себя.

Людмила Марковна в своей автобиографической книге честно предупреждала: «характер портится». Кстати, именно так она и назвала одну из глав.

Ольга Мельникова Алексей Мельников

ТЯРПИ, ЗОСЯ, ЯК ПРИШЛОСЯ!

От Хрущёва до Ельцина
1962-1994

(Продолжение. Начало см. в предыдущих номерах «Студии»)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Этот рассказ я слышала от мужчины. Он мне почти ровесник, только вырос – не в Белорусской ССР, а в Башкирской АССР... Тярпи, Зося, як пришлось!

От голодухи не подыхали?

Я перед самой войной родился, в сентябре 40-го. Ясное дело, 41-й не помню я. И 45-й помню не шибко. Но важно что? В эти годы – зверья было много. К примеру, зайцев тех же самых! Отродясь-то как бывает? Фронт идёт – зверь бежит. При любой войне так! Немцы навалились – звери побежали. Иные добрались – аж до Башкирии! Кроме трёх родных сестёр, у меня был брат двоюродный. Он родился в 28-м. Как началась война – брат уже хлопец, а не дэтына. Подросток – стало быть, добытчик! Что ни день, он зайца тащит. Ружьё? Откуда у нас ружьё! Петля из проволоки. Он ее ставит на тропе. Это засветло еще, по дневному времени. Заяц в петлю попадет. Это ночью, в темноте. Голову ему – начисто съедят. Это пока брат придёт. Хоть заяц без башки, а мясо все-таки! Варили, конечно, варили. Это сытнее, чем жарить. Верно говорит народ: кому война, а кому мать родна! Чуток раньше, в 30-е годы – было голодно вовсе. Коллективизация, будь она неладна! Башкирия – не Украина, от голодухи не подыхали. Но даже хлеба – досьта не ели. Какое там мясо...

Между собакой и волком! Это про сумерки говорят. А с чего бы? Поди, с того, что в сумерках – собаку от волка нельзя отличить. Да их даже засветло – перепутать можно... Дело было в октябре 44-го. Откуда точная дата? Не так часто батьку с фронта отпускали, чтобы я ошибся! Мне, стало быть, сровнялось четыре года, маме – тридцать лет, а батьке – тридцать два годка. Вот идём мы пешком. Батька с мамой – позади, обнялись на ходу. Дело-то молодое еще! А война – в разгаре. И встреча – ненадолго. Как тут не обняться! Это сейчас я понимаю, а тогда что ж? Бегу себе, гляжу вперёд. Метров с полста – от меня до них. И столько же – от меня до собаки. Она вышла на тропу из чащи. Здоровая псина! Стоит и молчит. На овчарку похожа, только рыжей шерсти у неё поменьше. А серой и черной – побольше. Но в остальном – как есть, овчарка! Ну что взять с пацана? Я уже было – сунулся к ней. Но батька – тоже ее заметил. И меня окликнул. Я застыл на месте! А волчище что? Снова нырнул в чащу. Забоялся? Может быть! Батька был не при винтовке, он же в отпуске. Но ружейным маслом – батька пахнуть мог! Люди говорят, волки это дело – чуют за версту. Опять же, осень в начале – волчище сытый. За лето отъелся...

Волк растерзать мог

Чтоб ты сдох, гад! Для кого – это ругань, а для меня – случай из жизни. Стояла осень 47-го, может быть – сентябрь еще. Стало быть, я пошёл в первый класс. Но путь до школы он через лес. Мы сроду шли – большой гурьбой... Идём однажды после уроков – и тут гадюка! Она вползла на ветку. На две стороны свесилась. И рожать начала. Гадюка – не кобра, что яйца кладёт. Гадюка живых рождает гадёнышей. А висит на ветке – чтоб тужиться легче. Гадёныши падают, а мы их считаем. Аж тридцать девять штук! Четыре десятка – без одного гада. Самым первым был самый крупный. Размер? Как средний палец у взрослого мужика. Шибко тёмный, почти черный был гадёныш. А последний – вовсе мелкий. Всего с фалангу того же пальца. И очень светлый, почти что белый. Ну, далеко-то не уползли они! Мы живо ямку выкопали. И костерок развели. Сгребли гадёнышей туда, сгорели они все. Говорят, что гадюку – жажда душит при родах. Как у крольчихи, что слотнуть может – своих же детёнышей. Небось, гадёныши, с того и торопились отползти...

Пусть лошадь думает, у неё голова большая! Это хохма, а в чем правда? А в том, что лошадь принято считать умной. А корову – глупой! Но корова иной раз – тоже умная скотинка... Я уже – хлопчик, подросток то есть. У меня – прут в руке, я пасу стадо колхозное. Овечки да бурёнки.

Нет, коня мне не дали! Так вот, минутой раньше – все было мирно. Я брожу, они пасутся. Все мы – на поляне, чаща близко, но не рядом. Не впритык она. И вдруг вся скотина – приходит в движение! Прежнего беспорядка – как не бывало. Все телята, овцы, бараны – внутри большого круга. А этот круг – коровы сплошь. Стоят бурёнки – плечо к плечу, башка к земле, рога вперёд. И вне круга – только двое. Один – это я, второй – это волк. Когда он возник? Откуда пришёл? На кого кинется? Я ума не приложу! А они что? Не только заметили его, но и построиться успели! В полный боевой порядок. Я теряться не стал, протолкался к телятам. И стою там, смотрю на волка. Глядя на рога, он обошёл нас. Не по кругу – по дуге. И нырнул в чащу. Октябрь, слава Богу! Лето недавно закончилось. Волчище еще сытый. Потому и не кинулся. Не полез за свежатиной! Повезло мне, ведь волк – мог меня растерзать. Заодно со скотиной...

Посадят в тюрьгу!

Дыбом волосы встали! Отродясь я думал – это просто трёп. Но тут вышел один случай... Это 58-й год. Мне восемнадцать лет. Школа позади уже, я учусь на тракториста. Занятия в училище – шесть дней в неделю. Пришла суббота, мы отучились. В пять вечера – домой пошёл. Пешком, ага! Тридцать кими в один конец. Часов шесть ходу! Дело было зимой. Очень быстро стемнело. Часов пять – уже иду. Все поля – позади, это хорошо. В поле – ветрище и морозяка! Осталось примерно четыре кмэ. Вокруг уже лес, в лесу ветра нету. Я повеселел, ага. Шапку сдвинул на затылок. Куртку расстегнул, шарф свой размотал. И тут слышу – волки воют! Из оврага, он там рядом. Я знаю точно: бежать нельзя. Это волков привлечёт! Тут волосы и встали дыбом, и шапка поднялась над ними. А я, дрожа от страха, шагаю тихо-тихо. Метров сто так прошёл. Старался, чтоб снег не скрипел подо мной! После не стерпел – бегом кинулся. Три последних километра – я бежал со всех ног. До самой хаты! Прибежал – вижу толпу у хаты напротив. Это в третьем часу ночи! После я узнал – померла соседка. Она была подружкой мамы. Утром я проснулся – уже воскресенье. А в понедельник – снова занятия! Батяка наш в хате был. Он запряг коня и повёз меня. Едем мимо оврага, пошли глянуть – что там? А там весь снег – измят, истоптан, избит. У волков об эту пору – игры брачные всегда. Пару они себе выбирают. Вот это, поди, меня и спасло. Заняты были волки! Не услышали шагов...

Зачем учился на тракториста? Чтобы поехать на целину. На что мне целина? Чтобы хлеба поесть вволю... Есть хотелось день и ночь! Все восемнадцать лет. Даже во сне – сосало в желудке. А наяву – тем более! Вот на

целине – хлеба было вдоволь. И вдоволь было – хлопцев дурных. Помню кинжал у одного целинника. Не хлебный нож, не перочинный ножик. Лезвие из напильника, рукоять из пластмассы. Не иначе, на зоне делали! И как выпьет этот хлопец – так дурит с этим кинжалом. Вот однажды мне – к животу приставил. А мне ума хватило – со страху не орать, от злости не вопить. Говорю медленно: «Ты пырнёшь меня? Тебе хуже будет. Посадят в тюрьгу!» Убрал он клинок, не тронул меня. А позже – пырнул кого-то другого. Хоть и не насмерть. И загремел он! Вот помню суд. Он кричит мне: «Что ты меня не удержал?» Что я ему – нянька, что ли? Верно люди говорят! Пьяный проспится, дурак – никогда...

* * *

От ноября 64-го до ноября 67-го я служил в армии. В Казахстан попал я. Что солдат, что штатский – не всякий казах умел говорить по-нашему: «Товалиса командира!» «Чего?» «Там к тебе жена пришёл!» «Не к тебе, а к вам». «Нет, сегодня к тебе! А к нам твой жена – вчера приходил. Пока ты был командировка...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сорока лет не прожила

В конце 60-х, в начале 70-х – все это было. Я уж говорила про улицу Ленина, бывшая – Сталина. Все три истории – случились там или поблизости...

Очередь возле кулинарии. В очереди – бабы одни, и стоять им – еще долго. Вот и чешут языками. «Вообще-то пирожки – это вредно. С них толстеешь! Но я, в гостях у мамы, семь штук за раз съедаю...» Возле магазина «Чайка» инвалид сидеть повадился. Обои ног у него не было. Зато была фуражка, лежала на земле. Мелочь, небось, туда бросали? Но не при мне. В СССР – нищих не было! Так писали газеты. И побираться было нельзя! Это тюрьмой пахло. Мимо безногого – старушки шли, детки бежали. Вот ведёт бабушка – хлопчика за руку: «Видишь, дядя без ножек? Сказано тебе сто раз, что курить вредно! Вот он курил, курил. И ножки ему отрезали! Вот будешь курить, так тоже отрежут...»

Рынок? Сроду так не говорили в Южно-Уральске. Базар, только базар! Однажды мимо базара – шагал хлопчик, лет десять отроду. В кулаке – мелочь, а в другом – сумка. За покупками шёл. Вдруг остановился он. Малость качнулся, туда и сюда. После хлоп – на спину! Руки разбро-

сал, сумка – прямо в пыль, мелочь забренчала. Хлопчик начал дёргаться! В падучей – биться начал. По-научному – эпилепсия. Народ столпился вокруг. Одни молчат, слов нету. Другие – охать в голос. Кто-то кричит: «Врача бы надо!» А телефон где? На рынке, в конторе – он мог быть. Но не помню, чтоб туда – кто-то побежал. Да, больница тоже рядом! Через два дома. Но и туда никто не побёг. Ох, как страшно хлопца корчило! Вставал на пятки и на затылок, в дугу прямо выгибался. Пена на губах была. И язык между зубов – высунул наружу. Слава Богу, не откусил! Мало-помалу хлопчик затих. Встал, отряхнулся. Сумку поднял, мелочь подгрёб. И пошёл дальше...

Это 76-й, если не раньше, год. Пивной бар и детский сад – стояли рядом. От бара до сада – всего метров сто. Близко шибко? А что делать! Город наш – маленький, тут все рядом. И пивбар, и детсад, и роддом, и цвинтер. То есть «кладбище» по-украински. Так вся мужнина родня говорила. Вот муж в 17.00. отработался, ближе к 18.00. дошёл до сада. Забрал сына, оба-два пошли в бар. Муж взял кружку пива. Посадил сына за стол, поставил там же кружку. Сам вышел – до ветру, думаю. Идёт назад и видит что? Сын сунул палец в кружку, а после облизал. Снова засунул, снова облизал. Муж: «Ну и как, вкусно?» Сын: «Не разобрал я!» Годков десять прошло, тот пивбар закрыли. Пришёл Горбачёв (март 1985 года), начал с выпивкой бороться. Открыли там кафе-мороженое! Сын, уже десятиклассник, туда ходил. И туда же ходили его одноклассницы. Таня, что сорок лет не прожила, умерла в 2008-м. И Аня, что жива все еще (2018), но восемнадцать лет – как ХПН у неё. Хроническая почечная недостаточность! Три дня прошло – айда в больницу, почки чистить. Что тут скажешь? Тярпи, Зося, як пришлось...

Чтоб ты сдох, братишка!

Это 75-й, если не раньше, год. На сей раз – мама моя пришла в детсад за моим сыном. Пока они одевались, подошёл Женька З., он в тот же детсад ходил. «Бабушка, а бабушка!» «Ну, чего тебе?» «Отгадай загадку!» «Ну?» «Три да три – сколько выйдет?» «Не сколько выйдет, а чего будет!» «Чего-чего?» «Тереть да тереть – дырка будет!» Женька – самый младший был из трёх братьев. В 68-м родился. В 67-м – родился Юрка. В 66-м – Сашка, старший самый. Отродясь, все трое – смахивали на мать, а мать – на индианку. Смуглое лицо, нос с горбинкой, волосы тёмные. Только Юрка, средний брат, рыжеватый малость был! Сыновей-то было трое, а мужей – ни одного. Работала мать их – на нашем заводе. И жили мы – одно время в одном доме. От весны 78-го до

весны 84-го. Улица Советской Армии, дом № 16. Только подъезды разные были. Наш – шестой, а их – пятый. Между подъездами был спуск в подвал. Дверь – типа железной, рама – из дерева, замок – амбарный. Сыну пятнадцать уже сравнялось (1984). Раз пошёл он в подвал. Открыл замок, взялся за скобу. Да и выворотил дверь – заодно с косяком. Это не сын – силач оказался! Эта дверь – оказалась вовсе хлипкая. Тут подходит Сашка З.: «Ты чё наделал! Теперь, поди, в тюрьму посадят...»

Жили да были – батька и мама, сестра да брат. Батька и мама – примерно ровесники для меня и мужа. Сестра и брат – где-то ровесники наших детей. Это 71-й, я так думаю, год. Стало быть, дочке той – семь лет, сыну тому – два года. Ладно ли жили муж да жена между собой? Точно не знаю, врать не хочу. А вот сын и дочь – те не шибко ладили. Не очень-то любила сестрица своего братца. Ни поиграть ей, ни погулять, ни с подружками посидеть. Знай, ходи за братиком, пропади он пропадом! Однажды они, все четыре души, поехали в дом отдыха. Может быть, как раз в Хомутино. Муж затерялся где-то с друзьями. Может быть, как раз в бильярдной. Жена зазевалась малость, а после глядь – нет ни дочки, ни сыночка. Она бежать да их искать! Нашлись оба-двое на берегу озера. Дочка сыночка – над водой держит. Может быть, как раз там, где два метра до дна. Очень глубоко! Того и гляди – швырнёт его в воду. Уже подняла на руках – просто страх, как высоко: «Чтоб ты сдох, братишка, чтоб ты утонул! Ты же мне все детство испоганил...»

Зачем дочь в интернат мы отдали тогда? Уже не помню! Сорок лет назад – можно и забыть. Это зима с 76-го на 77-й год. Отвезли ее в Свердловск, ровно на месяц. Что лечение, что учение – вроде все шло путём. Вот привезли назад. Глядь, она почесалась, потом – снова, потом еще. Глянули ей голову. Мать честная, там же вши. «Гришка, гад, гони гребёнку, гниды голову грызут!» Я их лет двадцать уже не видала. С тех пор, как школу закончила (1956). Ну, батька наш – хватъ ножицы! Он злится, я реву. Обкорнал он дочку – тут же, в нашей ванной. Это девочку-то в двенадцать лет! Чуть не под ноль обстриг. Пожалеть ее, утешить, успокоить? И не подумал он! Только морщился брезгливо да знай, резал волосы. Слава Богу, вши исчезли с волосами заодно...

Лизать змеинный яд

Когда это было? Дочке – годков девять, а сыну – четыре! Значит, в 73-м. Я и муж – в кино пошли. Сын и дочь – дома остались. Что смотрели мы? Я не помню! Фильм «Великие голодранцы»? Может быть! Или его продолжение – «Красный чернозём». Зато помню разговор, что

был после фильма. Только в дверь мы зашли, сын у дочки спросил: «А можно я теперь – на шифоньер залезу?» Я, конечно, удивилась: «Для чего, Алёша?» «Мне сестрёнка так сказала: пока мы одни – сидеть надо смирно! Вот вернутся папа с мамой – хоть на шифоньер залазь...»

Еще с год прошло. Стало быть, это 74-й. Рабочий день в разгаре, я на заводе. Вдруг звонит мама: «Воля, только не волнуйся!» «Что такое?» «Алёшка тут набедокурил!» «Чего с ним?» «Съел якие-то таблетки!» «Какие?» «Не знаю!» «Сколько?» «Целую пачку, ажни пять штук!» «Мама, вызывайте «скорую»!» Я бегом домой, сына уже увезли. Гляжу на пачку: аспирин. Ну, слава Богу! Могло быть хуже. Змеиным ядом об эту пору – уже лечились многие. И у нас дома – мог он быть! А если б сын – его лизнул? Я бегом в больницу. Ну, там-то все ясно – промыли желудок. И домой нас отправили...

Думаю, с год еще прошло! Значит, настал 75-й. Сын уже в садик ходил. Поди, там и съел что-нибудь не то! Опять понос сына прошиб, опять его кладут в больницу. И меня с ним положили – при одном условии! Две недели мы лежали – каждый день я полы мыла. Так они велели! Вот полмесяца прошло – три анализа пришло. И все отрицательные. Выписали нас обоих...

Отродясь сын – много болел. Помню его карточку в детской поликлинике! У здорового ребёнка – она в палец толщиной. И это детский палец! У сына она была – в три пальца толщиной. И это пальцы взрослого! То простудится сынуля, то страдает животом. Вдобавок сын плакал и даже кричал по ночам. Я об этом говорила многим, однажды меня спросили: «А сын у тебя – крещённый?» «Нет!» «А ты его покрести – и дочку заодно! Поможет – не поможет, а хуже-то не будет...»

Но где крестить? В Южно-Уральске – бывшую церковь отдали под автовокзал. Надо ехать в Челябинск! Это сотня кмэ. А своей машины нету! Что же делать? И вдруг наш секретарь партбюро говорит: «Я слышал, вы детишек – хотели окрестить?» Именно он у меня спросил, а не я у него! Я же не дура, чтоб про такое – с партработником говорить. В СССР – что? Борьба с религией. Церковь-то отделена от государства! Так гласит Конституция. Отвечаю, запинаясь: «Ну, да... Я хотела... Вроде как...» «Я могу помочь!» «А как?» «У меня в Челябинске есть знакомый батюшка...»

Он меня обнадёжил, я начала ждать. Время идёт, а он молчит! Так и не помог. Чуть попозже я кое-что узнала. Батюшка про всех окрещённых – должен был сообщать поимённо. То ли в райком, то ли в горком, то ли в обком КПСС? И мой партбюрошник – об этом мог знать. Сына мне окрестят, обо мне настучат. Стукнут на меня – нашему партбюро достанется! А зачем им это...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Отгадай загадку! Всего одно слово – четыре буквы «ка». Подсказка: это название города. Город – у нас, в России, ага! Я там училась, я там работала, я жениха там себе нашла. Ну что, не можешь? Никто не может! Отгадка: Йошкар-Ола, столица Марийской АССР. Она сейчас – Йошкар-Ола. А до 19-го года она звалась Царевококшайск. А с 19-го по 28-й – Краснококшайск...»

Смерть как надоели

Гостили мы у родных. Или они у нас? Не помню, не важно. А важно что? Однажды их дети играли без них. Старший братик сказал младшему: «Сыграем?» «Во что?» «В папу с мамой!» «Чур, я мама!» «Нет, мама – это я!» «Я же старше!» «Ну и что, ты мамой – тот раз был». Малость побранились, и сговорились-таки. «Так, ты папа. Мы оба в машине. Ты – за рулём. А я – рядом». «Ага, я веду!» Тут «папа» вроде как начал вертеть руль, а «мама» начала орать: «Ну, ты чё творишь, козёл? Ты чё, не видишь – «кирпич» висит? Куда ты прёшь – штраф захотел?» Папа испуган, он тормозит, едет назад. «Мама» вроде как – опускает стекло: «Добрый день, товарищ милиционер! Как проехать в Тулу, товарищ милиционер? Спасибо большое, товарищ милиционер!» «Мама» подняла стекло, «папа» слушает ее: «Ну, ты чё, козёл? Ты чё, не слышал – как надо ехать? Сначала прямо, потом налево, козёл...»

Эта самая мама – байки часто травила! Например? «Дело было где-то в дальнем гарнизоне. Там народу мало, все друг дружку знают. Смерть, поди, как надоели все друг другу! Вот идёт совещание, ведёт его генерал. Всё порешали, осталось «Разное». Встаёт младший лейтенант: «Почему-то Иванов – давно старший лейтенант! А я – младший все еще. Мы же ровесники и однокурсники!» Все сидят, все молчат. Каждый знает: Иванов женат на дочке командира части. И генерал вопрос – на тормозах спустил. Тут встаёт капитан: «Сидоров – давно майор! А я все в капитанах. Мы же ровесники и однокурсники!» Все молчат, все знают: Сидоров женат на дочке начальника штаба. И этот вопрос – на тормозах спустили. Встаёт еще один: «Почему Петров – уже давно?...» Тут генерал как рывкнет: «Отставить!» Помолчал и добавил: «Не женитесь на доярках...»

И еще байка: «Вот семья – сплошь хохлы! Отродясь с русскими не знались. Как вдруг один сын – женился на русской. И привёз ее в го-

сти. Аж из Мурманска привёз. Океан под боком, рыбы свежей – море просто! Вот и привезли гостинец – лосось не то сёмга. И вот все хохлы, то есть вся семья – за одним столом. Едят и хвалят: «О цэ – рыба, о цэ – смачно! Як сало, ну прямо як сало...»

Сталин помер уже!

Сроду наш батька – балагур был! На любой случай у него – не шутка, так прибаутка. «Не смех...ечки, так пизд...хаханьки». Потому без него – ни одну пьянку в деревне не ладили. Всегда батьку звали и за стол сажали! Вот это жизнь! Чего? Не-не! Ни копейки не платили. Откуда деньги у колхозников? Маме эти гулянки не нравились, а что зробишь? А однажды батька – мне стишок рассказал. Чтобы я в школе его прочла. Это первый класс, я малая совсем. Когда это было? Я родилась в 48-м. Сталин был еще жив! В школу пошла в 55-м. Сталин помер уже! И вот – мама со мной в школе. Так не всякий день случалось! Утренник был не то вечер, якись? Кругом народ! Директор и учителя, родители и детишки. Все затихли, я читаю: «Милый мальчик, весь в говне, // Все ему неловко. // Ляг, бедняжечка ко мне, // Засранной головкой...» Что тут началось! Хлопцы – в смех, девочки фыркают, учителя – в гнев. Скандал, в общем. Нет, меня мама – почти не бранила. Дошли до хаты, сказала батьке: «Эх, Алекса, Алекса! Ну чёму ты дэтыну учишь? Ну чёму?..»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Лагерь и ээки

Это не раньше 76-го, не позже 79-го года. Возле школы № 3 – офицерский дом стоял. И среди учителей – было много «воендам». То есть дам военных, офицерских жён. И сроду воендамы – любили выпендриться. Одна такая пришла к нам домой – от имени родительского комитета. На улицу Космонавтов, в дом № 18, на 5-й этаж. Заявилась, чтоб проверить: как организован школьный уголок...

По всем ли ходили? Не помню, не скажу! Но к нам пришли. Посмотрела эта воендама и спросила: «Это у вас – что за учебники?» Учебники сына, говорю. «А здесь у вас – что за учебники?» Учебники дочки, отвечаю. «Ну и ну! На двоих учеников – уголок всего один? Ну и ну!» «А вы как хотели – чтобы было три?» «А третий-то к чему?» «Так ведь мой муж – студент-заочник! И по-вашему выходит – надо три

уголка. А место где взять? Нас тут – четыре души, а комнат только две! Бог дал телЯ, не дал хлеба...»

Она губы поджала, ничего не сказала. Небось, надулась на меня! Попозже в школе – снова собрание. Эта дама берет слово: «У Мельниковых – школьные уголки толком не организованы! Там несколько школьников – и всего один уголок...» Несколько школьников! Будто у нас – пять душ в одном углу. До чего противная! Заговорили о питании, эта воендама – снова выступать: «Я своему сыну готовлю что? То манты, то пельмени, то котлеты отбивные!» Вот это жизнь, думаю. Интересно, кто у неё муж, если она так каждый день готовит? Офицер – это ясно! Может быть, генерал? Но про генерала – знал бы весь наш город. Муж, по всему видать, много получал! А ей заняться нечем было. Не она ли придумала – эти походы по школьным уголкам...

Воендама к нам пришла – это были дела школьные. Я пошла почти так же – это были дела заводские. Точнее сказать, нагрузка партийная. И пошли мы, я да сын, на дом к одному хлопцу. Жила та семья – в своём доме. В двух шагах от гаражного кооператива. Это в 78-м – там гаражи были, а в них – машины. А в 56-м – там лагерь был, а в нем – ээки... Один раз мы в ту семью сходили! Поняла, что больше – можно не идти. Хлопчик явно избалованный и немножечко с приветом. Такую ерунду он мне наговорил! Нет, родителей не застала я...

Мама умерла давно!

В той же школе № 3 – вела 1-й «А» класс Мария Петровна. В этот класс и пошёл мой сын – в 76-м году. Сентябрь – в школу пошёл, ноябрь – стал октябрёнком! Звёздочку с Ильичом на груди носить начал. Очень мне нравилось, как Мария Петровна вела собрания! О каждом ученике – отдельно не говорила. Говорила про весь класс: учёба, поведение, физкультура. Была она отродясь – воспитанная, порядочная, хорошая. Кроме моего сына, в ее классе было еще тридцать душ. Помню одну девочку – Света ее звали. Когда это вышло? Может быть, в первую школьную зиму. В декабре 76-го не то в январе 77-го. У Светы – мама умерла. Вот Мария Петровна перед классом: «Ребята! У Светочки мама умерла, это же непоправимое горе! Надо отнестись с пониманием!» Прошёл год не то два. И батька Светы – женился снова. Жена оказалась – еще молодая и вскоре она родила. Мария Петровна опять перед классом: «Ребята! У нашей Светы родился братик!» «Га-га-га! Гы-гы-гы..» «Чего вы ржёте?» «У Светки папка – старый уже! И мамка у Светки – давно

померла. Откуда братик?» Мария Петровна – давай объяснять: чего и к чему. Сейчас, сорок лет спустя, этого самого папу парализовало! И на коляске – возит его та самая молодая жена. То есть уже не молодая...

У Марии Петровны – было двое детей. Сын, помнится, был читатель запойный! Это Мария Петровна – тоже в классе рассказывала. А книжек добрых тогда в глубинке – было негусто. Дефицит, вечный советский дефицит! Возьмёт сын почитать что-нибудь у знакомых. И читает всю ночь, от зари до зари! А дочь Марии Петровны – всё замуж не выходила! Как вдруг у нас на заводе – появился новый работник. Был он женат, имел двоих детей. Ни жена, ни дети – помешать не сумели! Дочь Марии Петровны – увела мужика. Поженились, родили двух хлопчиков. Поди, они-то жили ладно? А вот Мария Петровна – страшно переживала! Почему? Ну как же! Ведь дочка разбила чужую семью. Увела мужа от жены. Оставила двоих детей без батьки. Куцевские бы сказали: «Чтоб тебе моё добро – вылезло через ребро...» Инфарктом дело кончилось. Нет, помереть не померла Мария Петровна. Но после инфаркта – не та уже жизнь. Что тут скажешь? Тяпи, Зося, як пришлось...

Утопла в колодце

«Ваньке, Маньке в профсоюз – а сам с хером остаюсь!» Так заводские зубоскалили. Понятно? Только вчера – зарплату дали, уже сегодня – денег нет. Хочу сказать о школьных порядках! Школы были разные, а порядки – одни всюду. Май кончается – деньги трясут. На носу, мол, ремонт школы. Надо денег собрать! Брали не меньше 100 рублей с носа. А зарплата моя – всего 120 рубликов...

Помню еще девочку, сына одноклассницу. Семья у них была огромная – аж десять душ детей. А мама – больная вовсе! И жилплощадь – совсем невеликая. Вот и думай, чем там пахло? Куцевские бы сказали: «Ох, у вас и духу! По самую пердуху...»

Чем хворала у них мама? Мне сейчас не вспомнить. Но тяжело с ней было! И батька их бросил – жену и детей. Сбежал из семьи!

Но это позже случится, а пока на дворе 79-й год. Сыну и его одноклассникам – по десять лет стукнуло. Приняли их в пионеры, повязали красные галстуки. Это в марте 79-го. Через два месяца – был выпускной. Прощай, начальная школа! Прощай, Мария Петровна! Родительский комитет меня загрузил. Купить надо было – букет и вазу. Марии Петровне – подарок на память! А ваза была длинной, а лестница – крутой. И тюкнула я вазу! Отбила ей горлышко. И палец порезала. А времени нет! Вручать надо – сейчас прямо. Бегу домой,

беру нашу вазу, бегу назад. Вазу вручали – в самом конце. А сперва – концерт, дети поют хором: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих...» Я сижу – среди родителей. Небось, все они – молча слушают! Только мама та самая, самая многодетная – не молчит она. Открыла рот, губами шлёпает! Поёт вместе с детьми. Мне до того стало смешно! Даже про вазу разбитую я забыла. Позже эта самая мама – утопилась в колодце. И сама померла, и воду загубила...

Сентябрь 79-го – сын пошёл в 4-й класс. Перевели мы его в школу № 6. Классный руководитель – Ирина Владимировна. Она вела историю, любимый предмет сына. Прошло годков тридцать. В 2010-х годах – уже внучка моя училась в школе № 6. Об эту пору – Ирина Владимировна вышла на пенсию. Батьку ее помню, он на заводе нашем – до пенсии работал. Очень грамотный был киповец! То есть спец по контрольно-измерительным приборам (КИП). И батька ее с ее мамой – сроду ходили под ручку. Частенько я их видала, завидовала, вздыхала! Надо же, думала, как дружно живут. Ведь никто больше так не ходил...

Сын-то не при смерти?

Дело было точно – еще в 3-й школе. Стало быть, не позже 79-го года. Сыну в школе задали тему для сочинения: «Моё любимое животное». Пришёл домой и сел за стол. Написал, подаёт мне тетрадь: «Мама, проверь! Ошибки есть?» Ошибок нет! Что у сына, что у внучки – отродясь ошибок не было! Оба-два – без ошибок пишут, оба-два – правила не учат. И оба-два родились в один день – 24 марта. Только сын – в 69-м, а внучка – в 98-м...

Вот читаю сочинение: «Я очень сильно люблю нашу Ваську. У неё красивые ушки. У неё красивые глазки. У неё красивые зубки. У неё красивые лапки. У неё красивая спинка. У неё красивый хвостик. Я так сильно ее люблю! Может быть, мама обидится, но мне вот кажется – Ваську я люблю даже больше, чем свою маму». Сын у меня еще спросил: «Мама, ты не в обиде?» Нет, говорю, не в обиде. А ты, говорю, и вправду – Ваську так сильно любишь? «Честно слово!» За сочинение сын получил «пятерку»...

А это было – не раньше 81-го, не позже 82-го. Почему так точно? Потому что Наталья Михайловна Ф. – ровного года была классной у сына. Еще молодая, около тридцати. Но уже толстая! С короткой стрижкой. Я однажды пришла в школу, чтобы с ней поговорить. Вот стою в коридоре. Урок уже кончился, звонок уже был! А дверь в класс – все еще закрыта. Но даже через дверь – мне слышно, как она орёт. «Я начальству

напишу! Над каждым родителем – начальник найдётся. Вот каждому начальнику письмо и отправлю! Почему не дали детям – деньги для столовой?» Она именно орала. В коридоре на перемене – шумно всегда бывает! А я каждое слово у неё разбирала. И так мне стало нехорошо, прямо не по себе! Какие же дуры, оказывается, детей учат...

В 80-м году выпросила я в профсоюзе льготную путёвку в Анапу. Одно худо – ехать надо во время 3-й четверти! Учёбу сын пропустит. Как же быть? С мужем поговорила, ничего не решила. Надумала классную сына спросить! Пришла к ней на квартиру. Глядь, она блины печёт. Скородода на огне, тесто в кастрюле, блюдо с маслом. Не отрываясь от блинов, она мне стала толковать: «Вы – мать, конечно, и вам виднее! Но ведь математика – в 3-й четверти будет сложная. А сын-то ваш – не при смерти! Думаю, можно не ехать вам...»

* * *

Сроду было как? Новый год – значит, ёлка! Ёлка – значит, подарок. И подарок тут – не пустое слово. Ведь денег не брали с родителей! Или брали – только 10 %. Еще 90 % – профком завода оплачивал. Ради подарка мой 14-летний сын мог угодить на ёлку к 7-летней мелюзге! Это в январе 84-го. А вручают подарок – под конец вечера. Через час от начала, не раньше никак! Если выдать сразу, все рванут домой. Дед Мороз под ёлкой – один скучать будет...

Каким он был, подарок этот? Мешок бумажный серого цвета. Внутри сладкое: две-три мандаринки, пять-шесть конфеток шоколадных, две-три зефирины. И добрый десяток сосательных конфет! Их еще звали – сосучие. Дефицит, вечный советский дефицит! Только сосучие и были в свободной продаже...

Цены на конфеты? Сосучие – 1 руб. 80 коп. «Буревестник» и «Ласточка» – 3 руб. 70 коп. «Маска», дочкина любимая, – больше 4 руб. «Кара-Кум», его очень редко брали – еще больше стоил! Дороже его – не помню ничего. Значит, вся моя зарплата – всего тридцать кило «Маски». Понятно? 4 руб. x 30 кг = 120 руб. Вот так...

ГЛАВА ПЯТАЯ

За сорок неполных лет – мы переехали шесть раз. Улица Ленина – улица Мира – проспект Космонавтов – улица Советской Армии – снова улица Ленина. А с 15 декабря 1998 года – переулок Сосновый, свой дом. Куда отсюда ехать? Только на кладбище...

Куцевские говорили: «Цвыркун в хатце? Будя горе!» (Сверчок в доме? Будет горе!) А что случится – о том Бог знает. Может, кто помрёт из близких. Война, тюрьма, голод – тоже возможны. Как вижу – цвыркун на нашем крыльце, гоню его сразу! Чтобы в дом не полез. Мы и так, говорю, больные и старые! Беды уже – хватает нам. Скачи давай отсюдава...

С моего детства – семьдесят лет прошло. А я всё думаю: с чего хлопцы в Куцевщине так терзали цвыркунов? Рвали им ноги, крылья и головы! Не с того ли, что взрослые – считали сверчка за плохую примету...

Умер не сразу

Дело было в 74-м. Мы как раз переехали – с улицы Мира на проспекте Космонавтов. Кроме вещей и детей, – перевезли Дымка, нашего котика. Дымок прибился к нам давно, еще на улице Ленина. Мы подобрали Дымка – прямо на детской площадке. Выходит, в 74-м – было Дымку пять лет, не меньше...

За суматохой переезда – забыли Дымка накормить. И глядеть за ним – некому вовсе! Я вещи таскаю, муж вещи таскает. И таскаемся мы – аж на 5-й этаж! Лифт? Сроду в нашем городе не было лифтов. Ни одного! И домов выше 5-го этажа тогда не строили. Сын и дочь? Ему пять лет, а ей – десять. За ними самими, небось, глаз да глаз надо. Где уж Дымка им поручать? Дверь наша на распах – Дымок из неё шмыг! И вниз по лестнице. Выскочил из подъезда, давай еду искать. Нашёл ее в аккурат на проезжей части. И начал жевать, забыв обо всем. Тут летит мотоцикл. Дымок его не заметил? Ездок Дымка не увидел? Бог весть! А только Дымок попал под колеса. Умер не сразу, дополз до спуска в подвал. Мы его там нашли – он уже не дышит. Мы его закопали неподалёку. Метров двести от дома, куда мы переехали. Сейчас, полсотни лет спустя, там спортзал и бассейн. А тогда – было поле, где картошку сажали...

Зарыли Дымка, шагаем назад. Дочка реветь всюю, я тоже вот-вот заплачу! Навстречу нам соседка: «Маринка, что ты плачешь?» «Котьку задавило насмерть!» «Не убивайся ты так! Его уже не вернёшь». «А что делать?» «У меня кошка – как раз на сносях! Как она разродится – так возьмёте котьку». Ну, и слава Богу! Мы так и сделали – дождались родов, народилось там четверо котят. Заводские бы сказали: «А у нас сегодня кошка // Родила троих котят. // Котята выросли немножко, // И двое в партию хотят!» «А третий?» «Не хочет!» «Почему?» «А у него – глазки прорезались...»

«Все котята – мальчики!» Так соседка нам сказала. Через месяц,

через два – мы пришли за своим. Он только и остался при матери. Помню, сидят они рядышком, молочко из миски лакают. «Это точно котёнок? Кошку-то нам не надо». Это я спросила. «Котёнок, как есть – котёнок!» Это соседка в ответ. «Ну что ж, Васькой будем звать!» Так мы решили и понесли Ваську домой. Дома решили уточнить: «А ну-ка, поглядим-ка: ты котик или кошка?» Задрали хвостик: «Да это кошка!» Ну, был кот Василий – стала кошка Вася. Была она белая с черными пятнами...

Васька не померла!

Дело было в 75-м, примерно, году. Жили мы на 5-м этаже. Жили мы все там же, на проспекте Космонавтов. А сеток у нас на форточках не было. Почему? Так их же, отродясь, – в продаже не бывало! Дефицит, вечный советский дефицит... Вот бегу я с работы. У самого подъезда – навстречу девочка соседская: «Ваша кошка в окно выпала! Летела с 5-го этажа. Аж торчали лапки во все стороны!» И девочка показала, куда Васька свалилась. Взяла ее на руки, несущая по лестнице. Сама реву! А вдруг помрёт? Ведь жалко же. Слава Богу, Васька не померла! Но неделю целую – ела очень плохо. После рвота началась. Наша Васька вела себя хорошо. Рвало ее на пол, а не на ковровую дорожку. Ковровая дорожка была у нас одна. Из синтетики, конечно, из синтетики. Это сейчас в гости придёшь – что ни комната, ковёр под ногами. А тогда-то, сорок лет назад! Один коврик на стене, одна дорожка на полу. Вот и все убранство. Не беднее всех мы были. Все примерно так жили...

Это 76-й год, если не раньше. Вот пришли гости к нам. Стали нашу Ваську оглядывать, оглаживать, обсуждать. А она, дело ясное, не любит когда её трогают. Стала вылизываться. Где тронули – там лизнёт! Спину тронули – спину лизнёт. Бочок гладят – его лижет. И тут сынуля высказался. Был он еще дошкольник. «Васька наша может – еще не такое! Сперва сядет на попу. Растопырит ноги, будто балерина! Да как начнёт писю лизать. И лижет, и лижет, и лижет...»

Дело было в 77-м, примерно, году. Дочка ходит в 6-й класс, а сын в 1-й класс бегаёт. Вот пришла я домой. Глядь – чего-то не то с Васькой! А что не так? Не могу в толк я взять. Наконец поняла – усы стали короче. Чуть ни вдвое! Спросила у дочки – она не знает. Спросила у сына – тот мялся сперва, потом рассказал! Пришёл он со школы, включил телевизор. А там мультик про кота. Очень мучился котёнок. Надо усы подстричь! Отросли чересчур. А стричь некому. Горе, в общем! Потом котёнок встретил мышку. Она его пожалела. Взяла мышка ножницы,

подрезала кошке усы. Сын принял это всё за чистую монету! Поди, наша Васька – тоже мучается? Схватил ножницы – и за дело. Отчитала я сынулю. Наша Васька, говорю, она кто? Она – зверь! Без чутья ей не прожить. А все чутьё – в усах как раз. Их нельзя стричь! Говорю это, а сама думаю: ну кто фильм снял? Ну, чем думал?

Помыкался – да и погиб

Сейчас, слава Богу, в продаже есть все! Что для кошек, что для собак. И сухари, и влажный корм, и косточки. И когтеточки есть, ну как без них. Плюс игрушки всякие! И горшок для кошки, и наполнитель для горшка, и то, и сё. И ветеринар – вот он, под рукой! Заболеет животина – знаешь, куда с ней бежать! А тогда, сорок годков назад? Не было ж ничего! Кроме болтовни советской. Телевизор и радио, журналы и газеты – о чем верещали? Об ужасах капитализма. Дескать, в Штатах – люди голодные, собаки сытые. И надеть людям – вовсе нечего, а все кошки – в попонках щеголяют. Людям жить негде, а у домашних скотов – крыша над головой. А собачьи консервы и кошачьи консервы – это уж вовсе мерзость буржуйская! Ох, не зря мама новостям не доверяла. Сроду было как? Выслушает мама молча, а после сказанёт: «Брешут, Воля, брешут! Як собаки брешут...»

Это я к чему? Это я к тому, чем кормили Ваську. Ела наша Васька – примерно то же, что мы ели. Консервы кошачьи? Небось, только во сне могла их увидеть. Снова мамины слова: «Покормите кота и собаку! У них же нет ручек, чтобы достать что-то из холодильника...» И передержек в СССР – не было тоже! Чтобы кошку оставить в надёжных руках. А самому уехать в командировку, скажем. Зато было кино – «Белый Бим-Чёрное ухо» (1977). Про хозяина и пёсика. Сперва жили душа в душу. Потом хозяина – в стационар. А псинку – на улицу. Пёска мыкался, мыкался – да и погиб! Фильм наделал много шуму. Его смотрели и обсуждали. Школьников на него гоняли целыми классами. У девочек истерики случались. В общем, СССР – он и есть СССР. Даже если обсудят проблему, все равно ее с места не сдвинут. Что тут скажешь? Тяпи, Зося, як пришлось...

А вот эта история была в 82-м году, никак не раньше. Жили мы уже – на Советской Армии. Сыну стукнуло тринадцать годков. И стал он читать – охотно и много. А книжек-то было негусто! Дефицит, вечный советский дефицит.

Книжки домашние – сын прочёл быстро. Всё, что полки Ленина, книжки Брежнева – этих-то полно! Да кто читал их по доброй воле... В

городской библиотеке – тоже все освоил. Школьная библиотека? Такая же история. Где еще взять? Я по знакомым пошла. Однажды дали мне – Жюль Верн, «Таинственный остров». Вот это да! Только сыну-то, видеть, было еще рано это читать. Но отдавать «Остров» – не спешил сынуля. Домучить его надеялся! И держал «Остров» на своём столике. Так вот, наша Васька – когти об Верна поточила! Что я ей тогда сказала? «Ох, Васянская, Васянская! Что за кошка хулиганская». И вышло что? Прежде – сын тянул, книгу не отдавал. Теперь я сама – тянуть стала! Авось, царапины как-нибудь сгладятся? Все же отдать книжку пришлось. Слава Богу, вопросов не было...

Трупик в ямке

Дело было в 84-м году, никак не раньше. Жили мы уже – на улице Ленина. Это бывший проспект имени Сталина. «Сталинский» адрес для Васьки – оказался последним...Первый раз я увидела это – сразу позвала сына: «Алёша!» Подошёл. «Сознавайся, твоя работа?» Дом старый был, в 60-х не то 50-х годах возведён. Окно – прямоугольник. Шесть квадратов – в два столбика. И форточка – в одном из средних квадратов. Так вот, Васька сидит – прямо между рамами. Сроду я не видела – кошку между рамами. Сын отпирался, потом признался. Да, сперва – запахнул Ваську он! Но потом ей там понравилось. С подоконника прыг – и Васька в проёме форточки. Вниз оттуда прыг – и Васька между рамами. А уж там хорошо! Со стороны улицы – солнышко греет. Со стороны комнаты – врага видать издалека. Скажем, сын крадётся – его загодя видно...

Когда ж это точно было? Небось, зимой. Сын уже – в последнем классе. Стало быть, зима с 85-го на 86-й год. Ваське нашей жить осталось – полгода, не больше. В июне она помрёт. Но мы об этом еще не знаем. И фото семейное делаем мы. Все шесть душ: я да муж, дочь да сын, Васька да Рэксик. Так вот, Рэксик наш – прямо в кадр глядел! Словно знал, чего надо. А Васька – в бок глядит упрямо! Словно приметку знает. Мол, не гляди в кадр. Чем больше в кадр глядишь, тем хуже для тебя. Помрешь скорей...

Двенадцать годков прожила наша Васька. Летом 74-го – взяли мы ее. Летом 86-го – мы ее закопали. Дело было как? Васька уже при смерти – не ест, не пьёт, едва встаёт. А у сына – экзамены выпускные. Может быть, Васька умерла – аккурат шестого июня? В этот день сын сдал экзамен по литературе. И что сочинение, что устный экзамен – сыну достался Пушкин. Так вот, оба раза – на «пять» сын сдал. Когда на устном

– ответ закончил, вопросов от комиссии не было. Но тут встала – классная сына. Та, что меня отговорила в Анапу ехать! Она тоже сидела в комиссии. «Какой день сегодня?» Шестое июня, говорит сын. «А что это за день?» Не знаю, говорит сын. «Нынче родился Пушкин!» Запомню, говорит сын. Это всё – было утром, а вечером – мы Ваську засунули в коробку. Не Ваську то есть, а ее трупик. Отнесли коробку на школьный двор. Сын лопатой вырыл ямку. Я положила туда коробку. И сын засыпал её землёй. Я молча плакала, сын шмыгал носом. Заводские бы сказали: «Заходи прохожий, // Навести мой прах. // Я-то – уже дома, // Ты – еще в гостях...»

Молча покинули мы школьный двор. Нет, школы там уже не было, в 86-м году там был УПК. То есть учебно-производственный комбинат. Раз в неделю старшеклассников туда гоняли. Сына учили там на электрика...

* * *

Мужу сровнялось 32 года, когда он поступил в вуз. Точнее, в ОМЭИ – Омский энергетический институт. Это 72-й год. Диплом выдали мужу – через шесть лет. Это 78-й год. Вот эти шесть лет – очень трудно было в смысле денег. Голодать – не голодали! Но считали мы – каждую копейку. Муж едет на сессию – надо деньги с собой взять. Сессия – почти месяц. Нужно по три рубля на день. Это почти девять сотен рублей. А где их взять? Мы же тянем от зарплаты до зарплаты. И у нас двое детей! Сбережений-то у нас не бывало отродясь. Взаимы брали у родни. Да еще я занимала – на своём заводе, в кассе взаимопомощи... А однажды соседи клопов морили, – как раз когда муж на сессию уехал. Ждать, пока вернётся? Клопы нас всех закусуют! И меня, и дочь, и сына. Разобрала я софу. Выволокла все части на балкон. Обработала все швы – нет, не кипятком. Что-то синее в пузырьке. Дали мне это – в нашей санэпидстанции. Бесплатно, кажется! Муж вернулся – клопов нету...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Про Андрея я уже рассказала. Он был сын Зины, моей старшей сестры. Она родилась 25 марта 30-го, а померла 23 марта 96-го. Сколько же прожила? Шестьдесят шесть годков почти. Теперь про Вову расскажу. Он был сын Лены, тоже моей сестры. Она родилась 30 мая 32-го, а померла 7 января 98-го. Столько же выходит! Тоже шестьдесят шесть годков почти...

Померла бы попозже?

Отродясь в Куцевщине мы не видели рыбу! Моря нэма, речки нету, озёр нет тоже, одни болота. Откуда рыбе взяться? И вот так вот – аж семнадцать лет подряд. Это я про себя. Родилась в 39-м. В Кичигино перемалась в 56-м. И только здесь рыбкой меня побаловали. Когда Лена замуж вышла за Володьку. Ни сети, ни бредня – ловил он на удочку. Придёт с речки, швырнёт улов: «Рыбу, Ленка, продать нужно!» «А ты куда?» «Обмыть надо это дело!» «А на какие шиши?» «Да у меня же – друзья кругом! Не один, так другой – при деньгах...»

Володя – выпивать, а Лена – продавать. Обычно там было сколько? Поди, пять кило, не больше. Подлещики – с ладонь размером, пескарики – в палец длиной. Лена их сложит в сетку капроновую. И бегом на автобус. Приедет в Южно-Уральск, побежит по знакомым. И ко мне заскочит: «Воля, рыбу по соседям покажи!» Слава Богу, люди брали. Ведь цену Лена не задираала. Просила меньше, чем на рынке. Ни разу не было, чтоб мы рыбёшку всю не пристроили! Останется одно кило, так Лена мне его отдаст. В четыре рта – живо мы эту рыбку сжуём. С выручкой Лена – бегом в магазин. За молоком и кефиром, за батонем и калачом. Всё это было – только в Южно-Уральске, в Кичигино этого не было. Дефицит, вечный советский дефицит! И на автобус – Лена идёт с полными сумками. Но с пустым карманом! Выпить Володьке не на что будет...

Володька – это муж Лены, а Вовка – ее сын. Специальность Вовкина? Каменщик он был, кончил ГПТУ. Заводские бы сказали: «Господи, помоги тупому устроиться!» Нет, тупым Вовка не был. Но устроиться ему удалось не шибко. Вовка родился где? В Кичигино. Деревня – она и есть деревня, в свободной продаже – только хлеб да водка. Там у них в магазине можно было услышать: «Дайте две буханки водки!» «Чего-чего?» «Я говорю, дайте две бутылки хлеба...»

Молоко? Не завозили им. И не только в 60-х! Вовка, аккурат, в 61-м году родился. Что 70-е, что 80-е, что 90-е годы – такая же история. Аккурат, в 98-м Лена умерла. И до самой смерти – все покупки она на горбу таскала. С Южно-Уральска в Кичигино! По десяти бутылок за раз – и это только молоко. А кефир, а сметана! Да батон, да калач. Может, меньше таскала бы – прожила бы подольше, померла бы попозже. Что тут скажешь? Тярпи, Зося, як пришлось...

До трёх лет тюрьмы

Вовка оказался последышем! В 57-м Лена родила Светочку. Лене было двадцать пять. Светочка родилась мёртвая. В 58-м Лена родила Любку. Лене было двадцать шесть. А Любке было – всего тринадцать, когда она утонула! В 61-м Лена родила Вовку. Лене было двадцать девять. Вовка, слава Богу, дотянул до шестого десятка. Он помер в 13-м году...

Про молоко – сказала я. Про колбасу и мясо – и разговора нет! Свинью держать свою? А корм где взять! В свободной продаже его не бывало. А и был бы корм – на какие шиши его брать? А хлебушком скот кормить не могли! За это засудят. (Указ Президиума ВС СССР от 6 мая 1963 года). До трёх лет тюрьмы давали! Овощи и фрукты? Ну, свой огород – почти весь под картошкой. Для других овощей – две-три грядки всего. Под фрукты – нет места. Так жили все! Вовка, как все кичигинские, небалованный вырос...

«Горячее сырым не бывает!» Вовка часто так говорил. Хоть про кашу, хоть про что. Зимой на рыбалке – сроду холодрыга. Хоть насмерть, помнится, не замёрз никто! Как замёрзнешь, если принял на грудь? А как принял, так охота закусить. Небось, любая закусь – хороша на морозе? Лишь бы горячая! По-другому согреться? Так никак по-другому! Это сейчас, тридцать-сорок лет спустя, на прилавке все найдётся. Хоть белье тёплое, хоть палатка зимняя, хоть чего! А тогда? Дефицит, вечный советский дефицит. И на прилавке – пусто, и в кармане – негусто! Как-то Вовка моего сынулю на рыбалку звал. Вовке – лет двадцать было, сыну – годков двенадцать. «Лёшка, пойдём!» «Нет». «Почему?» «Палатки нету, а там – зима, холод и ветер!» «На тебе куртка есть?» «Есть». «И на мне есть!» «Ну?» «Еще найдём кого-нито!» «Ну и что?» «Считай, три куртки – одна палатка...»

Палатка из курток – это хохма, конечно! Но вообще-то Вовка рукастый был. Это 75-й, примерно, год. День рожденья Вовки. Будний день в сентябре месяце. Отработали, приехали, сели за стол. В разгар веселья – весь свет погас. Нет электричества, нету! А нам уезжать – еще рановато. Тут Вовка себя показал! Вынул фонарь карманный. Влез на стол. Прикрутил проволокой – фонарь к светильнику. Нажал на кнопку: да будет свет! Веселье пошло своим чередом. А Вовка сказал: «Эх вы, безрукие! Чё бы вы без меня делали...»

Как его не убило?

Как-то приехала я к Лене. Мы с ней говорим, а Вовка сына моего – повёл с собой. «Тётъ Оля, тут подвал в соседнем доме! Приходите туда за Алёшкой». Я туда вхожу – там кипит работа. Кроме Вовки и сына – там еще трое хлопцев. И у каждого – свой аквариум. Один только-только чертёж кончил. Другой материал расходный перебирает. А третий уже – и каркас сладил, и стенки вставил. Теперь только щели промазать! Вовка тоже аквариум – своими руками сработал. Нет, небольшой. Метр на полметра. Это мало вовсе. Была в гостях, видела что? Квартира о двух комнатах, и в меньшей – четыре аквариума. Так каждый – как ванна, ей-Богу! Или как кровать среднего размера. Не комната, а общага. Почти все место занято. Только не койки – аквариумы!

Это 76-й год. Точно помню! Вовке стукнуло пятнадцать. Он кончил восемь классов в Кичигино. И поступил в ГПТУ в Челябинске. Поселили его в общежитие. Отродясь было как? Шесть дней в неделю – Вовка жил там. Как выходной – Лена к нему едет, а то он в Кичигино махнёт. У куцевких песня была: «Мамачка галубка, – просиць сын так мила:// Хоць бы ты на рэчку пагуляць пусцила?// «Ну, идзи, сыночак, скоранько вярнися,// Ды глядзи у рэчцы ты не утопися...»

В один из приездов – Вовка пошёл с хлопцами на речку. Там и нашёл он эту дрянь! Патрон не патрон и мина не мина. Цилиндр из жести, с одного конца – вроде как запаянный. С другого конца – гладкий вовсе, торчат два провода. Вовка принёс его домой, стал разбирать. Поди, отвёрткой ковырять начал... Лена была на кухне, а Вовка – в комнате. Вдруг взрыв и крик! Лена бросилась в комнату. Сын сидит на диване, в руках – патрон. Светильник с потолка снесло. И дым валит! А сын кричит: «Мама, врача!» Как его не убило? Бог вещь. Когда рвануло, осколков много попало в бедра. Но не в пах, и слава Богу! И дети у Вовки родились. Но это после, а пока... Диван под Вовкой – хотя не вспыхнул, но начал тлеть. И тлел даже тогда, когда Вовку взяли на носилки. Телефон? Откуда! Это ж СССР. Не то, что в их «однушке», во всем подъезде телефона не было. Кто-то знакомый – помог с машиной. Повезли Вовку в Южно-Уральск. В ту самую больницу, где прежде я робила. Там Вовке сделали перевязку. Кроме глаза, осколки угодили в лицо, в руки, в бедра! Но все раны – поверхностные, а не полостные. В полость живота, к примеру, не попало ничего...

Мужик помер, дочь утопла

Через пару дней – из Южно-Уральска Вовку наладили в Челябинск. Я напросилась с ним, нас увезли на «скорой помощи». В приёмный покой прибыли вечером. А с утра, мне сказали, – к врачу на приём! Ну, ясное дело – я с ним пойду. Надо ночевать – а куда податься? Вовка говорит: «Тётъ Оля, вот адрес: улица Свободы, дом 82! Там Наташа, моя сокурсница, живёт с мамой. Вы от меня привет передайте. Они вас приютят...»

Пришла по адресу. Квартирка-однушка, но везде – очень чисто! Батки у них нету, а мама – больная. Руки артритные – суставы красные, совсем опухшие. Ничего делать ими не может. И весь дом – на дочке, звать ее – Наташа. Такое имя будет попозже – у жены Вовки! Но это после, а пока что? Сели за ужин – гречка и мясо. Потом Наташа дала мне два одеялка, одно – под себя, одно – на себя. Легла на полу, выспалась нормально, ничуть не мёрзла. Утром я встала, Наташа дала мне гостинец для Вовки. Целая связка бананов! Зелёные, как батарея отопления в казённом доме. Вот пришла я к Вовке, подаю бананы, а он не берет: «Не хочу, тётъ Оля!» «Почему?» «Это жратва для обезьян! Пускай обезьяны хавают бананы. А я не обезьяна...»

В общем, бананы достались мне. И я, то есть мы, всей семьёй – отведали их впервые! Дефицит, вечный советский дефицит. Сроду бананов мы не видали в Южно-Уральске. Челябинск? Совсем другое дело, это же областной центр. Лежал Вовка три недели. И плохо что? Он повязку сорвал рано! После операции ему наложили повязку марлевую. Она закрывает глаз полностью, есть лишь дырочка малая. Вовка эту повязку – сорвал через день. А потерпел бы неделю-другую? Небось, глаз остался бы зрячим! Так мне врач говорил. Может, Вовка нарочно порвал повязку, чтобы кривого – в солдаты не взяли? Не знаю, не скажу...

Куцевские как бранились, – густо зреньё поминали: «А кааб твои очи повылазили! А каб тебе мать свою больше не видеть! А каб тебе очи вороны поклевали! А каб ты детей своих не увидела!» Почти так и вышло с Вовкой...

Второй глаз не ослеп – и на том спасибо! Проведать Вовку – я еще ездила, раз не то два. Лена – нет, не могла! Плохо себя чувствовала, переживала из-за Вовки. От нервов – обострялась ее гипертония и прочие болячки. Лена-то все время была на нервах. Сперва мужик помер, потом дочь утонула, затем сын подорвался. То ли дело Зина! Дочка мёртвая родилась. Мужик пьёт по-чёрному. Сын растёт как сирота. А Зине-то всё как с гуся вода...

Могила и жулики!

Нет, книжек в доме – у Лены не было. Почему? Первым делом, денег не было! На поесть и попить, на одеться-обуться все доходы уходят. Еще одно, в лавке кичигинской – что продавали? Маркс да Энгельс, «Сборник произведений Ленина» да «Справочник партработника». Это ж СССР. А Вова – еще школьником фантастикой увлёкся. Так и говорил, бывало: «Фантастика – моя слабость!» Убей Бог – не знаю, где он книги брал. Думаю, по знакомым. Две штуки я помню. Серая обложка – Хаггард, «Копи царя Соломона». Красная обложка – Нефедьев, «Могила Таме-Тунга». Поди, помню с того, что позже мой сын читал обе-две. Лучше сказать – зачитывался! Особенно «Могилой». Она про сокровища, про жуликов, про учёных. Про леса на реке Амазонке...

Ох, Амазонка – милое дело! В ней же мыться можно. Что летом, что зимой. Зима-то у них – без снега, без холоду! А на Урале – совсем другое дело. Особенно в Кичигино. В своих домах – бани были, хоть и не у всех. А в той квартире, где жила Лена с Вовкой? В комнатке – темно-вато, в прихожке – тесновато. Но самое главное – всего один кран. Что на кухне, что в ванной. Холодный, конечно! То есть горячую воду – не то что не давали. Даже не обещали! А санузел как выглядел? Не то гардероб, не то кладовка! Отродясь было так: куда не глянь – одёжки лежат, обувки стоят. Унитаз в одном углу – за бархламом почти не видно. Ванна в другом углу, тоже частью не видна...

Сколько помню Вову – столько помню грязь под его ногтями. На руках обеих! Где он мог отмыться? В общественной бане. Стало быть, раз в неделю. А еще шесть дней – черно под ногтями. Бывало, они приедут к нам в гости. И всей семьёй купаться лезут. Все пять душ! И Вовка сам, и жена его, и оба хлопца, и девочка. Пока все перемоются, пока высохнет каждый! Полдня уже пройдёт. Пора домой ехать.

Помер Брежнев

Летом 81-го моя дочь поступила в МХТИ. Он же – Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. И слава Богу! Дивчина из глубинки – прошла в столичный вуз. Могла и не пройти. Осенью того же года – Вовка женился, невесту звали Наталья. Вовке было двадцать лет, невесте – столько же, небось. Свадьба гуляла в столовой кичигинского РМЗ. Он же ремонтно-механический завод. Да, это там я робила в 56-м году. Только в 56-м году – не было столовой там...

Примерно через год, летом 82-го, Вова с Наташей – у нас в гостях. У неё живот – уже виден стал. На каком месяце была она? Не помню. Но мы это дело – решили отметить! Садимся за стол, разлили по рюмкам. Мужу и мне, Вовке и Наташе. Она сперва пить не хотела: «Я же на сносях!» Но тут ей сказали: «Выпей за маленького!» И она выпила... В ту же осень – помер Брежнев. А зимой – Наташа родила первенца. Назвали его Вовой. Наташа, их единственная дочь, родилась в 83-м. Последыш их, Алёша – в 84-м родился...

В 84-м Вовка-батька – на стенку что-то повесить вздумал. Коврик? Может быть! Взял молоток и гвоздь. Выбрал место – давай стучать. А там бетон сплошной, видать! Стукнул по гвоздю. Тот отскочил от стенки. Стукнул еще, еще отскочил. Стукнул снова – гвоздь согнулся. Дрели своей – сроду нету. Откуда такая роскошь? Первое дело – стояла дрель немалых денег. Еще одно – не факт, что дрель свободно лежала в магазине. Дефицит, вечный советский дефицит... Плюнул Вовка с до-сады, отошёл в сторону. Только и сказал: «Ху.ня – му.ня!» Молоток и гвоздь – на полу оставил. Вовка-сын поднял молоток. И гвоздь схватил. Сунулся туда же – давай стучать! Ничего не вбил, конечно. Но тоже сказал: «Ху.ня – му.ня!..»

Замёрзли бы насмерть?

Это 89-й, примерно, год. Стало быть, уже при Горбачёве. Вовке-сыну лет семь было. Осенью – школа ждёт, а пока лето – гуляй-не хочу! Ушли они вдвоём, Вовка и его ровесник. Оба-два не дурни, вроде. Не про них сказано: «Кусок шалапуты дурного!» Играть затеяли – между жилым домом и лесной опушкой. Там полно маленьких огородов. На одном из них – бак стоял железный. Большущая такая ёмкость! Типа цистерны с откидным люком. Был он пустой, крышка была отворена, хозяев было не видно. Оба хлопчика – влезли в этот бак, стали там играть. Так заигрались – про всё забыли. Тут крышка – клац! Кто ее захлопнул? Бог весть! Может, такой же хлопец. Может быть, случайный прохожий. Может, сам хозяин бака. Надоело гонять хлопцев, он решил их проучить...

Полсуток примерно они там сидели. Лето – не зима. Бак на солнце раскалился – хлопцы задремать могли. Почему так думаю? Мы же с Леной их искали – на тех самых огородах! И в бок тому баку – мы тоже стучали. А хлопцы ни гу-гу! Поди, спали. Куцевские бы сказали: «Не выежно – так вылежно!» (Не дали досыта поесть – так дайте досыта поспать!) Обошли мы с Леной огороды все. И пошли до дому. Только че-

рез два не то три часа Вовка заявился. Кто-то откинул крышку! Может быть, опять-таки – это был хозяин? Решил, что хлопцев проучил. И можно выпустить засранцев! Слава Богу – не зимою было дело. А то за полсуток – замёрзли бы насмерть...

Вовка-батя был внешне похож на Высоцкого. Особенно при бороде! Точь-в-точь Владимир Семёнович. Да, песни Высоцкого Вовка любил. Например: «Если я чего решил, то выпью обязательно!» Или еще: «А потом кончил пить, потому что устал!» Еще одна: «У меня запой от одиночества, по ночам я слышу голоса!» Чего греха таить? Выпить Вовка – отродясь любил! Особенно много пил последние лет пятнадцать (1998-2013). С того, видать, и онкология возникла. Рак желудка, говоря точнее. И умер Вова в гнойной хирургии. В том самом отделении горбольницы, где я работала с лета 61-го до весны 63-го...

* * *

22 октября 92-го мой сын и его невеста – подали в ЗАГС заявление. В Кировский ЗАГС Екатеринбургa. На 22 января 93-го – регистрацию им назначили. Ноябрь не то декабрь – сын привёз невесту в Южно-Уральск, чтоб нас познакомить. На тех смотринах – был и Вовка-батя. Он шепчет сыну: «Твоя на сносях?» «Да ты что, нет еще!» «Когда будет брюхатой – покажи ее мне». «Зачем?» «Я заранее скажу: хлопец будет или девка...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На ногах у моей мамы – вены были варикозные. Но большие пальцы – на ногах не скрючило! А ее мама и моя бабушка? Прузя, она же Прузына. Хоть вены не вылезли, но пальцы ног скрючило. А у меня? И скрюченные пальцы, и вылезшие вены. Наследство от обеих...

Озёрск-57 и Чернобыль-86

Откуда онкология? От вредной экологии! Это сейчас, шестьдесят лет спустя, все знают всё. А тогда, к примеру – в сентябре 57-го? Кроме начальства, никто и не слыхал про аварию на «Маяке»! Это химкомбинат, что в Челябинске-40 (он же – Озёрск). «Закрытый город», как тогда говорили. Их еще называли – п/я. То есть почтовый ящик. Туда и нынче – посторонним вход воспрещён. «И въезд запрещён, и вбег запрещён, и прыг запрещён!» Так сказали б заводские. А уж тогда, шестьдесят лет

назад! Сроду было так: во что ни плюнь – всё государственная тайна. До сих пор аварию называют как? Кыштымская, а не озёрская! Почему? Потому, небось, что Озёрск (он же Челябинск-40) – совершенно секретный объект. Его даже не было на советских картах... Что за авария? ЧП с радиацией! Взорвалась ёмкость с радиоактивными отходами! Тот же Чернобыль, только пораньше – почти на тридцать лет...

Да, в Кыштыме я бывала! Нет, слава Богу, не тогда, когда случился взрыв. Попозже годков на двадцать. Это 77-й, примерно, год. Мне Кыштым не понравился с первого взгляда! Автобус приближается к городу, а город – укрыт пеленой темно-серой. Заводы гудят, а трубы дымят. Было нас двое – я с «Кристалла» и женщина с ЗРК (он же – завод радио керамики). Послали нас на кыштымский радиозавод – передовой опыт перенимать. Провели мы в Кыштыме ровно сутки. Вчера утром приехали, нынче утром уехали. Много ли опыта перенять можно за такой срок? А грязищи мы – много повидали! Весь город – грязный. Грязно на улицах, грязь в магазинах. Перекусить зашли в «Кулинарию». А там все витрины – засижены мухами. И мухи ползают прямо по выпечке! И жужжат так – хоть уши затыкай. В гостиницу не пустили нас, отвезли в заводской дом отдыха. Там мы ночь провели! Провели, а не проспали. Даже глаза не сомкнули. Какой-то мужик таскался под окнами до самого утра! Искал какую-то бабу, всё звал ее по имени. И обещал исправиться: «Брошу пить, курить и шляться! Станут деньги появляться...»

Чему тюрьма учит

Рак угробил Вову – в 13-м году. Рак угробил маму – в 94-м году. Хотя мама – дольше Вовы прожила. Вова на 53-м году помер, а мама – на 83-м году. Бог дал веку...

За что Зина, моя родная сестра, угодила в тюрьму? Про это я скажу после. Сейчас о таблетках речь! Зина после зоны – любые таблетки любила. Поди, наркоту искала. Чему доброму тюрьма выучит? К чифирю-то Зина точно там привыкла. Сядет чай пить, начнёт просить: «Долей, Воля, мне заварки. Еще добавь! Долей еще, Воля...»

А вот мама наша – отродясь в таблетки не верила! А с чего так? Может, с того, что вообще болеть ей не довелось. И привычки к лечению – не было вовсе. И привычки к таблеткам – тоже не было. А витамины мама любила! Нет, не драже, а как раз уколы. Весна и осень – у мамы праздник. Сперва я возьму рецепт и куплю витаминов. Недорого, денег хватало всегда! Мама отнесёт их в процедурный кабинет. После

ходит туда – две недели подряд. И каждый раз при параде! Строго во всем новом: платок и кофточка, сарафан и тапки. Встанет пораньше, придёт заранее. Займёт очередь, отстоит часок. Ее уколют, она – домой, очень довольная собой. Польза? Была польза, а как же. И аппетит появится, и речь оживится, да и вообще – радость на лице! Любила мама витамины...

Убей Бог, не помню, кто придумал маму – тащить к психиатру? Но не я, это точно. И не Лена, Коля, Зина! Мой муж? Возможно! Вот приехали мы в Троицк. Это город в сорока км от Южно-Уральска. Что? Нет, Троицк звался Троицком и в советское время. Ну да, странно! В СССР же боролись с религией. А название «Троицк» – от слов «Святая Троица», ясное дело. Как не сменили название? Бог вещь! Так вот, в Троицке – была психбольница. Отсидели мы очередь и зашли в кабинет. Доктор спросил: «Вас как зовут?» Мама в ответ: «Леонидия Васильевна!» Могла сказать иначе: «Как меня зовут? Зовут редко, чаще гонят!» Психиатр снова: «А какой день сегодня?» «Солнечный!» «Нет, я число и месяц спросил». «Воля, пошли отсюда!» Мама встала. Ну, кое-как я ее успокоила. Посидела она малость, доктор с ней поговорил. Увидел, что она – в своём уме. Прописал витамины. Те же самые, что раньше я ей покупала? Не помню, может быть! И отбыли мы домой. Больше в дурдом я маму не возила...

Поросёнок жив, маму потеряли!

Дело было в сентябре 93-го. Стало быть, уже при Борисе Ельцине. Маме перевалило за восемьдесят. Родилась-то она – еще при Николае втором. Сроду у мамы, сколько я помню, болячек не было особых. Все восемьдесят лет! Не о ней анекдот: «Ты работаешь?» «Да, работаю!» «Как работа зовётся?» «БАМ!» «Это что, Байкало-Амурская магистраль?» «Да нет же! БАМ – это значит: больница, аптека, магазин. Я же больше нигде не бываю...»

Как-то вдруг мама перхоть, задыхаться, кашлять начала. Пошли мы к хирургу. Он послал нас к онкологу. Это муж прокурора, то есть прокурорши. О ней речь впереди. Онколог маму на рентген отправил. Сделали снимок, пришли назад. Он маме сразу: «Выйдите, пожалуйста!» А мне напротив: « Попрошу остаться!» И с глазу на глаз – все мне рассказал. Про раковую опухоль в мамином легком. И прописал бефунгин – экстракт из чаги. Я вышла к маме. Та была озадачена, но вопросов не задавала. Пошли мы в аптеку, нашли экстракт сразу. И цена невелика оказалась, слава Богу! Так оно и пошло. Раз в неделю

примерно – я экстракт куплю, мама его пьёт. Кашель и перханье – всё прекратилось. Маме явно лучше стало! Да только ненадолго...

Опухоль была с левой стороны. То есть близко к сердцу! Может быть, потому и умерла мама так быстро? Доктор мне сказал: «Будь опухоль справа, небось, дольше бы протянула! Может на год, может на два». С мамой быстро все случилось. В сентябре 93-го – еще живая, в марте 94-го – уже мёртвая...

Стало быть, полгода она – пила тот экстракт. Нет, операции быть не могло! Мама на девятом десятке, кто же сунется ее резать? Думаю, что опухоль – из-за пневмонии. Откуда пневмония? У Лены, сестры моей, в ту пору поросёнок был. А здоровья у Лены – почти что не было! Лет двадцать уже Лена была на инвалидности. Гипертония! И вышло что? Лена свалилась с давлением. А поросё – надо кормить! Куцевские говорили: «На сала свинья не гасала!» (Свинья не просит, чтоб ее резали!) Вот и мама не просилась – вошкаться с тем поросёнком. Но пришлось ей вошкаться! На кормёжку – шла картошка. А ее мыть надо! Каждый Божий день. Но кран в Кичигино – холодный только. Вот холодной водой – мама и застудилась! Поросёнка откормили, маму потеряли. Что тут скажешь? Тярпи, Зося, як пришлось...

В понедельник – мама умерла

Дело было в марте 94-го. Сыну нашему 24-го числа, в четверг, стукнуло 25 лет. На выходные муж и я – собрались в Екатеринбург. Проведать чтобы сына с невесткой. На своей машине – долго ли? В пятницу пошла я проведать маму. Зашла, поздоровались, молчим. Я на ее ноги смотрю. Вены – страсть как разбухли! Аж торчат синими бугорками. И тут дети забегают в мамину комнату. Я узнала внуков Зины. Ага, думаю! Поди, сама Зина – тоже близко. Мама подала голос: «Яки-то дети пришли...» «Так Зины внуки!» Это вслух говорю, а сама думаю: «Мама-то не в себе – правнуков не признает!» Она снова: «Зины внуки?» «Ну да!» «А потребны они тут?» Слава Богу, думаю. Мама-то в себе. Просто не рада правнукам. Может, мама с Зиной в ссоре? Приеду от сына, мирить их буду. Так я подумала. В субботу – мы уехали, вернулись – в воскресенье. А в понедельник – мама умерла...

Жил да был хирург в Южно-Уральске. Болтали, что он отродясь – не дурак был выпить. Даром, что мама его – прокурор была. То есть прокурорша, жена прокурора. Вроде бы хирурга – даже в луже видели! Валялся он там по пьяному делу. Почему его с работы не гнали? Бог весть! Может, заменить было некому? Отличный хирург из област-

ного центра в глубинку не поедет. Может, дело своё наш хирург знал туго? В трезвом виде, я хочу сказать. Ни дать, ни взять – наша Зина. Отличный работник – до первой получки! А там в запой... Позже этого хирурга – в онкологи наладили. Почему? Может, больных раком в городке прибавилось. Где тут, на Урале – их не прибавляется? А может – еще проще. Отличный онколог из областного центра в глубинку не поедет. Быстрее своего хирурга переучишь! И это он в 93-м сказал мне правду. То есть нарушил служебную инструкцию: «Вообще-то не положено про такое говорить прямо. Но так и быть, скажу! Рак у неё, у мамы вашей. Только вы меня не продавайте...»

Такой у них порядок – что четверть века назад (1993), что четверть века спустя (2018). Анализы – взяли, советы – даём, рецепты – пишем. Но «рак» – не скажем вслух никак! Годков десять, не то девять, прошло? В 2002-м внучке моей – было четыре годика. Пошли мы гулять. Вот так – переулочек Сосновый, а так – Клубничная улица. Тут навстречу нам – онколог на велосипеде. В руке мороженка – в стакане вафельном. Может, он к больному ехал? Но только с «левым» визитом! С того и на велике. На официальный вызов – поехал бы на «скорой помощи»! Это ясно как день...

Кто откажет прокурорше?

«Передайте Горбачу: // Не пила и не хочу! // Передайте Брежневу: // Пила и пью по-прежнему...»

Сама не видела! Мне рассказали это – про жену нашего городского прокурора. Она же – мама нашего городского хирурга. Он, чуть позже – наш городской онколог. Дело было где-то на природе. В доме отдыха «Берёзка»? Может быть! Стало быть, на озере Мезенцево. Прокурорша заплясала, напевая: «Передайте Горбачу! Передайте Брежневу!» Другие частушки? Тоже могли быть! Когда это вышло? Ну, в 85-м, никак не раньше. Поскольку пела она про Горбачёва, что затеял борьбу с выпивкой. В отличие от Брежнева, что с выпивкой не боролся...

«Интим хочу, люблю интим!» Ее же слова. Придут гости к прокурорше. Она сразу – бегом к окнам! Чтобы шторы опустить. И свет не включает! А гости – что гости? Дома делай что хочешь, а в гостях что велят. Щуп да щуп – сядут за стол. Какой-то свет все же – пройдёт через шторы. Ложку мимо рта – не пронёс никто! Ну, вскоре все поняли: зачем тот «интим»? Прокурорша окна мыть – не любила сроду. И не мыла их годами! Пыль да грязь – на всех окнах. Пыль да грязь – всюду в доме. А в потёмках – ни пыли, ни грязи не видно! Вот к чему ей «интим»...

«Учёба в ВУЗе – один год!» Это не хохма, это документ. Тоже про неё! Прокурорша в одно время со мной – на завод наш пришла. Помню ее анкету: «Год рождения – 1935. Окончила среднюю школу – 1952. Учёба в ВУЗе – 1 год». Вроде бы в педу она училась. Заводские бы сказали: «Ума нет? Иди в пед!» С чего бросила ВУЗ? Да с того, небось, что замуж выскочила! За прокурора аж. При таком муже – диплом не нужен. Так оно и вышло! А взяли-то прокуроршу на такую должность, где требовалось высшее техническое. Даром, что у неё – гуманитарное, да еще неоконченное. Ничего, приняли! Кто ж прокурорской жене откажет...

Две смерти за две недели

У прокурорши – умерла мама. Она же – тёща прокурора. Прокурорша очень шибко убивалась. Плакали и другие женщины, помогая убирать покойницу. А прокурор-то не сказать, чтоб шибко горевал. Отродясь как бывает? Зять по тёще не плачет! Прокурор сказал им: «Чего вы, девки, зря убиваетесь? Все там будем...»

И словно сглазил он! Прошло с полмесяца, никак не больше. Собрались они ехать за город. Они – это сам прокурор да прокурорша, да сын-хирург, он же – онколог. В деревне где-то у них пасека была. Прокурор на пенсию вышел – и начал пчёл разводить! С год он с ними вошкался. Выходит, ему было только-только за шестьдесят. Вот на ту пасеку они и собрались! Сын – за шофёра, батька и мати – за пассажиров. Прокурорша назад села. Прокурор думал сесть возле сына. Дверцу откинул, ногу занёс. И упал на месте! И концы отдал. Даже испугаться не успел, поди... Инфаркт или инсульт? Бог весть! Но так или иначе прокурорша – и маму, и мужа потеряла за две недели. Не дай Бог никому...

А вот в мае 18-го года я три сна в одну ночь увидела! Накануне приезда сына. Вот первый сон. Какое-то фойе. Большой накрытый стол. За ним – полно гостей. Одна я опоздала. Вхожу я в это фойе. Иду к столу. И тут закуски с него исчезать начали. Тарелка за тарелкой, блюдо за блюдом. Нет, не люди их убирают. Люди вообще к ним не прикасаются. А кушанья пропадают. Одно за другим! Так все и пропали. Смерть, как я напугалась...

Теперь второй сон. Я на приёме у доктора. Был то есть медосмотр сперва. И прошла я – по всем врачам. А теперь вот – к терапевту, он итоги подведёт: «И не рак у вас, и не онкология!» А что же тогда? Этого не сказал он. Или я не услышала? Потому как – кинулась бегом оттуда. На радостях, что рака нету...

Вот третий сон. Бегу по нашему переулку. Бегом прямо бегу! Хоть наяву – еле ходить могу. Домчалась бегом до ворот наших – а они открыты! Хотя дома, как помнится мне, нет никого. Прошла ворота, в дом вошла. А там сын! Уже приехал, на день раньше...

* * *

Моя мама умерла в 94-м. Было ей 82 года почти. Мама мужа – еще раньше, в 80-м ушла. Было ей 65 полных лет. Намного раньше, не в 62-м ли году, муж завёл себе привычку. Придём в гости, выпьет рюмку. И давай обсуждать свои похороны: «Вы уж там смотрите, долго не тяните! Нечего, нечего длубаться. Заройте меня по-быстрому, а то вонять начну...»

ЭПИЛОГ

Отцы и дети, кровь и смерть

Говорила я уже – про шпану в Южно-Уральске. Сроду ее было полно! Взять 60-е годы. В городе много бывших эков. Сталин их сажал, Хрущёв выпустил. Лагеря не стало, а им куда ехать? Взять 70-е годы. В городе драки – день и ночь. «Низовские» против «ресторановских», а те – против «экрановских». Взять 80-е годы. Появилась группировка «Сингапура». Бог весть, откуда такое название! Кажется, это они большую драку в Кичигино задумали. Целым автобусом – туда приехали! В общем, история эта – когда угодно могла случиться. При Хрущёве, при Брежневe, при Горбачёве...

Жил да был хлопчик, лет двадцати отроду. И какая-то шобла – стала хлопца терзать. На улице прохода не дают. Деньги при нем – деньги отнимут. Вещь приглянется – стащат с него. И поколотят еще! В милицию идти? Там хлопца засмеют. А шобла все наглее и наглее. Ты, говорят, свою мать убей. А хлопец даже не спорит! Совсем замордовали его. Только спросил: а как это сделать? Воды, говорят, вскипяти. Да в глотку ей вылей – полный чайник. Хлопец так и сделал. Да, померла мать после этого. Судили его? Наверное, да. Сказал он про шпану? Наверное, нет. Ведь если сказал бы – улики какие? Заводские бы сказали: «Слово к делу не пришьёшь!» Думаю, сел он – годков на пятнадцать. Расстрел? Вряд ли! Про расстрел я бы запомнила...

По-моему, эта история похожа на старую песню:

*В одном городе близ Саратова,
Под названием тот город Петровск,
Там жила семья небогатая.
Мать бледна там была, словно воск.
Долго мучилась, разнесчастная,
Поняла, что покинет наш свет,
Позвала к себе своих детушек
И дала им последний совет:*

В Саратовской области – до сих пор есть город Петровск. Это сотня вёрст от Саратова. Теперь ясно, где было дело: в Поволжье. А когда было дело? «Мать бледна была, долго мучилась!» Видимо, 1921-й год – голод в Поволжье...

*– Милы детушки, покидаю вас,
Трудно будет без мамки вам жить,
Не оденут вас, не обуют вас,
И голодным придётся ходить.
Поглядев на них, мать заплакала,
И вздохнула она тяжело.
– Милы детушки, покидаю вас,-
Так закончила слово своё...*

Ну, точно – голод! И голод всеобщий. Иначе родня взяла бы к себе – детей покойницы. А если родня – сама голодает? Или перемёрли все? Тогда помочь некому: «Не оденут вас, не обуют вас...»

*Схоронил отец одинокую,
Стал теперь для детей сам не свой,
Он нашёл себе жену новую,
С чёрствым сердцем, с кровавой душой.
И не раз, не два говорит она:
– Милый мой, уничтожь ты детей.
Печку вытопи и сожги ты их,
Нам вдвоём будет жить веселей...*

Опять про голод! Не всякий вдовец – умом тронется, схоронивши жену. А в голод такое – запросто с ума сведёт. «Милый мой, уничтожь ты детей». Снова про голод! Не просто убить – съесть их она хочет...

*Так и сделал он по словам её,
Быстро печку отец затопил,
Засадил в мешок сына младшего.
Тут же в печку его положил.
– Милый папочка, -- просит девочка, –
Завяжи мне от страха глаза.
Чтоб не видеть мне смерть ужасную,
И простимся с тобой навсегда...*

Зачем сжигать? Скажем, утопить – гораздо легче. Думаю, печь – это намёк: детей не просто убьют, а именно съедят. «Засадил в мешок сына младшего». Почему сын не сопротивляется, не кричит? Ослаб от голода...

*Завязал глаза отец девочке
И хотел её в печку бросать,
Это видела одна женщина,
Стала громко в окошко стучать.
Собрался народ, спасли девочку,
А братишка уж мёртвый лежал,
Лицо чёрное, обгорелое,
Факт кошмарный пред всеми предстал...*

С чего батька – такой наглый? Убивает детей – прямо на дому. Мог же в лес увести! Почему не увёл? Да потому, небось, что всё село – уже вымерло. Батька уверен, что в окошко – заглянуть некому...

От редакции «Студии»:

На этом обрываются мемуары Ольги Мельниковой, печатавшиеся в нашем журнале в течение 4-х лет. Это были очень искренние и непосредственные воспоминания о трудной послевоенной жизни простого человека в деревне и маленьком городе. Это была история одной семьи на фоне жизни целого поколения советских людей – бесправных, задавленных постоянным советским дефицитом, но не растерявших природной смекалки, оптимизма, способности к взаимопомощи в трудные моменты. Эта семейная сага безыскусно рассказывает о том, что вечные человеческие ценности – семья, любовь, добросовестный труд – помогают выжить в условиях фальшивого социалистического

коллективизма и уравниловки. Ольга Мельникова умерла в этом году. Отдадим должное ее острой наблюдательности и меткому народному языку. Поблагодарим ее сына – Алексея Мельникова – за запись и обработку устных воспоминаний матери.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

Юлия Андреева родилась в Ленинграде в семье служащих. В 17 лет поступила на обучение и последующую работу в «До-театр». В 2002-2004 гг. работала на радиостанции «Открытый город», где вела постоянную рубрику «Литературная гостиная». В 2003 г. за роман «Мёртвым не понять» стала лауреатом премии «Созидатель». В 2004 г. стала кавалером Золотой Пушкинской медали «За сохранение традиции в литературе» и Золотой медали имени Г.Р. Державина в 2006 г. В 2010 году книга «Многоточие сборки» была удостоена премии им. Н. Гоголя в номинации «Портрет».

Галина Шестакова – пермский прозаик. Пишет о трудных людях с трудными судьбами. Имеет публикации в бумажных и сетевых изданиях. С несколькими рассказами удачно выступала в прошлогоднем номере «Студии».

Полина Беспрованная родилась в Ленинграде, окончила физ-фак ЛГУ. Работала за Полярным кругом. После возвращения в Санкт-Петербург редактировала журнал «Пчела». Автор нескольких сборников стихов. С 2009 года живёт в Иерусалиме.

Леонид Аранов родился в Ленинграде в 1940 году. Окончил в 1966 году Ленинградский военно-механический институт. Работал преподавателем физики, инженером в судостроительном проектно-конструкторском бюро. Писал исключительно «в стол», и лишь в 2011 в газете «Зарубежные задворки» появилась его работа, посвящённая анализу отдельных фактов из истории генерала А. Власова. Впоследствии были опубликованы и другие работы.

Дмитрий Близнюк родился 20 октября 1979 года в Харькове. Окончил ХНПУ, работает предпринимателем. Публикации в периодике: «Сибирские Огни», «Знамя», «Новая Юность», «Нева», «Крещатик», «Номо Легенс» и др. Публикации на английском: «Dream catcher» (UK), «Magma» (UK), «River Poets Journal» (USA), «The

Gutter Magazine» (Scotland), «The Planot Review» (Israel) и др. Лауреат нескольких международных конкурсов, в частности: «Кубок Мира по русской поэзии», «Чемпионат Балтии по русской поэзии». Победитель конкурса «The Best of Kindness 2017» (USA). Книги стихов «Сад брошенных женщин» 2018, «Утро глухонемых» 2018.

Вышел сборник стихов на английском «The Red Forest» 2018 («Fowlpox press», Canada). Живёт в Харькове.

Игорь Альмечитов родился в 1973 г., живёт в Воронеже, окончил филфак Воронежского государственного университета. Печатался во многих российских и зарубежных журналах. Победитель международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Литературная Вена» в номинации «Малая проза» (2013 г.).

Ольга Завадовская родилась во Львове. Основная профессия – преподаватель музыки. Её стихи часто можно видеть в русскоязычных изданиях Германии. «Я снова в ожидании чуда», «Лирика», «Немыслимо любить» – книги лирических стихотворений поэта.

Сергей Петров родился в 1960 г., москвич, по профессии юрист. Печатался в питерских журналах (Аврора, Невский альманах), в журналах других российских городов, а также в сетевых изданиях. Публиковался в ряде зарубежных литературных журналов («Русский глобус» – США, «Новый свет» – Канада, «Зарубежные задворки – Германия»). Издал в 2011 г. исторический детектив «Все когда-нибудь заканчивается».

Лев Мирошниченко (родился в 1932 г. в семье сельского учителя русского языка и литературы, в Оренбургской обл.) – российский учёный-эпидемиолог в области наркологии, энциклопедист, писатель, поэт. Один из ведущих специалистов страны в изучении наркологической ситуации. Литературное творчество представлено книгами: «Войны России: обороны и нападения. Параллельная хронология за 400 лет (1613–2015)» (2016), «Сгущенье слов. Верлибры» (2017), «Чем хвастаешь, моя Россия? Верлибры сатирические» (2018).

Степан Левин родился в 1945 году в Москве. Закончил МИЭМ, работал в различных НИИ Москвы и инженером-исследователем на немецких и американских фирмах. С 1990 года живёт в Берлине.

Константин Июльский Журналист, корреспондент РББ (Радио Берлин-Бранденбург). Его корреспонденции, рассказы и очерки печатаются в русскоязычной прессе Германии. Живёт в Берлине.

Ольга Мельникова (Кныш Ольга Николаевна) родилась в 1939 году в деревне Куцевщина Великораевского сельсовета Копыловского района Бобруйской области (Белорусская ССР). Начиная с 2011 года, её сын **Алексей Мельников** стал записывать её устные рассказы.

